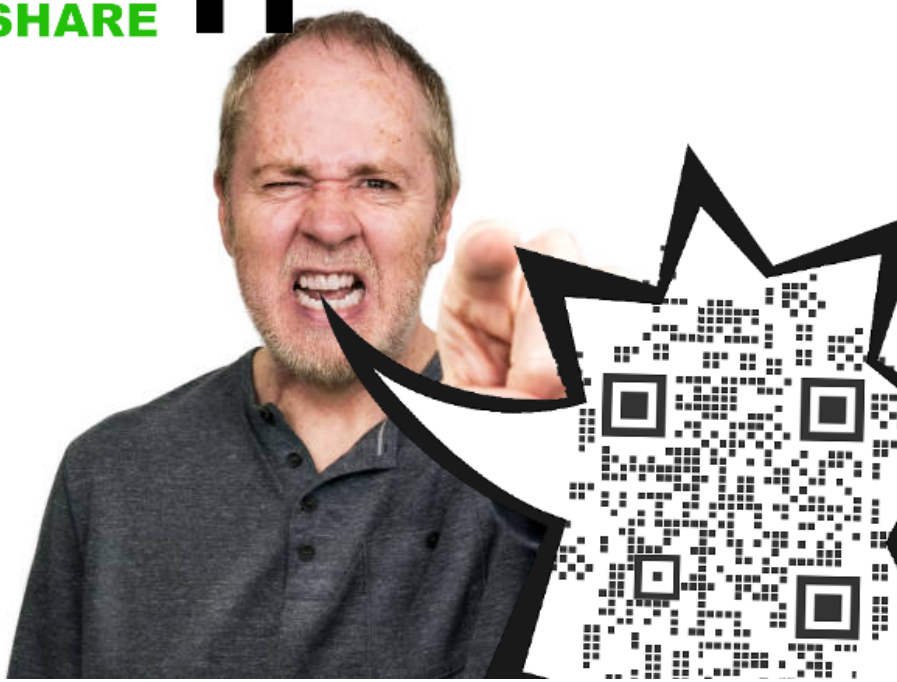
ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ

НЕПОВТОРИМОЕ

3

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Третья книга известного русского генерала В.И.Варенникова «Неповторимое» охватывает период его службы в составе Группы Советский войск в Германии и Прикарпатском военном округе.

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

- Валентин Иванович Варенников
  - Предисловие к третьей книге
  - Часть IV
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
  - Часть V
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Фотографии

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое
Книга 3

Посвящается соотечественникам и особо — офицерскому корпусу

Предисловие к третьей книге

Основные вехи (события) третьей книги

Познание оперативно-стратегического эшелона Вооруженных Сил — крупная армия, большой приграничный военный округ. Радости и трагедии, неожиданности и со сменой власти в Вооруженных Силах, и с моим переводом в Генеральный штаб.

Третья книга «Неповторимого» включает две части — четвертую и пятую: «Оперативно-стратегический эшелон. ГСВГ» и «Прикарпатский военный округ».

В четвертой части представлена служба в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ) — командовал вначале 3-й Ударной армией, затем был первым заместителем Главнокомандующего ГСВГ.

Армия в то время насчитывала 75 000 человек личного состава и 2500 танков. Можно представить, какой была Группа Советских войск в Германии, если она в своем составе имела пять армий и множество отдельных соединений и частей. Это был не буфер для смягчения удара в случае развязывания войны агрессором, а мощный гарантированный щит для нашей страны и поддержания мира в Европе, который после отражения удара мог превратиться в карающий меч, способный совместно с основными силами ГСВГ разрубить любые группировки противника и пронзить всю Европу до Бискайского залива в течение месяца.

ГСВГ фактически была и кузницей военных кадров всех звеньев Вооруженных Сил СССР. Учения проводились самостоятельно войсками ГСВГ и совместные с войсками ННА ГДР, напряженно и круглый год.

Описана ситуация, сложившаяся к тому времени в ГДР, а также представлены политические деятели этой страны, назревшие проблемы и участие в этом советского руководства. Наши взаимоотношения с немцами — демонстрация истинной дружбы.

В ГДР еще одна встреча с Брежневым, а через два года пребывания в должности первого заместителя Главнокомандующего ГСВГ встречаюсь с Брежневым еще раз, но уже в Москве на Старой площади в связи с моим назначением командующим войсками Прикарпатского военного округа.

Прикарпатский военный округ (пятая часть книги), как и

Север, — это лучшие годы моей жизни и службы. Вообще командующий войсками военного округа (как и командующий флотом) — это уникальная должность, способная решить все основные вопросы в интересах личного состава и офицеров округа, боевой готовности и боевой способности подчиненных войск. Мне довелось командовать ПрикВО немногим более шести лет. Это было счастливое время. И причиной тому — прекрасный офицерский коллектив.

Приобретенный в Группе Советских войск в Германии навык оперативно-стратегического мышления, несомненно, имел свое логическое продолжение в Прикарпатском военном округе. Войсковые и другие учения, проводимые нами и с нами старшими начальниками, а также различные мероприятия, проведенные Центром на базе ПрикВО, только подчеркивали роль и значение нашего округа.

Смена власти в Вооруженных Силах — неожиданность для всех. Смерть А. Гречко. Неспособность Д. Устинова быть министром обороны была налицо. Назревал раскол в руководстве Министерства обороны. Меня насильственно переводят в Генеральный штаб.

Служба есть служба!

Часть IV
Оперативно-стратегический эшелон. ГСВГ

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Глава I
Группа советских войскв Германии (ГСВГ) — полевая академия высшего уровня

Маршал И. И. Якубовский: «Это самая большая армия в мире». Мое назначение и неприятие главкома П. К. Кошевого. Полярно меняются взаимоотношения, но Кошевой — это личность. Войсковые учения с 10-й Гвардейской танковой дивизией — это барометр. Командиры дивизий — лица высшего класса подготовки. Армейские учения со всеми войсками 3-й Ударной армии.

Колеса поезда монотонно постукивали на стыках рельсов. Я продолжал вспоминать встречи с высшими военачальниками, когда обходил московские кабинеты в министерстве. Самого министра не было — он находился в отъезде. На мой взгляд, наиболее интересной и далеко не формальной была беседа с первым заместителем министра обороны, он же был и Главнокомандующим объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора.

Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубов-ский был легендарной личностью. В войну командовал танковым батальоном, полком, бригадой. Стал дважды Героем Советского Союза, получил эти высокие звания в начале и в конце 1944 года за стремительные прорывы в глубину обороняющегося противника, выход в его тыл, разгром вторых эшелонов и пунктов управлений, что вносило хаос в действия немцев. А захват узлов дорог и отражение ударов подходящих резервов усиливали общую благоприятную ситуацию, которая создавалась для главных сил фронта: наши войска продвигались стремительно, добивая не успевшего отойти противника. После войны он командовал танковой дивизией, а уже в 1960 году стал Главнокомандующим Группой Советских войск в Германии — огромной и мощной группировки войск наших Вооруженных Сил. И когда его назначили на пост первого заместителя министра обороны — никто не удивился. Это была достойная личность.

И внешне он выглядел весьма внушительно: здоровенный, как Антей, налитый физической силой до предела, а черты лица как у тяжелого танка. Сидит, положив кулаки — двухпудовые гири — на стол, и всем своим внешним видом подавляет всё, что вокруг, — мебель и собеседники становятся игрушечными.

Эта его своеобразная красота (особенно когда он был в маршальском мундире) некоторых приблизительно равных ему военачальников и государственных деятелей раздражала, подавляющее же большинство им искренне восхищались. Тем более когда знакомились с ним поближе. Внешне он был кремень, а душа у него — добрая, щедрая, душа настоящего человека. Была у Ивана Игнатьевича одна любопытная черта — почему-то во время отвлеченных от службы рассуждений немножко впадал в своеобразную меланхолию. Например, при разговоре о природе, цветах и особенно о птицах. О птицах он знал много, видно, с детства был очень наблюдателен, к тому же перечитал гору книг о пернатых и мог говорить о них часами. И если его слушали внимательно, а он это прекрасно чувствовал, то он весь, всей своей махиной, отдавался рассказу о какой-нибудь маленькой пташке — о ее нравах, характере, поведении, как ее приручить и т. д. Разбирал ее по перышкам. Даже не верилось, что об этом говорил он, маршал Якубовский.

Но когда Иван Игнатьевич, будучи, например, Главнокомандующим ГСВГ, занимался воспитательной работой, тем более если она касалась кого-то персонально, то он совершенно преображался. Помахивая своим пальцем перед лицом собеседника, как поленом, он втолковывал ему понятия, что такое хорошо и что такое плохо, так, как этого не мог сделать никто. А в заключение говорил, что если имярек немедленно не сделает для себя необходимых выводов, то загремит со всех своих постов. И это производило должный эффект.

Конечно, обо всем этом я узнал значительно позже, когда по долгу службы пришлось встречаться с маршалом и в ГСВГ, и в Прикарпатском военном округе.

А сейчас меня привели к нему перед отъездом к новому месту службы не столько как к первому заместителю министра обороны, сколько к военачальнику, который длительное время командовал ГСВГ.

— Это прекрасные войска, — увлеченно говорил мне маршал. — Они ничем другим не обременены — занимаются только боевой учебой. У них высшая степень боевых возможностей и боевой способности. Выучка отличная. Вот почему за каждой из дивизий и бригад, как и за аэродромами и штабами, американцы установили круглосуточное негласное гарантированное наблюдение. И как только какая-то дивизия зашевелится или взлетит группа самолетов, это немедленно становится известно в НАТО — обозначается на планшетах и высвечивается на экранах. Я уверен, что они находятся в состоянии постоянного страха. И пусть их трясет! А что касается

3-й Ударной армии, на которую тебя назначили, так это самая большая и самая мощная армия в мире. Самая грозная армия.

Да, да, — продолжал маршал, заметив мой удивленный взгляд, — я не преувеличиваю. Есть у нас 11-я Гвардейская армия — количество дивизий у нее больше, но общая численность в сравнении с 3-й Ударной — ниже, а по количеству танков она вообще не имеет аналогов. Из пяти ее дивизий четыре — танковые, плюс два танковых полка тяжелых танков для прикрытия границы и два учебных танковых полка по 350 танков каждый. Не каждый фронт во время войны имел столько на направлении главного удара. А личный состав армии — 75 тысяч! Я уже не говорю о ракетчиках и артиллеристах. Словом, это ультрасовременная армия. И стоит она на главном оперативном направлении — надежно прикрывает выход на Берлин, но в случае агрессии противника — через два-три дня будет на Рейне и успешно его форсирует, как это сделали наши казачьи корпуса 150 лет назад, когда наступали на Париж.

Счастливый ты человек, генерал. Такую тебе дали армию! Я просто завидую, — сказал маршал напоследок искренне, от души.

Он встал из-за стола, сгреб мою ладонь и другой рукой, похлопывая меня по плечу легонько, чтобы ничего внутри не отбить, заключил:

— Еще раз поздравляю с этим высоким назначением. А что Петр Кириллович (Главнокомандующий ГСВГ маршал П. К. Кошевой) немного ворчит, так это все перемелется. У него такой характер. Желаю тебе счастливой службы.

Я ушел, конечно, под большим впечатлением. И что меня самого особо удивило — впечатление было сильнее, чем от посещения ЦК КПСС, который я считал до 1975 года святым органом. И сейчас, в поезде, я больше всего вспоминал подробности встречи с Якубовским.

Действительно, если такая армия находится на столь ответственном направлении, то, естественно, на нее возлагаются и соответствующие задачи и надежды. Надо сделать все, чтобы армия отвечала своему предназначению. Печально, конечно, что меня посылают в ГСВГ насильно, против воли Кошевого. Что-то надо делать. А вот что — ума не приложу. Самое главное — сразу всё взять в свои руки и управлять твердо, не раскисая под «ударами» (если они последуют). Но, конечно, необходимо добиться реального улучшения дел уже в ближайшие месяцы.

В пути времени было много, и я подробно расписал себе план действий на перспективу. Правда, не все было сделано, как задумывалось, но намеченная канва помогла мне провести генеральную линию. Главный упор был на офицеров — без них я

ничего не решу.

В Берлине на вокзале меня встретил адъютант командующего армией младший лейтенант Василий Ткач (как выяснилось, раньше он был длительное время сверхсрочнослужащим), вместе с сержантом. Василий Ткач оказался симпатичным молодым человеком, воспитанным и культурным. Войдя в вагон и отыскав меня, он представился и стал докладывать.

— Товарищ командующий, — начал Ткач (я не стал его перебивать — так уж принято было в войсках: начиная с армии и выше, единоначальников называли не по званию, хотя в Уставе об этом написано ясно, а по должности), — генерал-лейтенант Горбань, вместо которого вы приехали, находится сейчас в Вюнсдорфе — в штабе Группы и ожидает вас там у генерал-полковника Туронтаева — начальника штаба Группы.

— Очень хорошо. Поедем в штаб Группы. Я представлюсь начальству. Это далеко отсюда?

— Через час будем в штабе Группы. Только, кроме Туронтаева, там никого нет: главком — в отпуске, отдыхает в Бадзарове, здесь в ГДР, первый его заместитель генерал-лейтенант Говоров и начальник Политуправления генерал-полковник Мальцев — на выезде.

Мы ехали не очень быстро, так что с помощью Василия я смог кое-что в городе разглядеть. Разумеется, Берлин и его пригород за 20 лет после моего отъезда в Советский Союз преобразились капитально. Да и я сам уже не тот, кем был тогда. Уезжал майором, а теперь возвращался генерал-майором. Карьера, конечно, не головокружительная — такая, как у большинства, кто «пашет». Правда, я уже генералом был пятый год.

По автостраде промчались быстро и вскоре оказались в штабе Группы. У центрального подъезда нас встретил комендант штаба и провел к Туронтаеву.

Переступив порог, увидел двух генералов. По званию определил, кто из них Туронтаев, и обратился к нему:

— Товарищ генерал-полковник, генерал-майор Варенников, представляюсь по случаю назначения на должность командующего 3-й Ударной армии.

— Здравствуйте, Валентин Иванович, здравствуйте, — тепло сказал он. — Знакомьтесь — Василий Моисеевич Горбань, вместо которого вы прибыли. Ждет не дождется, когда его отпустят в родной Киев.

Мы поздоровались, сели и договорились о порядке действий. Решено было, что мы с генералом Горбанем едем сейчас в Магдебург, в штаб армии, а Туронтаев связывается с Кошевым и договаривается о времени, когда тот сможет нас принять, после

чего мы по сигналу Туронтаева едем в Бадзаров. А пока Василий Моисеевич ознакомит меня с войсками. Конечно, жгучего желания ездить совместно у меня не было. Это напрасная трата времени: было бы нетактично в присутствии прежнего командарма разбирать с командиром дивизии или полка какие-нибудь вопросы. Получилось, как я и предполагал: наши с ним поездки носили всего лишь характер ритуала.

Но делать нечего, распрощавшись с Туронтаевым, мы на машинах отправились в войска. Едва сели в автомобиль, а это был ЗИМ, Василий Моисеевич сразу начал его расхваливать:

— Я поставил новый двигатель с БТРа, срезали почти весь пол и наварили двухмиллиметровый новый стальной лист, заменили подвески, привели в порядок салон — так что вы теперь можете разъезжать королем. С вас магарыч. У всех командармов и трех членов Военного совета Группы— ЗИМы. Но у нас самая лучшая машина. Скорость по автостраде 100 плюс-минус 10 километров. Больше не надо.

Он рассказывал, а я вспоминал свой первый ЗИМ в Архангельске. Вспоминал обком партии, монолог по этому поводу Б. В. Попова. Я думал о своем, а Василий Моисеевич все расхваливал автомобиль. Машина действительно шла хорошо, двигатель работал ровно, уверенно. Вскоре, когда мы выехали на автостраду, Горбань дал команду водителю остановиться в удобном месте. Мы вышли из машины, Василий Моисеевич достал из портфеля сумочку, в которой была очищенная оранжевая морковь — штук 10–12, — и предложил мне. Я отказался, а он стал с удовольствием жевать морковку, поясняя, что она ему необходима, как воздух. Не ожидая моих вопросов, он признался:

— Валентин Иванович, я тяжело болен. У меня рак. Сколько мне еще пошлет судьба лет, месяцев или дней — я не знаю. Но я принимаю все меры к тому, чтобы продлить жизнь. Мне рекомендовано постоянно, через три-четыре часа, есть морковь. Вот такие-то дела.

Он замолк и задумался. Я, конечно, был шокирован этим сообщением и не смог сориентироваться, как себя вести: задавать вопросы — неудобно, не поддерживать разговор — тоже плохо.

— Я понимаю так, что вас смотрели крупные специалисты…

— Да не только смотрели! Меня оперировали. И я регулярно прохожу курс химиотерапии. У кого я только не был. Да и мой перевод, хоть и с повышением на должность первого заместителя командующего войсками Киевского военного округа, связан, в первую очередь, с состоянием здоровья. В Киеве есть мощная клиника. Я уже там бывал. Надо мной взяли шефство классные

специалисты. Я надеюсь…

Мы продолжили путь, и Василий Моисеевич принялся рассказывать об армии. Первое, что я услышал от него, было то, что это самая большая и самая мощная армия в мире. Я расхохотался.

— Чего вы смеетесь? — подозрительно спросил Горбань.

Я передал дословно, что сказал мне об армии маршал Якубовский. Теперь захохотал мой спутник, приговаривая при этом:

— Так он и мне это вдолбил! И, наверное, всем об этом говорит. Но было бы понятно, если бы он этой армией командовал. Однако и близко не был, если не считать его службы уже в должности главкома Группы войск. Наверное, Иван Игнатьевич говорит так потому, что дивизии в основном танковые. А танкистов он обожает. Вот увидите — когда к вам приедет, то первым вопросом будет: «Где живут ваши танкисты? Пойдем смотреть». Второй вопрос: «Где танковый парк? Пойдем смотреть танки». Он обязательно прикажет завести несколько машин. Третьим вопросом будет: «А где они стреляют и водят?» И только после этого — все остальное.

Василий Моисеевич подробно рассказал мне о дислокации дивизий и бригад армии — у него с собой была и карта, но без нанесенных частей и соединений. Обратил внимание на особенности, пообещав, когда будем объезжать войска, показать все на месте. Затем начал буквально смаковать кадры. У него была прекрасная память, и он ею, видно, гордился и умело демонстрировал. Знал наизусть всех от командира полка и выше по фамилии, имени и отчеству, и каждому выдал характеристику. Пока их всех перебирал, мы въехали в Магдебург. Это большой старинный немецкий город на Эльбе. Здания в основном готического стиля, но уже появились и проблески модерна. Мы подъехали к большому двухэтажному особняку с высоким цоколем, возле которого стояла охрана. Оказалось, это гостиница Военного совета армии.

— Располагайтесь как дома. Василий сейчас организует еду, а часа через два я подошлю начальника штаба генерала Николая Васильевича Сторча. Толковый, опытный генерал. Он прихватит кое-какие документы, в том числе и план наших с вами поездок. Думаю, через неделю мне все-таки удастся уехать и вы сможете поселиться в домике командующего в так называемом «Амовском городке».

— Это что за городок? Он не имеет отношения к нашему АМО — Автомобильному Московскому обществу, что еще в 20-х годах организовал И. Лихачев?

— Как же! Наше АМО задолго до войны пустило свои корни и здесь. В Магдебурге был мощный машиностроительный завод, и москвичи с ним кооперировались, в том числе проходили на этом заводе практику. А для сотрудников построили небольшой компактный жилой городок. Вот мы его сейчас штабом армии и «оккупируем».

Василий Моисеевич уехал заниматься своими делами, а ко мне подъехал Сторч, и мы с ним просидели до глубокой ночи. Но уже вечером нам позвонил генерал Горбань, узнавший из разговора с начальником штаба Группы, что главком Кошевой может нас принять только послезавтра — в 12 часов дня.

С учетом этого обстоятельства мы уточнили порядок действий на завтра — решили посетить сразу две дивизии неподалеку от Магдебурга — 47-ю танковую и 207-ю мотострелковую. А в 9 утра послезавтра выехать в Бадзаров, чтобы на всякий случай приехать туда с запасом по времени.

Николай Васильевич Сторч доверительно рассказал мне немного о главкоме: человек он твердый и решительный, не склоняется ни перед кем. Глубоко и всесторонне разбирает все вопросы. Очень работоспособный и выносливый. Терпеть не может бездельников. С утра включается в какое-нибудь дело (стройка, учение) и проводит весь день на ногах, ни разу не присев, только вечером куда-нибудь забредет пообедать и заодно поужинать. Причем и в ходе трапезы будет все время касаться вопросов прошедшего дня. Я при этом вспомнил Ленинградский военный округ, генерал-полковника С. Л. Соколова и подумал — может, у старшей категории военачальников это такой стиль работы вообще?

Николай Васильевич обратил мое внимание на одну особую черту в характере Кошевого — не допускает вмешательства в беседу, которую он ведет с каким-нибудь лицом или группой. Сразу следует вопрос: «А ты кто такой? Кто тебя уполномочивал на этот разговор?» Поэтому, пока он не закончит тему, лучше помалкивать. В конце, если главком посчитает нужным, он может спросить: «Вопросы есть?» Однако вопросы должны быть короткие и ясные.

Тут я опять вспомнил, но уже другого начальника — моего бывшего командира дивизии Федора Васильевича Чайку, который вообще не терпел каких-либо вопросов. Он считал, что человек, который задает вопросы, скорее всего занимался посторонними делами и не слушал, когда растолковывали дело, или же он крайне туп. Но если все-таки вопрос возникал, то у Федора Васильевича лицо перекашивалось, как от зубной боли, и он, пересиливая себя, говорил тихо, сквозь зубы: «Это потом, потом

— в конце…»

Да, ко всему этому мне надо быть готовым, и я был генералу Сторчу очень благодарен за ориентацию.

На следующий день, как и планировалось, мы объехали гарнизоны двух дивизий. Почти нигде не задерживались, и тем не менее только на беглый осмотр со стороны потребовалось более 12 часов. А еще через сутки утром выехали к главкому в Бадзаров.

Мы приехали почти за час до назначенного времени. Начальник санатория, принадлежавшего Группе войск, предложил нам пока с ним погулять, он готов показать все достопримечательности, особенно огромное красивое озеро и различные построенные сооружения. Но мы отказались, тем более что главком тоже был на прогулке. Решили отсидеться в гостевом доме и посмотреть свежую прессу.

В установленное время прибыли в дом, где остановился главнокомандующий. Василий Моисеевич шествовал впереди, я — за ним. В просторной гостиной находились маршал и его жена. Горбань четко представился — прибыл в связи с назначением на новую должность и убытием из Группы. Петр Кириллович тепло его поприветствовал. Затем Василий Моисеевич подошел к жене главнокомандующего и, склонив голову, поцеловал руку. Все это время основное внимание было сосредоточено на Василии Моисеевиче, так что мне неудобно было вклиниваться и обнаруживать свое присутствие. Выбрав удобный момент, я все-таки представился главкому. Он мельком взглянул в мою сторону и, не подавая руки, широким жестом предложил всем сесть.

— Ну, Василий Моисеевич, рассказывай, как наши дела, — начал главком.

И Горбань начал. Вначале — издалека. Вот, мол, наконец прибыла замена, и он может уже уехать в Киев. Конечно, если бы не болезнь, то можно было бы с превеликим удовольствием еще послужить под знаменами знаменитого полководца.

— Ну, хватит, хватит. Давай о другом, — не очень настойчиво запротестовал Кошевой.

— Дорогой Петр Кириллович, и в годы войны, и сейчас я многому у вас научился и лично вам обязан всем. Поэтому, какого бы вопроса я ни касался, — все будет непременно связано с вами.

И далее Горбань обратился к некоторым воспоминаниям. Кошевому это явно импонировало, и они вдвоем воскрешали эпизод за эпизодом из жизни Группы войск (в основном речь шла об учениях). Иногда вставляла фразу и жена главкома. Меня же как будто вообще здесь не было. Мне иногда даже становилось смешно: ведь такой уровень — главнокомандующий, маршал

Советского Союза, дважды Герой, возраст за 60 — и вдруг такое «внимание» офицеру, который прибыл служить в Группу на высокую должность. Сказать, что таков уровень его интеллекта, воспитанности, культуры, я с первой встречи тоже не могу. Да и, судя по его высказываниям и галантности, проявленной в отношении генерала Горбаня, это было бы несправедливо. Видно, таков был уже выработанный годами стиль отношения к тем, кого он не переносил, но вынужден по определенным причинам терпеть. Я вспомнил слова Якубовского: «Все перемелется. Это у него такой характер». Но если у него такой характер, то я представляю, что сейчас на душе у Петра Кирилловича, хотя внешне все хорошо и даже весело.

Прошел час. Жена главнокомандующего начала посматривать на часы. Василий Моисеевич понял, что время исчерпано. Он встал и начал трогательно благодарить Петра Кирилловича за все. Остальные тоже поднялись и начали одновременно потихоньку перемещаться к выходу. Наконец главком обнял генерала Горбаня, троекратно расцеловал и пожелал ему доброго здоровья и хорошей службы. То же самое сделала и жена Кошевого. И при прощании маршал Кошевой не только не подал мне руки, но и не глянул в мою сторону.

Идем с Иваном Моисеевичем и молчим. Каждый думает о своем. Потом я напомнил Горбаню, что у нас сегодня по плану 10-я Гвардейская танковая дивизия. Василий Моисеевич предложил заехать в расположенный неподалеку штаб Группы — доложить начальнику штаба о визите к главкому и заодно пообедать. А затем отправиться в Потсдам, в 10-ю танковую. Это — «рукой подать».

Владимир Владимирович Туронтаев принял нас с распростертыми объятиями и сразу повел в столовую:

— Я знаю — вы не обедали. Мне звонил главком, рассказывал.

Потом — обращаясь ко мне:

— Ну, как вам наш Петр Кириллович?

— Видно, очень деловой человек. Судя по разговору с Василием Моисеевичем, он прекрасно знает войска, их проблемы, — коротко ответил я.

— А какие он поставил вам вопросы?

— Никаких. У меня создалось впечатление, что я для него вообще отсутствовал, все внимание было обращено на Василия Моисеевича.

— Это у него бывает. Ну, да ничего — все устроится. А что касается Василия Моисеевича, так он этого внимания заслуживает. Можно было бы по чарке выпить и за прощание, и за

встречу, и за службу. Но Василию Моисеевичу нельзя…

— Мы хотели после обеда ехать в 10-ю Гвардейскую танковую. Наверное, лучше крепкого чая.

Так и решили. Но я, прикинув сложившуюся обстановку, попробовал идти дальше:

— Товарищ генерал-полковник…

— Можно просто Владимир Владимирович.

— Товарищ Владимир Владимирович, — начал я, и все засмеялись, — мне кажется, в наш план действий можно было бы внести коррективы. Правда, я еще их с Василием Моисеевичем не обсуждал.

— Интересно, — оживился Туронтаев, а Горбань насторожился. Я же продолжил свою мысль:

— Как я понял, главнокомандующий с Василием Моисеевичем уже распрощался и считает его убывшим. В этих условиях, на мой взгляд, было бы правильным сегодня посмотреть дивизию в Потсдаме. Завтра же утром на совещании Управления армии Василий Моисеевич попрощается с офицерами, а я представлюсь и познакомлюсь. Сюда же можно было бы пригласить командиров 12-й Гвардейской танковой и 25-й танковой дивизии, а также тех командиров бригад и отдельных полков, где мы вместе не успели побывать. После совещания Василий Моисеевич и я подписываем шифровку — доклад на имя главкома о сдаче и приеме должности, а затем посылаем более широкие письменные доклады. Тогда Василий Моисеевич мог бы уже завтра или, в крайнем случае, утром послезавтра лететь в Киев. Я понял, что главком дает ему самолет.

Туронтаев вопросительно посмотрел на генерала Горбаня. Тот, чувствуется, был озадачен, поэтому сразу ничего не мог сказать и, видно, склонен был подумать. Тогда я добавил:

— Если это нарушает какие-то внутренние планы со сборами и так далее, то можно было бы провести все то, что я сказал, а время вылета Василий Моисеевич может определить сам — по мере готовности.

Это его устроило.

— Вот и хорошо, — подвел итог Туронтаев.

Все сделали, как договорились. Встреча с Управлением армии получилась очень хорошей. Правда, она носила несколько торжественный характер — все-таки уезжал генерал, который два года командовал этой армией. Но хорошо приняли и меня.

Генералу Горбаню Управление армии подарило на память бронзовый макет современного танка. Это была ювелирная работа высшего класса. Он был растроган до слез.

Прошли дни сдачи и прощаний, приема должности и

ознакомления с войсками. Наши рапорты главкому были отправлены, и я приступил к работе. Генерал Горбань уехал и уже несколько раз звонил мне из Киева по ВЧ связи. С главнокомандующим же, вернувшимся из отпуска, хотя бразды правления он не упускал и на отдыхе, произошло событие, которое привлекло внимание всей Группы и руководства ГДР.

Как-то маршал Кошевой возвращался из Берлина. В районе поворота на Цоссен (это в сторону штаба Группы) автомобиль съехал с автострады и с привычной большой скоростью мчался по узкой дороге. Впереди, по правой стороне, шел колесный трактор с прицепом (немцы проводили полевые работы). Тракторист включил правый поворот. Но для того, чтобы ему попасть на полевую дорожку, он сделал резкий маневр влево (иначе не заехать на поле) и затем повернул вправо.

Водитель «Чайки», на которой ехал главком, увидев сигнал поворота вправо, начал делать обгон слева и прибавил «жару» и без того быстро несущейся «Чайке». И тут происходит столкновение ее с немецким трактором.

Водитель и маршал выскакивают из машины, стаскивают тракториста с сиденья на грешную землю и капитально его «причесывают», разъясняя при этом правила уличного движения. Дисциплинированный немец только выкрикивал:

— Яволь, яволь, яволь!

В тот же день вся Группа узнала: главком «разбился», но жив. Ни главком, ни водитель не пострадали (больше в машине никого не было). Правительство ГДР прислало заместителя председателя Совета Министров с извинениями и с новой «Чайкой» из правительственного гаража.

Но вот уже и это происшествие забылось. Я ждал, что главком в скором времени появится в нашей армии. У нас по плану как раз намечались дивизионные тактические учения с 10-й Гвардейской танковой. Учения сложные, на большую глубину, с действиями на двух полигонах. Я, как руководитель этого учения, вместе со штабом руководства детально изучил всё: и район выхода по тревоге, и все маршруты выдвижения, и условия действий на Альтенграбовском и на Магдебургском полигонах. Но, не зная уровня подготовки войск, не представлял, как они справятся с задачей.

Однако до этого, как я и предполагал, маршал отправился в Альтенграбов (неподалеку от Магдебурга) — посмотреть, как заканчивается строительство военного городка для учебного полка связи Группы. Мне позвонил Туронтаев: «Уже выехал, так что вы торопитесь».

Действительно, не успел еще я в общих чертах разобраться в

стройке, как появляется главнокомандующий, а за ним — вереница машин со строителями и связистами-начальниками.

Встретив маршала Кошевого, я представился, кратко доложил, чем занимаются войска армии, и попросил разрешения поприсутствовать.

— Да, вам это будет полезно, — согласился маршал.

И вот наконец я впервые увидел Петра Кирилловича Кошевого в действии. Он уже на плаце в принципе разобрал по косточкам весь военный городок (жилой фонд строился вместе с другими частями гарнизона). А затем детально осматривал каждую казарму, учебный корпус, клуб, бытовой комбинат, столовую, парк стоянки боевых, учебно-боевых и транспортных машин, пункт технического обслуживания, склады и т. д. Весь день он заглядывал буквально во все углы, проверяя, как работают все системы — электричество, отопление, вода и т. д. Не у каждого есть такая выдержка и терпение. Что интересно, этот городок возродили совместно строительное управление и квартирно-эксплуатационное управление Группы. Сложение сил позволило быстро и красиво построить все здания и городок в целом.

В итоге маршал был удовлетворен положением дел на стройке. Но когда во время осмотра ему попадался хоть малейший дефект, он устраивал разнос по высшему классу. В этот момент Кошевой мне чем-то напоминал генерала Ягленко из Печенги. Внешне они были приблизительно схожи — небольшого роста, но крепкие, с непомерно большой головой и одутловатым лицом. Но что отличало Кошевого, так это его строительный жаргон. Он был просто неповторим.

— Ты почему (и далее следовало явно непарламентское выражение) не сделал то, что от тебя требовалось еще в прошлом месяце? — грозно вопрошал маршал.

— Не могу знать, товарищ главком, — мямлил провинившийся.

— То есть как это «не могу знать»? — еще более грозно спрашивал Кошевой. — А кто за тебя… должен знать?

— Не могу знать, товарищ главком…

— Да что это за полковник… Ни черта не знает! Где начальник КЭУ, где Козенко?

— Я здесь, товарищ главком, — вышел полковник такого же телосложения, как и Кошевой.

— Кому я приказывал в прошлый раз переделать отмостку у этой казармы?

— Мне, товарищ главком.

— Почему не выполнено?

— Разберусь, товарищ главком.

— Нет, вы посмотрите на него! Я говорю: почему не сделано то, что мною приказано месяц назад, а он — «Разберусь». Нет, нет! Дальше терпеть нельзя. Веди меня к тому столбу, на котором я должен тебя повесить, — произнес маршал и, схватив полковника за рукав кителя, буквально волоком потащил его за собой к ближайшему столбу. Конечно, все понимали, что никого вешать не будут, однако продолжали подыгрывать маршалу.

— Товарищ главком, товарищ главком! — жалобно молил полковник.

— Ну, что? Ну, что? — остановился Кошевой.

— Товарищ главком, зачем же вам меня вешать? Я уже знаю вашу задачу, знаю, как ее выполнять…

— Но не выполняю! Так, что ли?

— Товарищ главком, на следующей неделе докладываю лично.

— Ладно, — смилостивился маршал, — даю последнюю возможность исправиться. Но смотри у меня!

Затем он всех отпустил, оставив меня и начальника войск связи Группы войск.

— Вы оба должны постоянно следить, как выполняются все указания и устраняются недоделки. Командующий армией, как лицо, отвечающее за все на его территории, а начальник войск связи — как непосредственно заинтересованное лицо. Мой порученец, как всегда, записывал все, что я говорил, и через пару дней он вам обоим такую справку даст. Все они, конечно, отличные труженики и незаменимые специалисты. Но задач для всех по Группе много, вот они и разрываются на части.

Понимая, очевидно, что лично мне совершенно неясно: если они такие замечательные труженики и специалисты, то зачем их надо было так распекать вплоть до «повешения», главнокомандующий добавил:

— Славянин, он, как правило, всегда идет верным путем. Но он только идет! А бывают такие периоды жизни, когда надо бежать. И вот, чтобы его побудить к этому, есть много способов. В том числе и тот, который вы сегодня видели. Я уверен, что все они уже побежали.

Потом, перейдя на другую тему, обращаясь ко мне, главком, не называя меня ни по фамилии, ни по званию, ни по должности, спросил:

— У вас в армии, кажется, скоро должно быть дивизионное учение?

— Так точно, товарищ главнокомандующий, с 10-й Гвардейской танковой дивизией, — доложил я.

— Какая степень готовности?

— В основном все готово.

Не подавая руки, главком сказал: «До свидания», — и уехал. Генерал — начальник связи Группы войск — улыбнулся:

— Я его, Валентин Иванович, знаю много лет. Он всегда вот так начинает с незнакомыми. А потом все нормализуется.

Приехав в Магдебург, я сразу пошел к начальнику штаба армии. Хотя уже было поздно, он еще работал и ждал моего возвращения.

— Ну, как? — встретил он меня вопросом.

— Да вроде всё обошлось нормально. Правда, строителям давал разгон. Но не это самое главное. Когда все закончилось, он поинтересовался у меня предстоящими учениями с Потсдамской дивизией.

— О, это говорит о многом. Он может поручить взять на контроль своим соратникам — генералу Говорову, как первому заместителю, или генералу Туронтаеву. И даже может прикатить собственной персоной. Надо быть начеку.

Мы договорились весь следующий день посвятить предстоящим учениям — завершить все, что не было сделано в штабе руководства, и, естественно, разобраться с состоянием дивизии. Оказалось, что только один танковый полк у нее вышел на Альтенграбовский полигон — на боевые стрельбы штатными снарядами и на вождение. Стрельбы проводились из боевой группы танков, а вождение — на базе учебно-боевой группы. До начала учений они должны успеть все это выполнить и вернуться в пункт постоянной дислокации.

Прошел день, наступила ночь. В два часа звонит мне в гостиницу Сторч и докладывает по закрытой связи:

— Товарищ командующий, главком недавно выехал из штаба и с ним группа машин. Якобы направился в сторону 20-й армии, то есть на восток.

— Откуда у вас такие данные? Вы — как Штирлиц.

— Я доложу об этом позже, но это стопроцентная достоверность, что выехал. А вот куда он нацелился, могут не знать даже те, кто с ним едет. Где-нибудь сделает остановку, всех соберет и в течение пяти-семи минут уточнит задачи.

— А на нашу 10-ю танковую он не обрушится?

— Всё может быть. Но не думаю. По плану до начала учений еще целая неделя. Но я уже сейчас дал команду оперативному дежурному армии, чтобы он обзвонил все дивизии и бригады и приказал поднять уровень бдительности. А в 10-ю дивизию генералу Кроту позвоню сейчас лично.

— Очень хорошо. Но, может, нам выехать сейчас в штаб

армии и находиться там?

— А вдруг главком приедет в нашу дивизию и будет звонить вам? Телефонист скажет, что вы в штабе армии. Это будет выглядеть странно. Начнется разбирательство — ведь главком очень дотошный человек.

— Хорошо. Если где-то что-то «зашевелится» — немедленно звоните мне, — наказал я.

Мы решили продолжить свой отдых, но держать «ушки на макушке». Приблизительно в четыре утра раздается звонок. Я вскакиваю и беру трубку.

— Товарищ командующий, докладывает оперативный дежурный штаба армии. Главнокомандующий Группой войск объявил тревогу Управлению нашей армии и 10-й Гвардейской танковой дивизии с выходом в запасные районы сосредоточения. Ограничение одно — из отпусков и командировок никого не отзывать. Доклад закончен.

— Сигнал вы передали всем?

— Так точно! Сигнал передан всем.

— Где главнокомандующий?

— Рядом.

— Доложите, что я выезжаю в штаб.

На ходу натягиваю всё на себя, а сам ворчу: не получилось из Сторча пророка — мало того, что главком за неделю до учений поднял дивизию, так он еще и штаб армии поднял. Хорошо, что мы недавно провели тренировку и я тщательно проштудировал план подъема по тревоге.

Не успел я одеться, как в дверях появился адъютант в полном боевом облачении:

— Товарищ командующий, машина готова.

— А ты откуда взялся?

— Так я же ночую на первом этаже, пока вы живете в гостинице.

— Силен. Хоть бы предупредил.

— Да я как-то говорил, но вы не обратили внимания.

Мы кубарем скатились по лестнице во двор, попрыгали в «газик» и помчались. Через пять минут я уже докладывал главкому. Выслушав, он спокойно, но повелительно ответил:

— Действуйте по плану.

Встретились с начальником штаба уже на защищенном пункте управления. Это отлично оборудованное подвальное помещение дома, где размещались Военный совет армии и оперативная часть штаба. Я связался с командиром 10-й Гвардейской танковой дивизии Героем Советского Союза генерал-майором Кротом. Он доложил, что дивизия уже вышла в пункты

сбора и что он начинает движение в запасный район сосредоточения. Танковый же полк, находящийся на полигоне, придется поднимать вверх севернее, чтобы войти в свой район.

Учитывая, что этот подъем по тревоге может перейти в учение, я приказал комдиву сосредоточить полк на северной окраине Альтенграбовского полигона и подать ему туда все полковые запасы (коль нет никаких ограничений). Сам же решил ехать с оперативной группой и охраной на командный пункт в запасный район, после чего туда прибудет основной состав штаба и Управления армии во главе с начальником штаба. В пункте постоянной дислокации остается с небольшой группой офицеров заместитель начальника штаба армии.

Поднявшись к главнокомандующему, я доложил свое решение по карте. При этом обратил его внимание на следующее:

— Мне не известны ваши планы, товарищ главнокомандующий, но если вы намерены подъем по тревоге перевести в дивизионное тактическое учение, то, на мой взгляд, было бы целесообразно полк 10-й Гвардейской танковой дивизии, находящийся сейчас на стрельбах на Альтенграбове, не возвращать, а сосредоточить его на северной окраине Альтенграбовского полигона. Он находится как раз в зоне предстоящих учений. Что касается управления, то командир дивизии имеет устойчивую связь со всеми частями, в том числе и с этим полком.

— Ваше решение утверждаю, за одним исключением — полковых запасов этому полку не подавать. Полковые запасы других полков, как и дивизий в целом, после выхода в район сосредоточения и их проверки будут возвращены в пункты постоянной дислокации.

Все распоряжения отданы, и машина закрутилась. Маршруты выдвижения взяты под охрану и регулирование. Войска и штабы двинулись в свои районы. Поскольку в районах сосредоточения все виды связи были на подогреве, я со своей оперативной группой прибыл на командный пункт уже через двадцать минут и докладывал об этом главкому. Он ответил, что скоро подъедет.

Действительно, он тут же приехал, и мы вдвоем просидели целых три часа. Вначале — за картой вывода войск и штабов армии в запасные и основные районы, затем разобрали маршруты выхода полков к государственной границе. После чего детально проанализировали план проведения учения. Я доложил главкому свое решение о том, что по окончании дивизионного учения дивизия двое суток будет заниматься осваиванием всем офицерским составом двух проблем: первая — изучение рубежей, которые дивизия может занять при внезапном нападении

агрессора, и вторая — изучение маршрутов выдвижения к государственной границе. Главком одобрительно отнесся к этому шагу:

— Конечно, надо все это провести, коль дивизия уже поднята и приближена к границе. Все офицеры отлично должны знать и то, и другое без проводников. Кроме того, мы должны хорошо готовить проводников для каждого батальона.

Дав добро на эти действия, главком сказал, что Управлению и штабу армии даем с 8 часов отбой — можно возвращаться в пункт постоянной дислокации. А штабу руководства учением необходимо еще в течение сегодняшнего дня доподготовиться и вечером вручить командиру и штабу дивизии тактическое задание. Сам же главком приедет на командный пункт дивизии в район сосредоточения на следующее утро.

Я прекрасно понимал, что проверялась на этом учении не только и не столько дивизия, сколько штаб руководства и, в первую очередь, руководитель учения — командующий армией, что он из себя представляет и на что способен. Учитывая же неприятие главкомом моего назначения на должность, можно было представить, как он будет действовать на этом учении. Я не исключал такого варианта, что, если я лично где-то просчитаюсь, он мог позвонить в Москву и спросить: «Кого вы мне прислали? Он не разбирается даже в элементарных вопросах. Ему не только нельзя доверить проведение учения с полнокровной дивизией, он не в состоянии организовать даже игру «казаки-разбойники». С его назначением была допущена ошибка и ее надо исправить».

Поэтому моя задача состояла в том, чтобы не дать главкому ни одного шанса подцепить меня на крючок. Мало того, надо активизировать действия руководства штаба, а вместе с ним и дивизии. Тем более начало этому уже обозначено — главком утвердил мое решение о двухдневных занятиях после учений.

Однако мои опасения оказались напрасными. Учение с самого начала приняло нормальный характер. Все действия командиров и начальников были отработаны. Дивизия имела задачу: сменить часть сил «действующей» впереди мотострелковой дивизии, подготовить и провести наступление на направлении главного удара армии с целью — прорвать главную полосу обороны в районе Гальберштадта, выйти к исходу дня к реке Эльбе, быть готовыми с ходу форсировать ее на широком фронте и на плечах отходящего противника обеспечить захват плацдарма на западном ее берегу.

Конечно, задача была многогранная и архисложная. Тут и смена войск (сменяемые войска были реально обозначены), и прорыв главной полосы обороны противника, и выход к реке на

широком фронте, и возможное форсирование крупной водной преграды, по которой проходил следующий рубеж обороны противника. И, несмотря на сложность задачи, мне стало ясно: командиру дивизии она по плечу. Командир обладал бурлящим «кавалерийско-танковым» характером, однако неосмотрительных шагов не делал. А приняв решение, мобилизовывал на его выполнение всех и вся.

Вот и сейчас, получив утверждение принятого решения, генерал Крот объявил его подчиненным, поставил задачи и организовал контроль за действиями подчиненных командиров, штабов и войск. При этом он назвал время готовности к наступлению. А поскольку я намеревался проверить реальную готовность частей и подразделений дивизии к наступлению почти со стопроцентным охватом (у меня была для этого подготовлена большая команда офицеров другой дивизии), я предупредил генерала Крота, что начну проверку с момента его доклада мне о том, что дивизия готова наступать, а уже потом мы определимся дополнительно о времени «Ч» (время атаки).

Как я и предполагал, несмотря на напор комдива, приблизительно одна треть звена — от командира роты и ниже до солдата включительно — задачу знала слабо или вообще не знала. Обобщив данные, я собрал руководство дивизии (при этом постоянно присутствовал главком), доложил обстановку. Мой вывод сводился к тому, что хотя уже и проделана большая работа и что есть немало прекрасных примеров организаторской работы, но, если во многих подразделениях не знают задачи, считать дивизию готовой к удару я не могу.

На войне это имело бы такие последствия: прорыв мог не состояться вообще, или если бы и состоялся, то с большими потерями. Нам ни того, ни другого не надо.

— Командир дивизии, сколько вам потребуется времени на то, чтобы довести задачу до всего личного состава?

— Два часа, — горячился Крот.

— Я разрешаю вам отвести на это шесть часов, но чтобы вы лично были уверены в том, что все сделано как надо. И надо без разносов, а скрупулезно и терпеливо доводить задачу и проверять. Некоторых солдат и сержантов ознакомили с задачей, но они не осознали ее как следует, потому тут же и забыли. Учтите: когда вы доложите, что готовы, — я начну повторную проверку. И делаю это вовсе не потому, что вам не доверяю, а потому, что хочу, чтобы у нас на учениях отрабатывалась система управления, в которую мы бы сами верили. Мой метод таков: я еду в полк, спрашиваю у командира, какие он поставил задачи, а затем отправляюсь в какой-нибудь батальон, конкретную роту,

взвод, отделение. В отделении беру одного солдата и беседую с ним, разбирая задачу на местности. Затем то же самое — с командиром отделения. Он мне докладывает и за отделение и за каждого солдата, я слушаю и сопоставляю. Таким же образом веду проверку во взводе, роте, батальоне. В итоге лично по моим впечатлениям и докладам моих помощников создается полная картина. Итак, время уже пошло. Через шесть часов жду доклада. Одновременно посмотрим, как работают штабы полков и дивизии по доведению задач войскам.

Командир дивизии и его окружение приступили к работе. Главком отвел меня в сторону:

— Учитывая, что дело затягивается, поеду в свой штаб. На какой час вы намерены назначить им время «Ч»?

— На утро, конечно. Но чтобы они не скучали, у меня есть много различных вводных, которыми будут задействованы все. Если возникнут вопросы, я вам, товарищ главнокомандующий, доложу.

— Ну, добре. Я поехал.

Когда у Кошевого было настроение хорошее, то он говорил: «Добре». Переход на украинский язык означал, что он «потеплел». Вот и теперь я почувствовал, что он во многом со мной согласен, хотя мои действия были далеко не ординарны.

Утром дивизия начала наступление в целом организованно. И «прорыв» обороны был проведен нормально. И ввод в бой второго эшелона дивизии — мотострелкового полка для форсирования Эльбы с ходу — тоже был проведен по установившимся канонам. Но вот сам выход к реке — широким фронтом и ударно — не получился.

Пришлось опять собирать руководство дивизий и разъяснять:

— Такое форсирование, тем более с ходу, обречено. Все силы растянулись. К Эльбе подошли чахлые, плохо обеспеченные подразделения, да еще без надежного прикрытия, ясно, что, будь это война, они были бы все перебиты.

Теперь обратите внимание на момент подхода к реке: бульшая часть артиллерии была в движении, а не на огневых позициях, огонь по западному берегу еще не вела. Авиация (вертолеты) вызвана поздно, когда передовые подразделения уже фактически преодолели большую часть реки. Нет, так форсировать нельзя!

Дивизия, прорвав оборону и введя в бой свой второй эшелон, должна действовать, как тигр, преследующий свою жертву. Он мчится за ней буквально по пятам. А в момент, когда надо сделать решающий прыжок, он мгновенно собирает все свои силы и возможности. Удар — и в горло сбитой с ног жертвы вонзаются

роковые клыки. Все!

Так и дивизия. Наступая отходящему противнику буквально на пятки, чтобы на его плечах форсировать реку, вы в то же время уже за 7–10 километров до реки должны полностью подтянуть и развернуть всю свою и приданную артиллерию дивизии и гвоздить противника по его переднему краю. Наблюдательные пункты артиллеристов выскакивают на свои места для управления огнем вместе с танками первой линии. Эти танки, используя складки местности и опушки леса на восточном берегу, интенсивным огнем прямой наводкой уничтожают все живое на позициях противника, прикрывая выдвижение артиллерии для такой же стрельбы и десанта. А десант дивизии, собрав воедино все свои силы для решающего броска, выскакивает на точно определенных направлениях и, поливая противника из пулеметов, решительно и одновременно по всему фронту бросается в воду и устремляется к западному берегу. Штурмовая авиация тем временем уже приступила к «обработке» противника на берегу и в ближайшей глубине. Артиллерия, ведущая огонь с закрытых позиций, переносит огонь на батареи противника.

Не успел десант первым сапогом коснуться западного берега, а понтонеры, с ходу выскакивая к реке и сбрасывая в воду понтоны, уже собирают их в паромы, на которые грузятся танки второй линии и переправляются на противоположный берег. При этом танки первой линии продолжают вести огонь прямой наводкой по вновь обнаруженным огневым точкам. А у нас противник реально обозначен подразделениями. Он ведет огонь холостыми выстрелами. Так что целей у вас полно.

Как только первые танки дивизии на паромах доставлены на западный берег, мы должны наблюдать строительство наплавного моста через Эльбу. За 20–25 минут мост должен быть готов, после чего танковый полк второго эшелона дивизии на повышенной скорости «пролетает» через реку, развертывается на ее западном берегу и, сокрушая все на своем пути, захватывает назначенный рубеж. Но противник просто так не отдаст свой берег. И вы в этом убедитесь. Но если вы с этой задачей справитесь, то мы сможем перейти к последнему этапу учения — «Бои по удержанию плацдарма». Таков наш замысел. Я вам его приоткрыл слегка, — закончил я излагать план учений.

Наступила тишина. Комдив смотрел на меня, не зная, с чего начать. Тогда я предложил:

— Сейчас всех и всё необходимо вернуть в исходное положение — то есть на рубеж начала преследования. Посредники участковые и войсковые знают, где он проходит на местности. Затем надо будет всё то, что я сказал, довести до всех

подразделений, но — детализируя. Там, где требуется, провести на местности занятия тактико-строевым методом — я разрешаю это. На это все даю вам оставшийся день и ночь. К преследованию противника приступаем завтра с утра.

Обратившись к главнокомандующему, спросил — будут ли у него какие-нибудь указания. Он сказал, что надо использовать все возможности и научить подразделения и части искусству форсирования. И дал команду, чтобы приступили к действиям. Затем неожиданно похвалил:

— Да, с тигром у вас получилось гарно. Но, как я понял, вы же служили на Севере? Почему же тигры?!

Я рассмеялся, и он — тоже.

— У нас на Севере медведи. Однако и у медведя приблизительно такая же тактика.

— Это верно, — согласился главнокомандующий. — Когда я служил в Сибирском военном округе, то не раз мы ходили там на медведя, на волка. Я хорошо знаю их повадки. А стая волков — это вообще грозная сила, особенно в поле или в перелеске. В лесу хоть можно на дерево забраться.

Немного поговорили об охоте. Потом главком сказал:

— Хорошо. Продолжайте учения. Своих помощников я заберу, а, возможно, завтра утром на форсирование подъеду.

Действительно, утром за час до начала действий маршал Кошевой уже стоял на вышке штаба руководства в районе населенного пункта Кёнерт. Я доложил ему обстановку. Он переговорил с командирами дивизии и полков, пообщался с товарищами из штаба руководства.

Утро выдалось как по заказу — ясное, солнечное, по небу бежали небольшие белые тучки — вечные странники. Река — мирная и почему-то притихшая — медленно катила свои воды куда-то вдаль, оба ее берега, казалось, не дышали. А на самом деле и у «противника» и тем более в дивизии, готовившейся к наступлению, всё кипело. Ведь никогда недостает времени на то, чтобы выполнить все намеченное точно в срок.

Первой заговорила дальнобойная артиллерия. А за ней — всё пошло-поехало.

И форсирование реки в общем получилось. Правда, не все обошлось гладко. Но так никогда и не бывает, тем более на войне. Однако изложенные мною позиции были в принципе выдержаны.

Вслед за первым эшелоном Эльбу форсировал командно-наблюдательный пункт командира дивизии вместе с генералом Кротом. Главком приказал, чтобы его по радио вызвали к нему на вышку. Когда генерал поднимался к главкому — уже был готов

мост через Эльбу и по нему пошел танковый полк.

Мы все, как завороженные, смотрели на эту картину: танки на строго определенных дистанциях и на значительной скорости двигались по наплавному мосту так, что понтоны своей верхней кромкой под каждой машиной проседали чуть ли не до воды. Комдив нервничал. Но вот промчался последний танк, и все облегченно вздохнули. А до наплавного моста закончили перебрасывать на паромах танки полков первого эшелона и приступили к артиллерии.

Главнокомандующий мирно беседовал с командиром дивизии. У того от бессонных ночей легли темные круги вокруг глаз, щеки впали. Но, как всегда, комдив был хорошо выбрит, докладывал четко. Убедившись, что учение развивается нормально, тем более что не произошло ни одного чрезвычайного происшествия, главком сказал мне:

— Продолжайте, товарищ Варенников, учение по утвержденному плану. Правда, по срокам оно получилось побольше с учетом повторения эпизодов, — и вопросительно посмотрел на меня.

— Товарищ главнокомандующий, — сказал я, — вы нам помогли — подняли дивизию за неделю раньше до начала учения, так что наши издержки полностью компенсируются.

— Верно, мы помогли, — засмеялся маршал. — Ну, хорошо. Учеба есть учеба. Продолжайте учения, а по завершении их позвоните и доложите.

Маршал Кошевой уехал, а у меня осталось двойственное чувство: с одной стороны, я, кажется, нашел с ним контакт, а с другой — не был уверен в том, что он положительно отнесся к моим методам. По всей вероятности, он мне вроде бы поверил, но если так, то почему он все-таки держал своих «церберов» в войсках до последнего?

И все же в целом я оценивал общую ситуацию положительно. И это придавало сил и уверенности.

Учение прошло нормально. Первый «блин» отнюдь «комом» не получился. Все вышло так, как надо, как хотелось. На разборе учений я поставил дивизии хорошую оценку, но сделал оговорку:

— Конечно, если бы мы начали оценивать все, идя по пути первоначальных действий, то у нас был бы большой дефицит в баллах. Но поскольку в ходе учений части в целом научились умело организовывать и проводить различные боевые действия, я ставлю дивизии хорошую оценку. Уверен, что и в боевых условиях она выполнит свою задачу успешно.

Кстати, прежде чем делать разбор, я позвонил главкому. Доложив об окончании учения, я сказал, что хотел бы знать его

мнение и оценку. А он мне в ответ: «А вы как думаете?» Я понял, что даже в этом он меня проверяет. Конечно, я изложил свою позицию, с которой потом выступил и перед офицерами дивизии на разборе. К моей оценке главком отнесся одобрительно и поинтересовался:

— Вы будете делать разбор на Магдебургском полигоне?

— Пожалуй, нет, — ответил я. — Полагаю, что учения можно считать законченными, когда все и всё вернется в пункты постоянной дислокации. Да и сам разбор — это важнейший элемент подготовки офицерского состава. Сейчас офицеры устали, поэтому восприятие будет не таким, как хотелось бы. Вот вернутся к себе, отоспятся и на разбор придут со свежей головой. Тогда от него и толк будет.

— А все-таки когда разбор?

— Через трое суток после окончания учения: сутки — для работы на маршрутах к границе и на рубежах; сутки — на возвращение в пункты постоянной дислокации — это более 250 километров и сутки — на подтягивание хвостов и приведение личного состава в порядок.

Главком согласился.

Но когда я в Потсдаме в Доме офицеров дивизии делал разбор учений, внезапно приехал Туронтаев. Заметив мое удивление, пояснил:

— Главком вызвал меня и говорит: «Поезжай — поприсутствуй. Тебе тоже надо изучать кадры». Вот я и приехал. Изучать.

— Меня? — спросил я.

— Разумеется.

Разбор хоть и длился долго, однако получился интересным, так как оказалось много замечательных примеров, характеризующих и части, и дивизию в целом. Отбросив всю шелуху, я по-крупному сделал выводы, дал оценку учениям, а в заключение наградил группу особо отличившихся офицеров.

Учитывая, что на разборе присутствовал начальник штаба Группы, я обратил внимание на подготовку не только командиров и войск, но и штабов. Поблагодарил штаб руководства, офицеров Управления и штаба Группы, которые вместе с главкомом оказывали нам помощь.

Когда все закончилось и мы с Владимиром Владимировичем Туронтаевым уже спокойно пили чай, он вдруг вспомнил, как я благодарил офицеров, которые вместе с главкомом оказывали нам помощь, рассмеялся и сказал:

— Представляю, как они потрепали вам нервы.

— Знаете, Владимир Владимирович, скажу откровенно — я

ожидал более сложной обстановки. Да и главком вел себя ровно. Правда, он меня капитально «пощупал» по плану подъема армии по тревоге и по плану проведения учений с 10-й Гвардейской. Все остальное прошло мирно.

Туронтаев ответил:

— Думаю, что он уже кардинально изменил к вам отношение. Раньше, до вашего приезда, он проклинал всех начальников, особенно Главное управление кадров, приговаривая: «У нас в Группе полно своих отличных, заслуженных генералов, которые будут успешно командовать армией, а мне выкопали какого-то с Заполярья — он там, кроме снега, ничего и не видел». А позавчера захожу к нему в кабинет, а там полковник Козенко — начальник КЭУ Группы. Главком говорит: «Ну, у тебя все? А как там со строительством городка для учебного полка связи в Альтенграбове? Вот как раз начальник штаба подошел». «Все идет к завершению. И командующий 3-й армией подключился…» — загадочно говорит Козенко. Тогда главком спрашивает: «Что ты имеешь в виду?» Полковник отвечает: «Звонит мне командарм и говорит: «Нагнал ты народу много, но они ничего не делают. Я их, — говорит, — на столбах вешать не буду, как тебя главком, но ведь пересажаю на гауптвахту, хоть они и гражданские, и буду водить на работу с конвоиром. Так что принимай меры». Мы все рассмеялись, а главком говорит: «Правильно сказал командарм! Заставь их как следует работать».

Я внес поправку:

— Владимир Владимирович, это я сказал полковнику Козенко для того, чтобы он прислал кого-нибудь сильного из организаторов. Они там все ползают, как неприкаянные, а дело стоит. Никто их и не думал сажать. Это для острастки.

— Да, мы так и поняли. Но сам факт оценки ваших действий уже говорит об изменении отношений. Да и мое направление к вам на разбор — тоже: обычно я никогда не бываю на таких разборах. А в этот раз это означает не контроль, а придание большего значения этому мероприятию.

Я промолчал. Затем Владимир Владимирович долго говорил о главкоме. Что он очень много и самоотверженно трудится, совершенно не щадя себя. В отпуске почти не бывает. Вот и в этом году всего две недели пробыл в Бадзарове, да и то ему раз в два дня возили документы. Группа при нем преобразилась, особенно учебные центры, полигоны, а их много, и они — огромные. На этой почве у него сложились тяжелые отношения с Евдокимом Егоровичем Мальцевым — членом Военного совета — начальником Политуправления Группы. Мальцев считает, что это напрасные затраты, а Кошевой — что они необходимы, и

добавляет: «Ты не лезь не в свое дело». А тот на дыбы: «Это неправильно». И пошло. Я сам не мог определиться: если рассуждать с долгосрочных позиций, то главком прав — все это окупится. Если смотреть, только исходя из сегодняшнего дня, то вроде расходы действительно большие, и в этом Евдоким прав.

Учитывая такую ситуацию, мы с Владимиром Леонидовичем Говориным, первым заместителем главкома (назначен недавно с нашей 2-й Гвардейской танковой), решили не вмешиваться — пусть разбираются сами.

Кстати, надо учесть, что главком патологически не переносит немцев. Поэтому старается уклоняться от встречи с ними, проведения совместных мероприятий. Все это он возложил на первого заместителя. А Владимир Леонидович Говоров — человек творческий. Будучи еще командармом, наладил с немцами хорошие деловые связи. Сейчас это ему помогает. Для наших немецких друзей он — авторитетная фигура.

Но если говорить о линии, проводимой в отношении военных и всего населения ГДР принципиально, то у нас самые добрые и благоприятные отношения. Немецкие товарищи с пониманием относятся к Петру Кирилловичу — у него во время войны очень сильно пострадали родственники в Кировоградской области. Думаю, что вам тоже надо будет налаживать связи с немецкими товарищами.

Через некоторое время главком собрал у себя совещание. Присутствовали командующие армиями, а их было пять, начальник штаба и член Военного совета — начальник Политуправления Группы. Говорова не было. Обсуждали три вопроса — состояние воинской дисциплины (главный), завершение учебного года и предстоящие командно-штабные учения Группы войск.

О состоянии воинской дисциплины докладывал каждый командарм. Главком и член Военного совета сосредоточили свое внимание на 8-й Гвардейской армии (командарм И. Юрпольский) и на 1-й Гвардейской танковой армии (командарм И. Герасимов). У Юрпольского был очень большой рост происшествий. Причем при докладе он значительно занизил цифры, что вызвало буквально гнев главкома: «Ты же генерал, как ты можешь так опуститься и врать?» А Мальцев добавил: «Иван, я тебя знаю давно. Ты постоянно стремишься все приукрасить. Тебе самому надо больше работать. Если ты лично не поправишь положение в армии с дисциплиной — вынужден буду вызвать тебя на парткомиссию. Терпение уже лопнуло». Потом переключились на Герасимова.

— Представьте себе картину, — начал главком. —

Командующий армией проводит учения с одной из дивизий. Условия выхода дивизии из города, а она располагается в Дрездене, сложные. Но если условия сложные, так ты все предусмотри, чтобы ничего не случилось! А что делается? На весь город поставили двух или трех регулировщиков — неподготовленных солдат — и все! И в итоге что? Один грузовой автомобиль, отстав от своей колонны, мчался по Дрездену с большой скоростью. На перекрестке в центре города машина налетает на трамвай и от удара загорается. В трамвае жертвы. Но и это не всё. Машина горит, а в ней не просто снаряды, а реактивные снаряды. Хорошо, что немецкая полиция быстро сработала, вызвала пожарную команду. Тягач, поливая машину, одновременно отбуксировал ее за город. А начни летать снаряды по такому громадному городу? Это же беда! Нетрудно представить, что могло бы быть. Командарм, доложите: чем объясняется такая подготовка к учениям?

— Товарищ главнокомандующий, — начал было тот, — дело обстояло несколько не так…

— Ты мне доложи — почему плохо подготовлено учение! Оно еще не началось, а уже такое происшествие.

И так в этом же духе минут пятнадцать. Конечно, все остальные притихли. Я в том числе. Мне тоже нечем было хвалиться — в армии 167 происшествий за 8 месяцев. И хоть на тысячу военнослужащих личного состава у нас приходилось меньше, чем у других, но общая цифра просто ошеломляла. Наверное, руководство учло мое недавнее пребывание в должности, поэтому ограничилось только некоторыми указаниями.

Затем главком предоставил слово Туронтаеву, который напомнил, какие еще у нас не проведены учения. А главком отметил, что на учении в 10-й Гвардейской танковой дивизии была группа офицеров штаба Группы, и подчеркнул, что учение хорошо подготовлено и умело проведено. Это, конечно, для меня было очень высокой оценкой. Когда главком сказал, что будет на этот счет направлена информация, я вообще почувствовал себя неловко.

О командно-штабном учении Группы было сказано всего несколько общих фраз, но никто ничего не уточнял. И я — тоже.

Зато после совещания меня все обступили и давай нажимать: «Чем ты удивил главкома?» Я, разумеется, был немногословен: учение как учение. Постарался перевести стрелку на другую тему — о групповом командно-штабном учении. Зашли к Туронтаеву. Он сообщил, что учение будет проводить главком, но посредников пришлют из Центра (то есть из Генерального штаба

и какого-то военного округа).

Вскоре приехали из Киевского военного округа посредники во главе с командующим войсками генерал-полковником В. Г. Куликовым. Почему-то одновременно распространились слухи, что будто бы Куликов может заменить Кошевого. Во время учений мне удалось повидаться с Виктором Георгиевичем Куликовым, и я без дипломатического захода прямо спросил:

— Вы приехали в связи с предстоящим назначением на Группу?

— Все может быть, все может быть, — шутил Виктор Георгиевич.

Но, видно, все-таки дыма без огня не бывает. Буквально через месяц сменилась власть — Петр Кириллович Кошевой уехал в Москву (никто не знал, куда конкретно), а Группой войск стал командовать Виктор Георгиевич Куликов. Вслед за Кошевым отбыл Владимир Владимирович Туронтаев — на штаб группы приехал генерал-лейтенант Владимир Захарович Якушин. Сменились и другие руководители. Но из числа ведущих фигур В. Л. Говоров и Е.Е.Мальцев остались.

Жизнь и учеба в Группе войск в Германии продолжались под прежними знаменами, но с другим главнокомандующим. В сравнении с Кошевым генерал-полковник Куликов был, конечно, более склонен к обсуждениям, отысканию общих взглядов. Это обеспечило ему «общий язык» не только с членом Военного совета Мальцевым, но и с советским посольством в ГДР (Петр Андреевич Абросимов), и с руководством Министерства обороны (Гофман), и с Министерством госбезопасности (Мильке), и со всем политическим руководством ГДР — Вальтером Ульбрихтом, Эрихом Хонеккером, Вилли Штофом и другими.

Когда сейчас вспоминаю те годы, конечно, многое приходит на память. Во-первых, это была настоящая боевая учеба. Иногда увлечения и фантазия начальников доходили до классических форм. Например, я провожу учения с 47-й Гвардейской танковой дивизией, и тоже с форсированием Эльбы, но только наоборот — с запада на восток. Приезжает главнокомандующий В. Г. Куликов и ставит командиру дивизии генералу Г. Ворохобу задачу — всем (!) танкам дивизии преодолеть Эльбу только по дну реки, при этом каждый батальон должен иметь свою трассу. И готовили все необходимое, и преодолевали по дну, и все проходило нормально (никого не утопили), потому что предварительно разведку дна на таком огромном фронте проводили двое суток.

Однако самыми знаменательными для меня и для всей армии стали проведенные в зиму с 1970-го на 1971 год армейские войсковые учения. На учения вышла вся армия: пять дивизий, три

бригады и девять отдельных полков. Все казармы закрыты на ключ. В военных городках только круглосуточный патруль.

Армия была поднята внезапно по тревоге ночью. Зима. Шел холодный дождь. Соединения, части, штабы вышли, а запасы вывезли в запасные районы. Все было тщательно проверено. Затем Главнокомандующий Группой — руководитель учения поставил задачу в течение суток совершить марш и сосредоточиться в северо-восточном районе ГДР. Дождь продолжал лить. Задача с маршем и сосредоточением выполнена. Но, чувствую, личный состав уже измотан, особенно командиры. Во-первых, потому, что хотя привалы и были, но марш совершается круглые сутки, и, во-вторых, идет непрерывный дождь. Температура нулевая, однако поскольку дует сильный ветер, то, конечно, промокший, да еще после двух бессонных ночей, солдат чувствует себя скверно. Ясно: надо срочно поднять боевой дух.

Отдал распоряжение о немедленной организации обогревательных пунктов на весь личный состав (палатки всех видов, брезентовые покрытия, крытые кузова машин с калориферами или печками). Всему личному составу удвоили норму питания (за счет первого вида), особенно мяса, сала, масла, сахара. А горячего крепкого сладкого чая и белого хлеба — в неограниченном количестве круглые сутки.

Организовав все меры безопасности, особенно позаботясь, чтобы не сгорели или не угорели люди, все, кроме старшего звена командиров и штабов, приступили к сушке и отдыху. Однако прежде была организована круговая оборона, выставлены полевые караулы на всех дорожных направлениях, создана система наземного и воздушного наблюдения, средства ПВО приведены в боевую готовность. Штабы имели две смены — одна работает, а вторая отдыхает. В то же время рассчитывать на значительную паузу в действиях не приходилось. Как я и предполагал, сразу после моего доклада о сосредоточении войск армии в указанном районе в установленные сроки, последовала директива командующего войсками фронта (т. е. руководителя учения) о подготовке и проведении операции с целью разгрома противостоящего противника. Поэтому были задействованы все основные командиры и штабы, от полка и выше. А личный состав готовил себя и боевую технику к боевым действиям.

Суть боевой задачи состояла в том, что армия, занимая полосу обороны, обязана была отразить внезапное нападение противника, перейти в решительное контрнаступление и полностью разгромить агрессора на его территории. У читателя может возникнуть вопрос — зачем ждать нападения противника?

Если имеются достоверные данные разведки о том, что он уже изготовился к наступлению, то надо наносить упреждающий удар — вначале артиллерией и авиацией, а затем добить его войсками. Разумеется, это и логично, да и правомерно с учетом тяжелейшего опыта Великой Отечественной войны. В то же время мы никогда не должны забывать о миролюбивой сущности советского социалистического государства. Оно не может и не должно выглядеть агрессором даже по формальным признакам. Вот почему начальный период войны отрабатывался именно так, чтобы, во-первых, не позволить противнику вклиниться на нашу территорию (а если это ему удастся — выбить!), сразу же с первым его выстрелом обрушить на него всю мощь нашей артиллерии и авиации, а, во-вторых, перейдя в решительное наступление главными силами, полностью разгромить агрессора.

Вот такая двуединая задача и стояла перед армией: отразить удар и перейти в контрнаступление. А в целом это отвечало нашей политической линии — в условиях «холодной войны» не дать нашим оппонентам повода для своих выпадов.

Учитывая это и имея в виду, что группировка войск должна быть создана именно так, чтобы выполнить и ту, и другую задачу, было принято решение: на правом фланге и в центре оперативного построения армии в первом эшелоне поставить 10-ю, 12-ю и 47-ю танковые дивизии; на левом фланге на широком фронте — одну 207-ю мотострелковую дивизию. Кроме того, в полосе этой дивизии иметь все основные противотанковые средства и установить как можно больше инженерных заграждений, в том числе минных полей; во втором эшелоне армии иметь 25-ю танковую дивизию, которая предназначалась для ввода в сражение с целью развития контрнаступления, а также для проведения контрудара в случае прорыва противника в полосе 207-й мотострелковой дивизии (на левом фланге армии). В свою очередь, танковые дивизии первого эшелона имели в первой линии мотострелковые полки и по одному танковому полку. Два других танковых, находясь во втором эшелоне, вводились в бой с переходом в наступление.

Таким образом, надо было решать две задачи — оборона и наступление. И там, и там требовались огромная организаторская работа и практические действия по проведению инженерного оборудования (одних только траншей и ходов сообщения на основных, запасных и отсеченных позициях насчитывались сотни километров). Исключительное место при организации действий заняло определение и инженерное оборудование маршрутов выдвижения и рубежей развертывания для вторых эшелонов и различного рода резервов, а также огневых позиций для

артиллерии, ракетных войск и средств противовоздушной обороны. Особое место, естественно, заняли вопросы организации управления войсками, инженерного оборудования пунктов управления и всестороннего обеспечения войск (в том числе тылового обеспечения).

Тем, кто никогда в жизни не участвовал в процессе организации боя и операции (и тем более ведения боевых действий) даже на учении, конечно, очень тяжело представить весь объем и сложность задачи. Ведь требуется организовать согласованные — по времени, месту и задачам — действия десятков тысяч воинов, имеющих тысячи танков и орудий, и направить их на достижение единой цели. Это очень трудная и сложная задача, но она выполнялась.

Была выполнена эта задача и на этих учениях. Правда, все действия, вся операция (все учения) проходили в сложнейших климатических условиях. Вначале беспрерывно шел холодный зимний дождь со снегом, а с началом нашего наступления температура упала до минус 9–12 градусов и все вокруг покрылось сплошным льдом. Дороги и маршруты превратились в буквальном смысле в ледяной каток.

Несомненно, испытания — и морально-психологические и физические — были колоссальными. Но личный состав со своими задачами справился. Армия была отмечена на разборе руководителем учения. И конечно, я эту оценку отношу ко всем офицерам и солдатам.

С особой благодарностью вспоминаю товарищей, которые блестяще проявили себя и на этом учении, и вообще, когда мы все вместе тянули этот огромный армейский воз. Вот их имена: генерал П. Г. Лушев — первый заместитель командарма, а в итоге своей службы стал генералом армии, первым заместителем министра обороны СССР; генерал Н. В. Сторч — начальник штаба армии, а в последующем генерал-лейтенант, начальник одного из ответственных управлений Генерального штаба; генерал В. М. Турбин — начальник Ракетных войск и артиллерии армии; Герой Советского Союза генерал М. Манакин — начальник тыла армии, затем стал начальником тыла Московского военного округа; генерал В. Н. Крот — командир 10-й Гвардейской танковой дивизии, Герой Советского Союза (через несколько лет трагически погиб); генерал С. А. Стычинский — командир 12-й Гвардейской танковой дивизии, в последующем генерал-полковник, первый заместитель начальника Главной инспекции Вооруженных Сил; генерал Н. С. Меркулов — командир 25-й танковой дивизии, на завершающем этапе службы руководил Донецким областным военкоматом (состояние здоровья не

позволило иначе); генерал Г. И. Ворохоб — командир 47-й Гвардейской танковой дивизии, в последующем переключился на педагогическую деятельность в Военной академии Генштаба; генерал В. Н. Веревкин-Рохальский — командир 207-й мотострелковой дивизии, который стал генерал-полковником и по сей день успешно трудится в должности первого заместителя председателя Комитета ветеранов войны и военной службы Российской Федерации. Конечно, было очень много и других ярких личностей, например, полковник Нестеренко — начальник оперативного отдела армии, и другие. Все они заслуживают особо теплых слов за их эффективный и самоотверженный труд, что в итоге вывело армию в лидеры Группы Советских войск в Германии.

Не описывая всю эпопею этих тяжелейших учений, скажу лишь одно: к нашей всеобщей радости и на удивление руководителей учения, армия не только в полном объеме выполнила все многогранные задачи и проявила себя при этом положительно, продемонстрировав высокую боевую способность, но и не допустила ни одного случая какого-либо происшествия, тем более с увечьем личного состава или серьезной поломкой боевой техники. А ведь участвовали на учениях десятки тысяч солдат и офицеров.

Глава II
Политические проблемы ГДР: взгляд со стороны

Немцы — разные, но корень — один. Весна 1971 года: парад в Магдебурге. Ульбрихт — Хонеккер — Штоф — Гречко — Брежнев. Расставание с армией. Первый заместитель у трех Главкомов ГСВГ. Войсковые учения всех уровней — школа высшего класса.

Весной 1971 года в наших краях проходили маневры Национальной Народной Армии (ННА) Германской Демократической Республики, которые закончились парадом войск ННА в Магдебурге. После парада здесь же в Магдебурге проводился разбор маневров. С докладом выступил министр обороны ГДР генерал армии Г.Гофман. Разбор сопровождался показом кинохроники учений. Это выглядело очень эффектно.

Фактически мероприятие было посвящено 15-й годовщине образования Национальной Народной Армии ГДР. На эти торжества, естественно, прибыл наш министр обороны — маршал Советского Союза А. А. Гречко. Приехали министры обороны и других стран социалистического содружества. Все политическое руководство ГДР, в том числе В. Ульбрихт, на протяжении всего парада, а также разбора находилось с военными. Это говорило не только о внимании к армии и флоту республики, но гораздо о большем.

А. А. Гречко, приехав в Магдебург накануне этих торжеств, остановился в гостинице Военного совета нашей армии. Затем, согласно протоколу, включился в проводимые мероприятия. А когда парад подходил к концу, он «прихватил» второго секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера, председателя Совмина ГДР В. Штофа и отправился на обед — он проходил в той же гостинице. Беседа носила доверительный характер и касалась самых сложных вопросов внутренней жизни страны. Я тоже присутствовал, однако делал вид, что всецело поглощен своими вопросами.

Беседа была весьма конструктивной и полезной. Я понял, что А. А. Гречко были даны высокие полномочия на этот счет. Результаты были впечатляющие, поэтому настроение у всех было приподнятое. Меня удивило, что министр обороны весьма свободно оперировал цифрами народного хозяйства СССР, знал хорошо показатели ГДР и ее соседей, делал сопоставления с ФРГ, где «план Маршалла» сделал свое дело — после Второй мировой

войны поднял Западную Германию из гроба и сделал ее одной из мощных держав мира. Кстати, забегая вперед, надо отметить, что к 80-м годам ГДР по объему промышленной продукции входила в число десяти ведущих индустриальных стран мира.

После обеда я отвез собеседников в здание, где проходил разбор учений. К моменту нашего прибытия он уже шел к завершению. Однако отсутствие А. А. Гречко и тем более Э. Хонеккера и В. Штофа, хоть и не особенно длительное, не осталось незамеченным. Их появление отдельные несдержанные лица встретили радостными возгласами, что вызвало явное неудовольствие В. Ульбрихта.

Главнокомандующий Группой войск в Германии генерал-армии В. Г. Куликов все это время был неотлучно с В.Ульбрихтом и Г. Гофманом. Судя по всему, между нашим министром обороны и главкомом Группы на этом мероприятии были распределены функции. Но, как бы то ни было, всему приходит конец. Закончилось и это грандиозное чопорно-торжественное, проведенное строго в немецком стиле торжество. Все разъехались, и мы вместе с руководством Магдебургского округа облегченно вздохнули.

Слу жба проходила нормально. Однако наступило лето и пришла пора расстаться с армией. Меня назначили первым заместителем Главнокомандующего Группой войск. Мой предшественник генерал-лейтенант В. Говоров убыл командовать Прибалтийским военным округом. Разумеется, любое прощание несет на себе отпечаток печали, тем более если в то, с чем расстаешься, вложено немало труда. Армию я полюбил и знал, что наши чувства взаимны. Утешало лишь то, что я не полностью порывал со своей армией, а всего лишь переходил в Вюнсдорф и все мы оставались под знаменами Группы войск. Это облегчало расставание — все-таки еще не раз встретимся и будем общаться.

В мои функции на новом посту входили подготовка и проведение всех учений Группы войск. Это касалось и совместных учений с ННА ГДР. Кроме того, я обязан был контролировать учения, которые проводятся в армиях. А в целом меня касалось все, что являлось главным содержанием деятельности Группы войск (в т. ч. боевой подготовки).

Несомненно, и В. Г. Куликов, и С. К. Куркоткин, и Е.Ф.Ивановский, принимая пост Главнокомандующего Группой войск, проводили лично много учений, но все-таки это была только часть тех мероприятий, что проводились в Группе. И это объяснимо. Должность Главнокомандующего Группой в то время являлась больше военно-политической, чем чисто военной. Он должен был много времени уделять политическим и

государственным органам ГДР, министерству обороны и другим министерствам этой страны, посольству Советского Союза в ГДР, различным делегациям и представительствам, приезжающим из СССР в ГДР, и т. д.

Мне же, как первому заместителю главнокомандующего, предоставлялась полная свобода действий. А поскольку учения и вообще боевая учеба войск были для меня настоящей отрадой, то, конечно, служба на новом поприще приносила мне полное удовлетворение. У меня и получалось неплохо. И главнокомандующие по достоинству оценивали мой труд, особенно Куликов и Ивановский. Что касается Куркоткина, то он относился ко мне несколько настороженно, как и ко всем офицерам, которые были близки к Куликову, его предшественнику на должности главкома. Дело в том, что в свое время Куркоткин командовал армией в Белорусском военном округе, а Куликов был у него заместителем по боевой подготовке. Затем служба сложилась так, что Куркоткин «засиделся» на Закавказском военном округе, а Куликов в это время откомандовал Киевским военным округом, затем Группой Советских войск в Германии и получил вторую по значимости в Вооруженных Силах должность — начальника Генерального штаба. Куркоткин же только был назначен на Группу войск. Будучи человеком очень завистливым и в то же время надменным, он очень переживал эту «несправедливость», не желая понимать того, что любого человека (а военного тем более), в первую очередь, украшает его благородство, человечность, а в военной жизни после должности командира дивизии часто продвижение по служебной лестнице идет совершенно по независимым от тебя обстоятельствам, как бы ты ни работал.

Итак, я полностью окунулся в свою родную стихию. Мне в полной мере приходилось взаимодействовать с начальником штаба Группы генералом Владимиром Захаровичем Якушиным — энергичным человеком с бурлящей натурой, а также с начальниками служб Группы, и особенно с командующим Ракетных войск и артиллерии генерал-лейтенантом В. Коритчуком, командующим знаменитой 16-й Воздушной армией Героем Советского Союза генерал-полковником А. Катричем, начальником инженерной службы Группы генералом С. Агановым и другими.

Но главной моей опорой было Управление боевой подготовки Группы, которым командовал генерал Сергей Иванович Молокоедов — мой старый сослуживец по Северу. То ли Север скрепляет людей, то ли доминировала личная высокая

порядочность Сергея Ивановича, а может, сказывалось и то, и другое, но факт остается фактом: в его лице я всегда находил полную поддержку во всех начинаниях и действиях. А окажись у Сергея Ивановича такие черты, как у Куркоткина (ведь у нас получилось приблизительно то, что у Куликова с Куркоткиным: Молокоедов был командир дивизии, а я у него — заместителем), то, конечно, мне пришлось бы преодолевать в связи с этим немало препятствий. К счастью, Молокоедов оказался полной противоположностью Куркоткину, и теперь вот я с теплом вспоминаю нашу хорошую совместную службу. Искренне благодарен ему за многое.

Несомненно, особый отпечаток накладывала ответственность за подготовку и проведение совместных с немецкими друзьями учений. У нас соблюдалась и очередность руководства этими учениями — один раз ими руководил представитель наших Вооруженных Сил (т. е. Группы войск), в следующий раз — ННА ГДР. Естественно, все вопросы предварительно согласовывались со штабами (особенно по использованию полигонов, маршрутов движения войск ит.д.). Следовало отметить, что все-таки на территории ГДР было значительное количество войск: 20 наших танковых и мотострелковых дивизий и 12 дивизий ННА, плюс приблизительно такое же количество личного состава других родов войск (ракетчики, артиллеристы, авиаторы, инженерные войска, войска связи и т. д.). На небольшом «пятачке» ГДР «разгоняться» такой силе было не просто. Поэтому, чтобы добиться четкого взаимодействия всех этих сил, требовалось настоящее искусство и творчество.

Мне приходилось иметь дело непосредственно со многими военными руководителями ННА. Однако наибольшее, поистине неизгладимое впечатление на меня произвели такие личности, как министр обороны генерал армии Хайнц Гофман, начальник Главного штаба генерал Гейнц Кеслер, начальник оперативного управления генерал Фриц Штрелец (затем он стал начальником Главного штаба), Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал Хорст Штехбарт, Главнокомандующий ВВС и ПВО генерал Вольфганг Рейнгольд.

Все они имели не только высокую военную и политическую подготовку, но и исключительные организаторские способности. Неспроста Национальная Народная Армия ГДР фактически на моих глазах выросла за 10–15 лет от нуля до грозной современной армии, оснащенной всем необходимым и способной действовать не хуже советских войск.

Естественно, мне больше всего на практике в поле приходилось взаимодействовать с Главкомом Сухопутных войск

ННА генералом Хорстом Штехбартом. В годы Второй мировой войны он был на Восточном фронте, как и многие другие, но обычно вспоминал это время без радости, а чаще всего не поддерживал разговор на эту тему и правильно делал. Безусловно, это человек умный, истинный патриот своей страны и интернационалист, умудренный, зрелый политик, дающий верные оценки всему, что произошло, имеющий высокую военную квалификацию. Мы с ним провели совместно не одно крупное учение.

Говоря о патриотизме, национализме и интернационализме, хотелось привести один характерный пример. Как-то в выходной день немецкие друзья пригласили нас в Берлин на центральный стадион. Играли две футбольные команды: «Динамо» — Москва и «Динамо» — Берлин. Так получилось, что я оказался рядом с министром государственной безопасности ГДР генералом Мильке. Это очень заслуженный человек, антифашист, очень много сделал для своего народа, за что неоднократно отмечался высшими наградами. Мы сидели вдвоем, а остальные — несколько поодаль от нас. «Болели», естественно, каждый за свою команду. Кстати, встреча закончилась боевой ничьей со счетом два — два. Но главным был наш разговор с ним в ходе матча. Время проведения этой встречи совпало с окончанием очередных Олимпийских игр. На первом месте был СССР, на втором — США, на третьем — ГДР, на четвертом — ФРГ и т. д. Я, естественно, поздравил Мильке с выдающимися достижениями команды ГДР в спорте. Успех был обусловлен, в первую очередь, тем, что спорт, как и в целом физическая культура нации, был возведен в этой стране в ранг государственной политики. При этом была создана не только мощная материальная база, но и классическая система подготовки молодежи. Все преобразования происходили буквально на глазах — каждая школа, каждый институт, каждое предприятие и государственное учреждение имели свою спортивную базу до бассейна включительно. И везде были штатные группы преподавателей-методистов. Это давало отличные результаты.

Отвечая на мое поздравление, Мильке сказал:

— Спасибо за теплые слова. Но вы, Валентин Иванович (он хорошо говорил по-русски), обратите внимание на один момент: если сложить все медали, заработанные на Олимпиаде спортсменами ГДР и ФРГ, то что получается?

— Впечатляющая цифра.

— Получается, что немцы завоевали больше всех медалей, в том числе золотых, и могли бы занять первое место.

Я откровенно рассмеялся:

— Это дух патриотизма или национализма?

— Ну вот, начинается. Я рассуждаю как прагматик без всякой политической приправы. А что касается вопросов патриотизма и национализма, то скажите мне, где тут водораздел? Должен ли каждый патриот заботиться о национальном достоинстве? Я считаю, что даже обязан. Он не должен проповедовать превосходство своей нации или национальности над другими. Все другие должны быть тоже уважаемые. Но без национальной гордости не может быть и патриотизма.

— Вот и я, — продолжал Мильке, — конечно, страдаю за немцев: и тех, кто живет в ГДР, и тех, кто в ФРГ. Наша нация творческая, трудолюбивая, дисциплинированная. Она во всех отношениях может всегда пребывать в числе наиболее развитых стран. Но беда немцев в том, что они, как и в России, допускают к управлению страной авантюристов, которые уже не первый раз ввергают наше отечество в беду. А ведь народ мог бы процветать.

Он говорил, а я, внимательно слушая его, конечно, внутренне соглашался. Действительно, и у нас такая же беда: то Николай II, то Хрущев. Хоть бы еще судьба не подбросила нам какого-нибудь экспериментатора-реформатора! Так я подумал тогда. А судьба распорядилась иначе. Но все это будет много позднее.

Важным для меня лично событием в то время было присутствие (буквально через месяц-два после моего назначения первым заместителем главкома) при разговоре, который состоялся между Хонеккером с одной стороны и послом СССР в ГДР Петром Андреевичем Абросимовым — с другой. При этом присутствовали: главком В. Г. Куликов, член Военного совета — начальник политуправления Группы Е. Е. Мальцев и я. Мы прохаживались по широким дорожкам двора-парка у дома, где жил главком, спрятанного от посторонних глаз и тем более ушей. Абросимов умышленно уехал для этой встречи в Группу войск, чтобы не подставлять Хонеккера.

Впереди шли трое: Абросимов, Хонеккер и Куликов, за ними — Мальцев и я. Но мы шли близко, и поэтому все содержание разговора было слышно. Я расценивал наше присутствие как придание этому конфиденциальному разговору, на котором присутствовали члены Военного совета Группы, особо высокой значимости. Речь шла в основном о В. Ульбрихте. Дело в том, что он в последнее время особо нервно реагировал на встречи его соратников с советскими друзьями. А вообще категорически запретил кому бы то ни было появляться в советском посольстве. Он считал, что вокруг него разыгрываются различные интриги. В то же время проводил встречи с представителями руководства партий ФРГ, например с ХДСП. При этом речь шла об отыскании

путей сближения двух Германий. Во внутренней политике он совершенно не терпел каких-либо прогрессивных предложений. А ведь их было немало. Например, о решительной реконструкции предприятий машиностроения, о внедрении электроники во все сферы производства и государственного аппарата, о молодежной политике, о развитии физической культуры в стране и т. д. Хонеккер приводил многочисленные конкретные примеры. В итоге разговор свелся к тому, что либо ему, Хонеккеру, надо уходить на другую работу, вплоть до посла в какую-либо страну, или же Вальтеру Ульбрихту надо по-хорошему стать почетным председателем СЕПГ, оставив пост первого секретаря партии для Хонеккера, который был вторым секретарем. Абросимов говорил, что здесь никакого давления быть не может, что было бы хорошо, если бы Вальтер сам это предложил, а доводить до обострения отношения с человеком, который отдал всю свою жизнь борьбе за интересы народа, нельзя. Но и тянуть дальше невозможно. Что касается ухода Хонеккера с активной работы, то это недопустимо, так как вся СЕПГ и весь народ ГДР видят именно в нем достойного преемника Ульбрихта.

В итоге Абросимов сказал, что, докладывая сегодня-завтра ситуацию Леониду Ильичу, он будет просить его направить в ГДР того, кто будет авторитетен для Вальтера и кто помог бы последнему «созреть».

На этом встреча закончилась.

В последующие дни и недели я долго еще лично для себя оценивал и переоценивал обстановку и все больше убеждался в том, как сложно решаются многие проблемы государственного масштаба, когда лидер государства «поражен болезнями», мешающими ему управлять страной. Вот и с Ульбрихтом. Узурпировав всю власть в своих руках, как у нас Хрущев, он до поры до времени двигал все-таки развитие страны вперед. Но на определенном этапе стал тормозом, а эффективного механизма, чтобы убрать этот тормоз, нет. Но у нас при Сталине, например, и не надо было что-то убирать — страна развивалась высокими темпами. А вот Хрущев морочил голову всему народу десять лет. И лишь благодаря стойкости группы Политбюро во главе с Брежневым и с помощью председателя КГБ страны Семичастного все-таки удалось наконец его убрать. Но ведь он расправился практически со всеми старыми членами Политбюро. Опасался только нападать на Суслова.

Через полтора-два месяца после этого разговора Ульбрихт без потрясений, наоборот, в торжественной обстановке был возведен в ранг почетного председателя партии, а Хонеккер стал первым секретарем СЕПГ и, следовательно, главой государства. ГДР

зашагала вперед и вверх.

В том же 1971 году после посещения Брежневым ГДР (вероятно, в беседе с Ульбрихтом обсуждалась и проблема пребывания его на посту первого секретаря СЕПГ) Виктор Георгиевич Куликов тоже сменил свой пост. Он был назначен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Министр обороны маршал А. Гречко очень внимательно и постоянно лично следил за важнейшей группировкой Вооруженных Сил — Группой Советских войск в Германии.

Поэтому один-два раза в год он непременно появлялся в Группе и в каждый такой приезд обязательно посещал войска. Хорошо, если это был только смотр. А если подъем по тревоге и вывод войск на учения?! Конечно, в таких случаях напряжение всегда было на пределе.

Но иногда Гречко, находясь в хорошем расположении духа, допускал неожиданные и нехарактерные для него вольности (он был человеком весьма остроумным, начитанным, многогранный эрудит, понимал юмор и сам пользовался им весьма успешно). Причем это могло произойти сразу по окончании какой-нибудь официальной части.

Как-то во второй половине лета 1972 года, когда после Куликова уже откомандовал Группой войск генерал армии Куркоткин и на эту должность прибыл генерал-полковник Ивановский, министр обороны заканчивал свое пребывание в Группе. В кабинете у главкома за отдельным небольшим столиком сидели, пили чай и слушали министра обороны главком Ивановский, начальник штаба Якушин, член Военного совета Медников и я — заместитель главкома. День был субботний, время шло к обеду. Гречко высказывал свои впечатления от посещения войск (он здесь уже был трое суток и завтра улетал домой, а на вечер была назначена встреча с Гофманом). Каждый из нас, слушая его, делал пометки в своих блокнотах. Наконец, министр обороны закончил и вдруг говорит:

— Мы начальника штаба оставим здесь. Возможно, будет звонить Гофман — надо будет ему передать, что я готов с ним встретиться, как договаривались, у меня в домике. А сейчас пойдем немного погуляем.

Андрей Антонович любил ходить не спеша, беседуя с попутчиками и отвечая на приветствия встречающихся военных и гражданских лиц. А с некоторыми из них затевал беседу.

Вот и на этот раз мы неторопливо шли по тротуару в сторону его домика, где он обычно останавливался. Вдруг министр останавливается и, окинув нас озорным взглядом, говорит:

— Я окончательно пришел к выводу, что мне надо провести

состязание: с одной стороны — я, а с другой — представитель Военного совета Группы.

И, посмотрев каждому в глаза, продолжил:

— В программу состязаний включается: метание гранаты, бег на сто метров, плавание, фехтование и партия в шахматы.

И опять смотрит, как мы реагируем.

— Вы готовы?

— Конечно, товарищ министр, — сказал Ивановский, — мы будем считать за честь участвовать в таких состязаниях.

— Вот и прекрасно, — говорит Андрей Антонович, хитро улыбаясь.

Мы пошли дальше. Вдруг он опять останавливается и спрашивает:

— А кто от Военного совета будет выступать?

— Первый заместитель главкома — это по его линии, товарищ министр, да и сам Валентин Иванович спортивный человек, — ответил Ивановский.

— А вы готовы к этому? — надавил на меня министр. И, не ожидая ответа, добавил: — А вы учитываете — кто против вас выступает?

— Несомненно, товарищ министр, — ответил я.

— Последствия, которые в итоге всего этого могут быть, — представляете? — все тем же тоном вопросил министр.

— Так точно.

— Ну, если «так точно», то давайте разберем тактику ваших действий на этих состязаниях. Что касается метания гранат, то можете применять любую тактику — я переплюну весь ваш Военный совет. Разберем бег на сто метров. Как вы будете бежать?

Все смотрят на меня.

— Конечно, я должен бежать, отставая на один метр.

— Нет, нет! Что вы?! Это очень рискованно. Вдруг у самого финиша споткнетесь и, независимо от своего желания, вылетите вперед. Надо бежать минимум в двух-трех метрах сзади.

Дружный смех завершил разбор тактики спринтерского бега.

— А теперь поедем на озеро — поплаваем. С метанием гранаты и бегом фактически уже все решено — ведь второе место тоже приз. Давайте машину.

Подошли машины, и мы через пять минут были на озере. Взяли на месте плавки, подошли к берегу.

— Значит, так. Учитывая, что на той стороне никого нет, чтобы определить, кто же первый финишировал, то мы решим эту задачу, засекая время, потраченное на преодоление расстояния от нашего берега до вот той косы.

Это было метров 250–300.

— Первым запускаем представителя Военного совета. Засекайте время. Вперед!

Я прыгнул в воду и с места в карьер взял бурный темп — поплыл баттерфляем. Однако на середине дистанции дыхание мое без тренировки выглядело неважно, поэтому я перешел на «спокойный» брасс. Выйдя на берег, поднял руку — мне ответили тем же, и я трусцой побежал вдоль берега к группе. А здесь меня ожидал сюрприз.

— Пока вы бежали, мы уже подвели предварительные итоги. Метание гранат — все прекрасно понимают, кому надо отдать первое место. Оно уже исторически закреплено. Бег на сто метров — представитель Военного совета при свидетелях заявил, как он намерен бежать, а это только второе место. Плавание — представитель Военного совета фактически сошел с дистанции: надо было проплыть туда и обратно, а он обратно пробежал по берегу. Поэтому мне можно сейчас показать любое время и первое место обеспечено. Таким образом, по трем видам соревнований из пяти представитель Военного совета утратил первое место и тем самым уже никак не может занять первое место в целом. Но даже если мы продолжим, то те же шахматы сами говорят не в пользу Военного совета. Вы в шахматной партии сдаетесь? — напирал на меня Андрей Антонович.

— Товарищ министр, военный человек не должен сдаваться без боя.

— Это верно! Но и нет смысла идти в схватку, если знаешь, что обречен. Проигрыш только еще ниже уронит престиж Военного совета.

— Картина ясная, товарищ министр, — вмешался Ивановский.

— Ну, а сейчас все в воду! Поплаваем, — и Андрей Антонович первым решительно вошел в приятное теплое озеро.

Минут через двадцать мы уже сидели за столом в доме министра, пили мягкое «Псоу». Первый тост был за победителя в состязаниях, а следующий — за второе место Военного совета Группы.

Вот таким бывал иногда Андрей Антонович Гречко. Но такое случалось редко. Вся его энергия, дар природы — незаурядный ум, организаторский талант — были направлены и посвящены строительству и развитию Вооруженных Сил, поддержанию их постоянно на высоком уровне боевой готовности. Он сам лично понимал и внушал всем нам, что без мощных, отлично подготовленных Вооруженных Сил ни наши политики, ни наши дипломаты не могут успешно решать задачи в интересах

Советского Союза. Он понимал это и действовал эффективно. И был на этом поприще беспощаден к тем, кто не понимал возложенной на него ответственности за честь, достоинство и безопасность нашей Великой державы.

Глава III
Русские, немцы и поляки

Совместные учения. Торжества и праздники. Деловые встречи. Разбор конфликтов. Учения под руководством министра обороны СССР Гречко на территории Польши и ГДР. Новое назначение. Л. И. Брежнев, но уже лично.

Весной 1973 года я возвращаюсь с очередных учений в Вюнсдорф. Захожу в кабинет, а ко мне заскакивает порученец главкома и говорит, что Евгений Филиппович просит немедленно зайти. Сбросил свои ремни и иду к главкому. Переступив порог, вижу, как Ивановский, прижав к уху трубку телефона «ВЧ», повторяет: «Товарищ министр обороны, я все понял. Есть, товарищ министр», — и все в том же духе до окончания разговора. Положив трубку на рычаг, обратился ко мне:

— Валентин Иванович, я разговаривал с министром. Думал, что он и тебе что-то скажет, но он поставил задачу через меня. Тебе приказано срочно вылететь в Легницу — в штаб Северной Группы войск. Там ждет министр. На руках надо иметь карты: двухсотку — на территорию Польши и ГДР и сотку — на восточную часть ГДР, с отмеченными на ней полигонами. Самолет я уже заказал. Через двадцать минут можно лететь — пока доедешь до Шперенберга, самолет будет готов. Прихвати с собой двух-трех операторов. Начальник штаба команду получил. Они готовят карты.

— А что произошло?

— Произошло обычное: министр обороны приказал начальнику Генштаба подготовить самолет к нам в Группу на аэродром Шперенберг. Взял с собой несколько операторов, Главкома ВВС П. С. Кутахова и полетел. Как только самолет вышел из московской зоны, он вызвал командира корабля и приказал сесть на аэродроме Северной Группы войск (Легница). То есть изменил пункт посадки. Это, естественно, произвело эффект внезапности, что и требовалось министру. А он приземлился и сразу поднял по тревоге всю Группу войск в Польше. Сейчас все находятся в районе сосредоточения, а одна дивизия получила задачу совершить марш на запад, к Одеру. По-моему, она уже вышла.

— А что меня может ожидать?

— Ума не приложу. Возможно, будете посредничать? Но у него есть операторы из Генштаба.

Я отправился на аэродром с операторами, вооруженными картами и «тревожными чемоданчиками», — на всякий случай каждый офицер имел небольшой чемоданчик, укомплектованный всем необходимым для жизни и деятельности: в случае внезапного подъема по тревоге или выезде в командировку.

Прилетели в Легницу. Меня уже ждала машина, которая доставила прямо к министру. А тот без всякой подготовки, как говорится, с места в карьер:

— Давайте карту! Одна танковая дивизия «поляков» (так он называл Северную Группу советских войск, а нас называл «немцами») получила задачу выдвинуться к Одеру, навести наплавные мосты вот на этом участке (министр при этом показал мне на карте), переправиться на западный берег и завтра к рассвету выдвинуться в район Либерозского полигона. Захватить там выгодный рубеж и быть готовым к отражению удара противника с запада.

Ваша задача, — продолжал министр, — состоит в следующем: первое — предупредить пограничные и другие службы ГДР, что я провожу учение с форсированием реки Одер. Второе — во избежание несчастных случаев на реке и чтобы «поляки» не утонули, Группе войск в Германии выдвинуть на западный берег Одера необходимые органы эвакоспасательной службы и создать соответствующую систему, которая должна войти в контакт с Оперативной группой Северной Группы войск и действующей дивизией «поляков». Третье — поднять по тревоге 79-ю танковую дивизию и без двух танковых и одного мотострелкового полка выдвинуть ее на западную окраину Либерозского полигона к утру завтрашнего дня. Три недостающих полка взять из 20-й, 39-й и 57-й мотострелковых дивизий. Командир 79-й танковой дивизии полностью отвечает за состояние дел и выполнение боевых задач этими полками. Полки должны подключиться к дивизии на марше. Четвертое — вашим решением усилить дивизию армейской артиллерией и авиацией. Наконец, пятое — завтра в 8.00 вот в этом пункте (министр отметил пункт на карте флажком) я буду заслушивать командира дивизии — его решение о наступлении на поспешно занятую оборону противника. По всему остальному — решить самостоятельно.

И гигантская машина закрутилась. Были задействованы десятки тысяч военнослужащих личного состава, тысячи единиц техники и крупного вооружения. Но для нас особо сложным казалось создание на марше сводной дивизии. Ведь один из полков должен маршировать по диагонали едва ли не через всю ГДР. 39-я мотострелковая дивизия стояла почти в самом юго-западном углу страны — в районе Эйзенахского полигона.

Такими вводными министр обороны сразу убивал не двух зайцев, как говорится в пословице, а нескольких. Но главное — он проверял всю систему управления — и войск, и руководства ГСВГ и СГВ. Сам же он имел всего несколько помощников. Правда, они успевали «заглянуть» во все прорехи и доложить министру.

К 5.00 утра следующего дня «польская» дивизия полностью перешла через Одер и устремилась на Либерозский полигон. В авангарде действовал мотострелковый полк. Наша дивизия без одного полка вышла в назначенный район и готова была занять исходное положение для наступления. Решено было полк 39-й мотострелковой дивизии направить во второй эшелон. Я уточнил передний край «противника», куда уже вышли его разведывательные дозоры, а все остальное приказал разведать самостоятельно, в том числе и силами авиации.

К 8 утра министр обороны, как и обещал, уже был на командно-наблюдательном пункте командира 79-й танковой дивизии. К этому времени подошел и отставший последний полк. Командир дивизии доложил обстановку, сообщив также, что здесь, на командно-наблюдательном пункте, находятся и командиры частей дивизии. Министр приказал вызвать их и побеседовал с ними. При этом убедился, что дивизия действительно была сборной. И вдруг поставил задачу:

— Полк второго эшелона поставить в первый эшелон, заменив полк первой линии, что стоит в центре, а фланговые полки поменять местами. При этом все делать скрытно от «противника», используя лесной массив. Вот в этой группировке в 12.30 быть готовыми нанести удар по противостоящему противнику и, стремительно развивая наступление на восток, выйти на реку Одер вот на этом участке (показал по карте). Быть в готовности форсировать реку.

Командир дивизии вытер лоб, но сказал:

— Задача понятна. Разрешите действовать? Время идет.

Министр обороны согласился, что мешкать не следует, надо немедленно приступать к выполнению задачи. Приказал своей группе проверить, как дивизия проведет рокировку.

— А мы пока пойдем посмотрим на «поляков». В 12.00 вернемся на этот пункт, — добавил министр.

Все сопровождающие министра обороны, в том числе и я, сели на машины и отправились к «противнику». Подъехав к центральной вышке полигона, заметили присутствие различных начальников. Здесь же был и командующий Северной Группы войск генерал-полковник М. Т. Танкаев. Он доложил министру обстановку с дивизией. Оказалось, что авангардный мотострелковый полк уже занял назначенный дивизии рубеж,

танковые же полки на подходе. Танкаев предложил министру подняться на вышку, откуда все можно будет увидеть. Однако Гречко на вышку не пошел, а, прищурив глаза, долго рассматривал на ровном, как блюдце, поле подразделения пришедшей из Польши дивизии. Они выглядели очень жидко. Но впереди был сплошной песок (немцы вообще все непригодные для сельского хозяйства земли отдавали военным).

Видно, поразмыслив, Гречко решительно пошел вперед. Естественно, мы за ним. Подавляющее большинство были в сапогах, так что по песку можно было вышагивать без особого труда. Но министр обороны и Главнокомандующий ВВС были в брюках навыпуск и в туфлях. Конечно, обувь под давлением их огромных фигур проваливалась в песок до носков включительно. И можно было себе представить, что у каждого из них творилось в туфлях. К тому раздражению Андрея Антоновича от грустной картины, которую представили передовые подразделения дивизии из Северной Группы войск, добавился еще и дискомфорт, связанный с преодолением песчаного поля. Минуты через три-четыре над нашей группой появился боевой самолет — он летел приблизительно на высоте 500–600 метров.

Министр обороны остановился и посмотрел, как самолет «выписывает» круги.

— Что это? — спросил Гречко у Кутахова, Главкома ВВС.

— Разведчик, товарищ министр обороны, — самодовольно ответил Павел Степанович.

— Какой же дурак летает на такой высоте? Его же из рогатки собьют, а не только из обычного пулемета. Убрать!

Кутахов скомандовал командующему 16-й Воздушной армией Катричу: «Убрать!» Катрич — своему полковнику: «Убрать!»

Прошло еще минут пятнадцать, мы уже подходили к передовой цепи обороняющихся, как вдруг опять этот самолет и опять на той же высоте начал барражировать над нашими головами.

— Кутахов, вы в конце концов уберете это позорище, что кружит над нами? Или вы решили продемонстрировать, что у нас бестолковая авиация? Уберите немедленно самолет!

Кутахов рыкнул на Катрича, и тот лично помчался на вышку. А самолет, будто чувствуя, что у нас происходит на земле, отвернул в сторону и исчез. Все облегченно вздохнули. Министр подошел к цепи и остановился, разглядывая солдат. И вдруг опять появляется самолет-разведчик на той же высоте и описывает те же круги. Видно, Катрич еще не добежал до вышки.

Гречко взорвался:

— Маршал авиации Кутахов! Вы в конце концов способны

скомандовать всего лишь одному самолету или вы уже и этого не можете сделать? Вы что, умышленно испытываете мои нервы? Вы чего стоите? Марш на вышку и уберите это пугало!

Павел Степанович Кутахов рванул, как мотоцикл. За ним даже образовалось пылевое облако. Самолет улетел. Министр стал беседовать с солдатами. Кстати, увидев приближение начальников, лопатки заработали энергичнее. Поскольку здесь был песчаный грунт, то большого труда для устройства ячеек не требовалось.

— Здравствуй, солдат, — сказал министр.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — поднялся солдат в своей ячейке на ноги.

— Я маршал. Солдату надо знать знаки различия.

— Здравия желаю, товарищ маршал…

…Советского Союза, — помог кто-то из нашей группы.

Солдат повторил:

— Здравия желаю, товарищ маршал всего Советского Союза.

— Вот именно: всего Советского Союза, — подхватил Гречко. — Ну, какую же ты имеешь задачу?

Солдат оказался сообразительным и разговорчивым:

— Задача как задача: отразить, если кто сунется. И товарищу помочь справа и слева. Будем держаться, как в Брестской крепости.

— Так там была крепость, а вы все в поле, да окопы никудышные. Цепь солдатская жиденькая-жиденькая, — с этими словами Андрей Антонович с укоризной глянул на генерал-полковника Танкаева. — Сегодня горячий завтрак был? — продолжал допытываться Гречко.

— Так точно.

— Что было на завтрак?

Солдат посмотрел в небо, поправил пилотку и отрапортовал:

— Макароны с тушенкой, белый хлеб с маслом и сладкий чай. Все нормально.

Вроде успокоенный, министр перешел к следующему солдату. Они располагались в окопах в 30–40 метрах друг от друга и не слышали, о чем шла речь у соседа. Министр обороны, будучи очень внимательным и чутким человеком и обладая богатейшим опытом и интуицией, видно, почувствовал неладное. И, подойдя к очередному солдату, сразу в лоб спросил:

— Что было на завтрак?

— Как что? Как всегда — перловка!

Министр посмотрел вокруг, отыскивая глазами Танкаева.

— А масло?

— Так масло же в кашу положили, — невозмутимо отвечал

солдат.

Андрей Антонович, не договорив с этим солдатом до конца, перешел к другому:

— Горячий завтрак сегодня был?

Солдат мрачно посмотрел на маршала и выдавил:

— Был.

— И чем же вас кормили?

— Картошкой с мясом. И чай был, конечно, сладкий.

Министр быстро зашагал к вышке. Я с тяжелым чувством досады за все услышанное следовал за ним, и мое настроение с каждым шагом Андрея Антоновича, туфли которого проваливались в зыбкий песок, все более ухудшалось. Если человеку под семьдесят, то вышагивать километры вообще не просто, а если еще и по песку — тем более.

У вышки Гречко в крайне резкой форме приказал немедленно подвезти сюда завтрак, а старшины рот со своими помощниками должны по-пластунски доставить все положенное своим солдатам в термосах, в обильных количествах. Время на все это отвел — один час.

— Если через час не будет выполнено — сниму каждого, кто в этом повинен, а на злостных — передам дело в прокуратуру, — пригрозил министр, а потом заметил: — Вы посмотрите, какие солдаты! Как они выгораживают своих беспечных начальников! Ведь их фантазия в отношении того, что они завтракали, не является ложью. Это попытка отвести удар от командиров и политработников, которым доверили этих солдат. Я понимаю, что командиры дивизий и полков стремились уложиться в отведенное время и выполнить поставленную задачу. Но делать это за счет солдатского живота нельзя.

Далее события развивались более-менее прилично. Солдат накормили так, как требовал министр (по времени, по количеству и по методам, то есть по-боевому). Тут подошли главные силы дивизии «поляков», развернулись, в соответствии с решением, и приступили к инженерному оборудованию обороны. Наступающая дивизия провела перегруппировку, заново организовала наступление и готова была в 13 часов перейти в атаку. Учитывая, что и обороняющиеся к этому времени были готовы, министр обороны план действий утвердил.

Когда войска перешли к боевым действиям, на душе потеплело. Лавина танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров — все, стреляя (холостыми, конечно), бросилось вперед под прикрытием боевых вертолетов и ударов авиации по ближайшей глубине. Но оборона ощетинилась. Это уже не была одна «ниточка» пехоты на переднем крае. Во-первых,

и передний край преобразился — здесь уже была сплошная траншея с ходами сообщения в глубину. Сразу за первой и особенно за второй траншеей находились закопанные танки и противотанковая артиллерия, которая открыла огонь по наступающим. В такой схватке тяжело определить, кто сильнее. Скорее, не было ни победителей, ни побежденных. Но наступающие, пронизав первый эшелон обороняющихся, естественно, продвигались отнюдь не триумфальным маршем. Дивизия «поляков» проводит контратаку. Наступающие своим вторым эшелоном наносят удар по флангу контратакующих и развивают наступление дальше.

У министра обороны от всей этой насыщенной динамики, грохота, лязга металла и нескончаемой стрельбы взгляд стал мягче, лицо подобрело. Это уже рефлекс настоящего военного.

Поздно вечером он дал отбой и здесь же, собрав командный состав двух дивизий, сделал короткий, но капитальный разбор. Уместно вспомнить, что важнейшей чертой маршала А. А. Гречко было то, что он всегда при проведении учений осуществлял личный контроль и разбор проводил, как правило, по-крупному и принципиально. И если у кого-то что-то не получалось — он «додавливал» и заставлял выполнять боевую задачу, но уже в более сложных условиях. Его учения — мощная школа полевой выучки всех категорий командиров и штабов.

Прошло уже четыре года, как я отслужил в Группе Советских войск в Германии. И вот как-то главком Евгений Филиппович Ивановский говорит мне: «Чует мое сердце, что мы можем расстаться». А работали мы с ним душа в душу. Вообще у нас сложился прекрасный коллектив и расставаться было бы ни к чему. Я поинтересовался, какие признаки заставляют его об этом думать. Он четко и определенно сказал: «Суета московских кадровиков!»

Да, это признак существенный. Жизнь уже не один раз подтверждала это. Но в центральные кадровые органы ни Ивановский, ни тем более я не звонили и решили, что время покажет, а пока надо работать. А через два дня Евгений Филиппович вызывает меня, дает документ и говорит: «Читай. Такого же содержания я дал шифрограмму на имя министра обороны».

Передо мной была аттестация, которая говорила, что я достоин быть выдвинутым на должность командующего войсками округа первого разряда. Естественно, что вся аттестация была выдержана исключительно в превосходных тонах. Я поблагодарил главкома, но продолжал смотреть на него вопросительно.

В ответ услышал: «Завтра надо быть в ЦК. Так что лучше

вылететь в Москву сегодня вечером. Самолет готов».

Нам обоим стало грустно.

В Москве меня встретили, привезли в гостиницу и предупредили, чтобы в 10.00 я был у заведующего Административным отделом ЦК КПСС Савинкина. В 9.30 я прибыл вначале к нашему куратору в Административном отделе Ивану Перфирьевичу Потапову, а уже он меня сориентировал. Оказывается, Министерство обороны представило меня на должность командующего войсками Прикарпатского военного округа. Немного рассказал об этом округе, потом предупредил, что все документы готовы и что, возможно, уже сегодня меня представят Генеральному секретарю ЦК.

В 10 часов Потапов привел меня к Савинкину. Тот в течение часа вытягивал из меня все, что касалось Группы Советских войск в Германии. Я отнес это к тому, что, видимо, сам Савинкин готовился и «сверял часы» (сверял с теми данными, которые уже у него были) и тем самым тренировал меня — а вдруг Генеральный задаст вопрос?! Николай Иванович Савинкин — старый аппаратчик, так сказать, «тертый калач». В конце концов он меня отпустил, но предупредил, чтобы в 16 часов был у него — пойдем к Леониду Ильичу.

В течение нескольких часов я обошел заместителей министра обороны, в том числе побывав у начальника Генерального штаба Куликова Виктора Георгиевича и первого заместителя министра Соколова Сергея Леонидовича, которых я считал причастными к моему предстоящему назначению. И тот, и другой посмеивались, и каждый говорил, что это решение министра обороны.

В 16 часов я прибыл в ЦК, доложил и в ожидании команды сидел в вестибюле. Вдруг появляется генерал-полковник Алексей Николаевич Катрич, командующий 16-й Воздушной армии нашей Группы войск.

Катрич действительно был личностью в авиации. Я питаю к нему исключительное уважение за его честность, потрясающую оперативность, высокий организаторский талант и безукоризненную летную подготовку. И не только я и другие его товарищи, но и вся армия преклонялась перед ним.

Увидев Алексея Николаевича, я ахнул:

— Какими судьбами?

— Да такими же, что и вы. Назначают на новую должность, хотя я и отказывался дважды.

— Если не секрет, на какую вас должность представили?

— Какой уж тут секрет, первым заместителем министра Гражданской авиации. Не хочется мне расставаться с Вооруженными Силами. Да и министр Бугаев тоже не мёд. Вы

знаете.

Действительно, все мы хорошо знали всю эту историю с назначением Бориса Павловича Бугаева на пост министра. Не имея за плечами ничего, этот летчик, командир транспортного самолета (в войну и после войны), волею судьбы попадает в правительственный отряд и становится командиром корабля, который закреплен за Леонидом Ильичом Брежневым. За то, что самолет всегда летал исправно, Борис Павлович получает Героя Социалистического Труда, а с назначением в 1966 году сразу на пост заместителя министра Гражданской авиации — и высокое воинское звание «маршал авиации». Через год он становится первым заместителем министра, а еще через три года — министром Гражданской авиации. Коль стал министром, то и в последующем Брежнев присваивает ему «Главного маршала авиации». Мало того, он становится протеже Д. Ф. Устинова, который уже после Брежнева проявляет о нем заботу, и Бугаев получает вторую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

— Конечно, расставаться с Вооруженными Силами жалко, — согласился я, — но и в Гражданской авиации, где полувоенная структура и соответствующий порядок, нужны настоящие военные. Во имя Отечества.

Все это я говорил лишь для того, чтобы как-то смягчить ситуацию. Мы ходили, и Алексей Николаевич все вздыхал. Наконец, вышел Николай Иванович Савинкин и мы втроем отправились к Генеральному секретарю ЦК. По пути к Брежневу нам встретился какой-то солидный мужчина и спросил Савинкина:

— Генерал-полковников к нему ведешь? (Я тоже уже получил звание генерал-полковника.)

— Да, к нему. Он свободен?

— Я от него. В приемной никого не было.

Дежурный по приемной с нашим появлением сразу сказал Савинкину: можно заходить. Кабинет оказался небольшой, но уютный. Леонид Ильич подошел, тепло поздоровался и, приветливо улыбаясь, пригласил к большому столу. Он сел против нас и стал непринужденно вести беседу. Савинкин при этом стоял рядом и не садился — видно, был такой порядок. Меня Генеральный секретарь расспрашивал в основном о Группе войск. Потом внезапно спросил, а помню ли я, как я его (Брежнева) уморил во время доклада в посольстве. Конечно, я удивился, что он об этом не забыл. А случилось это в 1971 году осенью. Леонид Ильич, приехав в ГДР, решил встретиться с аппаратом посольства и руководством Группы войск (мы взяли всех основных начальников штаба и управлений Группы плюс

Военные советы армии). В зале было всего человек триста. Посол П. А. Абросимов и главком В. Г. Куликов пошли вниз встречать Брежнева у входа, а мне было приказано доложить ему о сборе дипломатов и военных на встречу. Поскольку я впервые в жизни докладывал Генеральному секретарю ЦК КПСС — Верховному Главнокомандующему Советского Союза, и, понимая, что лучше переборщить, чем недобрать, я рапортовал ему в присутствии всей вставшей аудитории, подробно перечисляя все его титулы, поэтому и несколько длинновато. А он стоял и повторял одно и то же: «Ох, и долго. Ну, заморил. Ну, уморил», — сопровождая это покачиванием головы. Но я не сдавался и, пока все не выполнил и не сделал шаг в сторону с поворотом (освободив, наконец, ему проход к трибуне), стоял перед ним как монумент, четко выговаривая каждую фразу.

Леонид Ильич подал мне руку, крепко пожал и, улыбаясь, сказал: «Наконец-то я вырвался из плена». Но раз посол и главком улыбались тоже, я понял, что все нормально. В той встрече Брежнев был на высоте. Без всяких шпаргалок он говорил непрерывно более двух с половиной часов, оперируя огромной массой цифр, широко представляя внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. Это был мощный руководитель Великого государства.

И вот сейчас судьба свела меня с ним так близко. Он не забыл, казалось бы, пустяковый, но, несомненно, памятный для меня лично эпизод.

Затем Леонид Ильич переключился на Прикарпатский военный округ. Перечислив некоторые особенности Западной Украины, рассмеялся и сказал:

— Но главная особенность — так это то, что я был членом Военного совета — начальником Политуправления округа.

В разговоре с Алексеем Николаевичем Катричем он очень много говорил о Гражданском Воздушном Флоте, его роли и месте в экономике страны и в обороне, о новшествах и перспективах, о негласном соперничестве с гражданской авиацией крупных капиталистических стран. Нашу беседу завершил вопросом:

— Надеюсь, у вас обоих нет возражения в отношении назначения?

Мы поблагодарили его за доверие, а он уже обратился к Савинкину.

— Ну, Николай Иванович, давай документы, — и старательно поставил свою подпись. С этого мига мы с Алексеем Николаевичем уже были в другом качестве.

Был интересный момент: Леонид Ильич, подписывая

постановление, обмолвился:

— Я только недавно заметил, что моя подпись состоит из отдельно выписанных букв. Вот так-то.

Леонид Ильич пожелал нам успехов на новом поприще, и мы расстались. Попрощались и с Николаем Ивановичем Савинкиным. Я отправился в Министерство обороны, а Катрич — по своему плану.

А. А. Гречко был еще на месте. Я попросил генерала Сидорова (помощника министра) доложить обо мне и через минуту был в кабинете. Андрей Антонович ни одного вопроса не задал по Группе войск, говорил только о Прикарпатском военном округе, его важном месте в оперативно-стратегических планах Вооруженных Сил.

А в заключение сказал:

— Не задерживайся в Группе. Чтобы через пару дней был уже во Львове. На базе округа проводится важное учение.

Пожелав мне успехов, министр сказал, чтобы я позвонил, как только прибуду в округ.

В тот же вечер я улетел в Группу войск. Тем временем Евгений Филиппович Ивановский собрал в доме приемов товарищеский ужин. Были только члены Военного совета с женами. Хорошая, домашняя, теплая обстановка. И как всегда при расставании — с грустинкой.

Через двое суток я докладывал министру обороны СССР о том, что дела и должность командующего войсками Прикарпатского военного округа принял, а генерал-полковник Обатуров — о том, что сдал их. В моей жизни и службе открылась новая страница.

Часть V
Прикарпатский военный округ

Глава I
Округ — моя душа и мое сердце

Знакомство. Определение принципов. Международное учение — это тоже крещение. А. А. Гречко задает тон работе. Первое крупное учение. Социально-бытовые условия залог всего. Гречко — Щербицкий — Машеров — Кулаков — Брежнев — Добрик. Мой визит с окружным новаторством в Генштаб. Венгерская поездка в составе делегации министра обороны. Взгляды на подбор кадров. Крупное учение «Севера» с «Югом».

Получив благословение на командование Прикарпатским военным округом, я перебирал в памяти: а что об этом округе знаю, кто им командовал, какими границами он обозначен, роль и место во всей иерархии Вооруженных Сил и т. д. Эти думы подтолкнули меня к различным разговорам, справочным материалам. Мне импонировало, что в числе лиц, которые командовали Прикарпатским военным округом (ПрикВО), были выдающиеся военачальники. О некоторых я обязан сказать.

Сразу после войны в течение более 12 лет округом руководил Герой Советского Союза и герой Сталинградской битвы Андрей Иванович Еременко. Высшее воинское звание маршала Советского Союза он получил в этом округе. Вообще во всех отношениях это личность незаурядная — в годы Великой Отечественной войны успешно командовал восемью фронтами и тремя отдельными армиями. А в округе оставил значительный след в организации послевоенного становления строительства, развитии и подготовке войск.

На этом посту Еременко сменил тоже известный полководец — Герой Советского Союза генерал армии Кузьма Никитович Галицкий. Он был одним из основоположников проведения крупных войсковых учений.

Затем «к штурвалу» округа пришел знаменитый Иван Степанович Конев — дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал многими фронтами, участвовал в таких исторических операциях, как разгром гитлеровских фашистов под Москвой, Курская битва, Корсунь-Шевченковская операция и Висло-Одерская, Берлинская, Пражская операции. Герой Чехословакии и Герой Монголии.

Его сменил дважды Герой Советского Союза генерал армии

Павел Иванович Батов. За ним шел Герой Советского Союз генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман. А последнего сменил Герой Советского Союза генерал армии Петр Николаевич Лащенко. Все они, конечно, оставили ощутимый след в истории округа. Петр Николаевич много построил на территории округа. Бесспорно, его главной заслугой является сооружение здания для штаба округа. Мне довелось встречаться с ним в Военной академии Генерального штаба, где он был во время моего выпуска председателем государственной комиссии (нас познакомил генерал-полковник И. Людников, с которым он был в близких отношениях).

Но я лично не знал и ничего не слышал о генералах Бесярине и Обатурове, которые командовали округом непосредственно передо мной.

Один руководил округом совсем немного — был, к сожалению, сломлен тяжелой болезнью. А второй перешел на педагогическую работу. Но и тот, и другой, конечно, трудились много и эффективно и остались в нашей памяти как деятельные личности, стремящиеся поддерживать округ на должной высоте.

Все это, конечно, психологически на меня воздействовало сильно. Волнение усилилось и после напоминания Леонида Ильича Брежнева о том, что он был членом Военного совета — начальником Политуправления округа. Одновременно это и приподняло мое настроение. Однако все это в то же время обязывало меня работать самоотверженно, чтобы не только не отступить с завоеванных рубежей, но приумножить прежние достижения округа.

К этому обязывало и оперативно-стратегическое положение Прикарпатского военного округа. Вместе с группами наших войск в странах Восточной Европы он входил в первый стратегический эшелон Вооруженных Сил Советского Союза и имел задачу — в случае агрессии противника участвовать в отражении удара, а в последующем, в составе главных сил, перейти в наступление и во взаимодействии с другими фронтами разгромить противника на территории Европы. Задача весьма ответственная и вполне реальная, в особенности если учесть уроки и опыт Второй мировой войны. Но для этого следовало немало потрудиться, труд же должен быть весьма и весьма эффективным.

Были ли объективные возможности для такого труда? Забегая вперед, я обязан сказать: да, безусловно, были. И достаточно подготовленные кадры имелись, и оснащение округа было хорошим, и инфраструктура его неплохо развита, да и размещался округ относительно компактно, и климат на западе Украины был благоприятным, а природа здесь просто

благодатная.

И все же хотя Прикарпатский военный округ и был весьма видным (его частенько упоминали в докладах и речах), однако не был ярким, выдающимся. Руководство Министерства обороны и военная общественность в этом смысле больше тяготели к Группе Советских войск в Германии, Московскому, Киевскому и Дальневосточному военным округам. А наш ПрикВО был где-то в середине военных округов, групп войск и флотов.

Но, имея в потенциале перечисленные факторы, ходить в середнячках совсем негоже, думал я. Надо включать форсаж. По своему предыдущему опыту знал: чтобы получить нужный разгон, необходимо сделать конкретные шаги, в которых в округе должны были быть заинтересованы абсолютно все. Разумеется, в этом должны быть заинтересованы и органы власти всех областей, на территории которых расположен ПрикВО.

Оперативные границы нашего военного округа охватывали 10 областей (перечисляю с севера на юг и с запада на восток): Волынская, Ровенская, Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Черновицкая, Тернопольская, Хмельницкая, Житомирская и Винницкая. Естественно, вопрос повышения уровня подготовки, а следовательно, и боевой готовности войск округа ни мной, ни Военным советом округа не рассматривался абстрактно в отрыве от событий в стране и тем более вокруг Советского Союза. Поэтому мною двигало не только желание, чтобы округ занял престижное (точнее, уважаемое) положение среди других военных округов. Такое чувство, скрывать не буду, сопровождало меня всю жизнь. Всегда хотелось, чтобы полк, дивизия, корпус, армия, округ стали первыми. Но главным и определяющим, конечно, было стремление повышать боевую готовность вверенных мне войск для того, чтобы достойно ответить на все происки врага. Ведь мир все время балансировал на грани вселенского пожара, «холодная война» была в разгаре.

Еще не закончилась эпопея во Вьетнаме, как началась арабо-израильская война 1967 года. Толком не разобрались с этими событиями — возник чехословацкий кризис 1968 года. Не закончилась трескотня в прессе по этому вопросу, как опять начали накаляться отношения в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, в 1972 году закапризничал президент Египта. Все эти события США используют для своего укрепления в НАТО и в Европе. И, как бы в подтверждение моих мыслей о необходимости принятия дополнительных мер по повышению боевой готовности войск округа, осенью этого же 1973 года все-таки разразился кризис на Ближнем Востоке (Египет и Сирия — с одной стороны и Израиль — с другой). Положение осложняли

наши распри с Китаем, которые были совсем ни к чему.

Хотя, конечно, в это же время были и Хельсинки, и Вена, и поездки летом 1973 года Брежнева в США, где он с президентом Ричардом Никсоном подписал целый ряд принципиальных документов, в том числе соглашение о предотвращении ядерной войны. Все это было. Но «холодная война» продолжалась, напряжение нарастало, устремления США всем были понятны без разъяснений. Ясно было и то, что единственным сдерживающим фактором, стабилизирующей силой в мире может быть только Советский Союз со своей экономической и особенно военной мощью.

С такими мыслями я прибыл к новому месту службы и приступил к своим обязанностям. После представления Управлению округа (штабу, службам и т. д.) я подробно познакомился с Военным советом — со всеми вместе и персонально с каждым, с начальниками служб и управлений округа. Лейтмотивом моих бесед было выяснение, что требуется для того, чтобы подтолкнуть весь личный состав к более решительным действиям в боевой учебе. Принципиальный вывод сводился к трем позициям: первое — осовременить материальную базу для жизни и учебы; второе — всем включиться в пропаганду жизни по уставу (для всех); третье — решительно поддерживать и поощрять всех старательных солдат и офицеров.

Поскольку уже через неделю после своего прибытия я обязан был проводить международные учения и времени на дальнейшую подготовку и изучение войск практически не было, я ограничился тем, что облетел все три армии, где встретился с Военными советами и с командирами дивизий и бригад этих армий. Коли уж вступил в командование, управление нужно взять в свои руки. Пообещав в ближайшее время появиться во всех соединениях, я предложил всем командирам подготовить свои предложения по совершенствованию нашей жизни и учебы в рамках возможного.

Учение, которое я должен был проводить (а оно было спланировано еще в начале года Генеральным штабом), действительно было международным, однако звучание было громким, а участие — скромным. В нем участвовали войска Советского Союза, Болгарии и Венгрии. Вооруженные силы двух последних стран были представлены управлением мотострелковой дивизии, в подчинении которой был один развернутый мотострелковый полк, усиленный дивизионом артиллерии. Однако это небольшое войско от министерств обороны Болгарии и Венгрии сопровождала оперативная группа — около двадцати человек, в том числе половина генералов. Старший из них — заместитель министра обороны.

Было понятно, что учение носит в первую очередь военно-политический характер. Нам было необходимо продемонстрировать единство, способность умело и уверенно действовать вместе при выполнении общей боевой задачи. Руководителем учения был определен командующий войсками Прикарпатского военного округа.

Когда я окунулся в подготовку учения, то обнаружил, что, кроме плана проведения этого учения, т. е. непосредственного участия этих дивизий и их полков в выполнении определенных задач, на Львовском учебном центре ничего нет. Не было даже плана политического обеспечения этого мероприятия, не говоря уже о материально-техническом и финансовом обеспечении. Ни Генеральный штаб, ни Главное политическое управление, ни штаб тыла Вооруженных Сил, ни Центральное финансовое управление Министерства обороны, то есть все, к кому я как молодой командующий войсками обратился за помощью, чтобы мне разъяснили, кто же обязан материально обеспечивать прибывающие войска (это уже тысячи человек и тысячи единиц боевой техники), — ничего толком мне не сказали. Даже начальник тыла генерал армии С. К. Куркоткин, и тот лишь заметил:

— Всё в рамках тех лимитов, которые отпущены округу.

— Так это же округу отпущено, а не Варшавскому Договору?!

— Больше ничего утешительного сказать не могу.

Видно было, что центр не позаботился, а на месте посчитали, что войск не так уж много, всё обойдется. Поэтому пришлось все этапы пройти от начала и до конца. В самом тяжелом положении оказались болгары. Им надо было пересечь всю Румынию по железной дороге, затем, выгрузившись у нас (а мы должны были их встретить и принять), совершить марш по нашим полевым маршрутам (а не по шоссейным дорогам, так как много танков), пройти всё Закарпатье и выйти на Львовский полигон. Этими же маршрутами на день раньше должны были пройти венгры. Следовательно, маршруты — инженерная обработка проезжей части (а это 700 километров — два маршрута по 350), эвакоспасательная служба, комендантские участки и регулирование, пункты заправки, техобслуживания и медицинского обеспечения, продовольственные пункты, связь (в том числе громкоговорящая), подвижные пункты наблюдения на вертолетах, наконец, пункты встречи местного населения с солдатами братских армий — все это на нашей совести и ответственности.

Наиболее остро стоял вопрос о размещении старшей категории офицеров (полковников и генералов), поскольку

учебный центр располагал только солдатской казармой и столовой.

Заниматься самобичеванием и говорить о том, что мы оказались в этом смысле несостоятельными, смысла не было. Говори не говори — положение не изменится! Чтобы как-то смягчить этот дискомфорт, я сам со своими помощниками выехал в учебный центр и жил там в автобусе. В каждую опергруппу болгарской и венгерской армий выдал по 10 штук таких же командирских автобусов, создал полевой блок бытового обслуживания, приспособил казарму и столовую для жизни офицеров.

Что касается войск, то для них были подготовлены по всем правилам два хороших лагерных городка со всеми элементами для жизни и быта в поле.

Перед учением мы провели совместный митинг. От каждой армии выступили солдат и офицер. Двое суток отвели для подготовки личного состава, техники и вооружения. А сами учения продолжались пять суток. Прошли они ровно. Сложных ситуаций не возникло. Никаких происшествий не произошло. На заключительном этапе опять прошел митинг, но уже с участием представителей общественных организаций Львова и Львовской области. Всем все понравилось. Все остались довольны. Каждый воин получил на память простенький сувенир.

Теперь задача состояла в том, чтобы войска Болгарии и Венгрии были отправлены теми же маршрутами и тем же методом обратно. Это тоже была целая эпопея. Однако все обошлось. К счастью, нам благоприятствовала погода. Пожалуй, это единственное, во что нам не надо было вмешиваться.

Как только отбыл последний болгарский эшелон, я доложил шифровкой в Генеральный штаб, что учения прошли, цели достигнуты, происшествий не произошло, а более подробный отчет будет представлен почтой.

Буквально на следующий день утром звонит аппарат «ВЧ». Поднимаю трубку. Голос дежурного телефониста: «Генерал Варенников? Сейчас будете говорить с министром обороны».

Как всегда в таких случаях, молниеносно перебираю вопросы, которые могут возникнуть.

— Здравствуйте, — тихо проговорил маршал Гречко. Мы уже знали, что чем тише он говорит, тем тяжелее жди от него удара.

— Здравия желаю, товарищ министр обороны, — поздоровался я и до предела напрягся, чтобы «не потерять» ни одного слова.

— Мне тут доложили, что у вас в округе какое-то учение проходило… И вроде болгары и венгры участвовали.

Я кратко доложил.

— О таких делах надо докладывать министру обороны. Понятно?

— Понятно, товарищ министр обороны.

В трубке пошли гудки отбоя. «Неважные у тебя, Валентин Иванович, дела. Надо прибавить оборотов», — подумал я. Но в то же время не считал, что само учение прошло слабо. Все было нормально. Вот с докладом действительно прокол.

Позвонил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Е. Малашенко, чтобы зашел. А тут опять звонит аппарат «ВЧ». Снимаю трубку, представляюсь. Мне в ответ:

— Здравствуйте, товарищ Варенников. Это Якубовский.

— Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза.

— Вот вас только что назначили на округ, а вы вроде уже и зазнались — совместное учение с болгарами и венграми провели?

— Провели!

— Так хоть бы словом обмолвились: так, мол, и так — по плану Генштаба и Главкомата объединенных Вооруженных Сил и так далее. Ничего подобного — ни мне, ни Сергею Матвеевичу Штеменко. Он же начальник штаба армий стран Варшавского Договора.

— Товарищ маршал, я, конечно, виноват — ограничился только телеграммой на наш Генштаб. Позвольте я доложу.

— Да чего уж теперь докладывать. Мне министр обороны маршал Гречко всё «разъяснил». Да и телеграммы я получил из Будапешта и Софии. Так что теперь все ясно. А вот на будущее попрошу не забывать. До свидания.

— До свидания, товарищ маршал.

Малашенко весь наш разговор слышал и понял, что к чему.

— Товарищ командующий, им всем надо обязательно все докладывать и устно, и письменно, — посоветовал он мне. — Буквально всё — от дивизионного учения и выше. Они любят это. Чувствуют войска. Сейчас вот подготовим письменный доклад-отчет и пошлем не только министру, но и всем заместителям, главкомам.

Генерал-лейтенант Е. Малашенко — опытный начальник штаба. Пережил уже нескольких командующих. Весьма активный и энергичный офицер. Конечно, давно заслуживал выдвижения. Но почему-то продолжает сидеть на своем месте. Однако это совершенно не сказывалось на его настроении и деятельности — он продолжал умело выполнять свои функции и хорошо помогал мне врасти в обстановку.

Вдвоем с ним мы уточнили план последующих наших действий. Пригласили членов Военного совета, еще раз

оговорили все вопросы, и я отправился в войска из расчета — на армию одна неделя, на отдельную дивизию — один день. Мое изучение, а не общее знакомство в итоге имело цель — определить: что и в какие сроки мы должны сделать, чтобы учебная база была отличной, а военные городки сделать современными и уютными. А также определить, что должны сделать для офицеров и их семей, чтобы они жили хорошо и, следовательно, офицеры могли бы полностью отдаваться службе. При этом, конечно, на первое место ставились вопросы строительства жилых домов, гостиниц, Домов офицеров и комбинатов бытового обслуживания, в том числе столовых. Создание максимально благоприятных материально-бытовых условий для всего личного состава и офицерских семей, опора на офицеров округа, частое общение с солдатами, сержантами и офицерами (прапорщиками) и оперативное разрешение возникших проблем — всегда должны быть в центре внимания Военных советов округа и армий. А уже на этой базе можно строить боевую учебу и повышать боевую готовность частей и соединений.

Знакомство с руководством всех десяти областей и руководством Украины у меня прошло удачно. По существовавшему в то время положению, в состав Военного совета военного округа входил первый секретарь того обкома КПСС, где располагалось Управление военного округа. У нас в ПрикВО в состав Военного совета округа входил первый секретарь Львовского обкома Василий Степанович Куцевол, а в Киевском военном округе — первый секретарь Политбюро ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий.

В Киеве знакомство мое прошло сразу после Пленума ЦК КПУ, куда я был приглашен вместе с членом Военного совета округа. Первый секретарь Львовского обкома Куцевол в перерыве между заседаниями представил меня В. В. Щербицкому, и мы договорились, что я задержусь на сутки, и тогда уже в спокойной обстановке можно будет побеседовать. На этой встрече я рассказал им о своей службе и о планах — с учетом того, что уже я увидел. А Владимир Васильевич в присутствии председателя Совмина Украины Александра Ивановича Ляшко рассказал о состоянии экономики и культуры республики и перспективах развития ее. Обратил мое внимание на ту заботу, которую руководство Украины проявляет в отношении трех военных округов (Киевского, Прикарпатского и Одесского), Черноморского флота и пограничного округа. В заключение Владимир Васильевич сказал:

— Мы готовы поддержать, в том числе и материально, все

прогрессивные инициативы Прикарпатского военного округа. Можете рассчитывать на нашу помощь.

Я искренне поблагодарил его. Был, разумеется, очень рад такому заявлению на столь высоком уровне. Сказал, что при необходимости воспользуюсь этой любезностью, но злоупотреблять не буду. Однако я не сдержал своего слова. Я не только злоупотреблял благосклонностью правительства Украины и руководства всех десяти областей, где располагались части ПрикВО, но и забирался со своими просьбами в другие области Украины, которые находились за оперативными границами нашего округа. Наш военный округ для областей, где располагались воинские части, оставил многое. Взять хотя бы Львов. В начале улицы Стрийской воздвигли памятник воинам Великой Отечественной войны. Здесь же рядом построили прекрасный музей на эту же тему с аллеей Славы. На этой же улице был фактически заново создан классический военный городок и переустроено военное политическое училище. А в конце Стрийской и налево вырос новый микрорайон с широченной улицей-проспектом, на котором были устроены фонтаны и скверы. Формально улица носила и носит свое название, а благодарные львовяне называли ее именем автора этой книги.

Во Львове и подо Львовом было построено много и других уникальных сооружений. Например, рядом со штабом округа появилась 12-этажная гостиница «Россия» с прекрасным рестораном-столовой. При входе сооружен огромный цветомузыкальный фонтан. А напротив — огромный спортивный комплекс с прекрасным футбольным полем, беговыми дорожками по периметру и спортивными площадками для прыжков и метания (т. е. всё для легкой атлетики). А еще здесь были: крытые бассейн и конкур, огромное здание для размещения спортсменов при проведении всесоюзных или международных соревнований — гостиница с буфетами, барами и саунами. И, конечно, наша гордость — спортивное стрельбище, которое включало оборудованное ультрасовременное поле и громадное классическое здание в несколько этажей. На этом стрельбище с выполнением всех международных норм проводились соревнования — от стрельбы из пневматического оружия до спортивной — охотничьей стрельбы по тарелочкам и даже из боевой винтовки (карабина) на дистанцию в 300 метров. Вы можете себе представить стрельбище в центре современного города, где можно стрелять на 300 метров из боевого оружия? У нас в СССР такого больше нигде не было.

С этим объектом связан один интересный эпизод.

Центральный вход в мощное высокое и длинное здание стрельбища был выполнен из толстого зеркального стекла в три цвета (около 9–10 метров высоты) с мраморным черным полом и колоннами. Далее шел огромный и тоже мраморный вестибюль, а от него расходились просторные, с очень высокими и светлыми потолками триумфальные лестницы во внутренние помещения. В центре был устроен тихий фонтан, вдоль стен стояли оригинальные напольные вазы с цветами, кое-где кресла и журнальные столики. В тот день должны были проходить международные соревнования. Уже съезжались их участники. Для ознакомления вошла в вестибюль английская команда. Вошла и замерла, рассматривая всё вокруг. Затем старший подошел к нашему сотруднику (а он отлично владел иностранными языками — немецким и английским) и шепотом спрашивает:

— А где здесь стрельбище?

— Вы находитесь на стрельбище, — спокойно и ровно отвечает наш сотрудник, — я сейчас приглашу инструктора, и он вам всё покажет, в том числе и место для размещения вашей команды.

И подобные эпизоды у нас бывали нередко.

Я мог бы долго перечислять все существенное, что было создано в округе в те годы. Но главным и принципиальным для меня были уникальные военные городки с жилым офицерским фондом. Почти во всех 16 дивизиях и 5 бригадах произошли капитальные изменения. Лишь Волынский и еще два-три гарнизона были затронуты частично. Даже в Стороженце Черновицкой области был фактически заново построен рядом с танковой директриссой и стрельбищем военный городок.

Что же касается Львова и его подступов, то, кроме сказанного, нелишне отметить еще кое-что. По дороге из Киева во Львов при въезде в последний на возвышенности рядом с магистралью была установлена огромная динамичная скульптурная группа — «летящие» галопом конники. Памятник поставлен в честь Конной армии Буденного, когда она громила белополяков. Она и сейчас обращена в сторону Запада. Это — детище области, но с участием нашего округа.

А на окраине города Нестерова — в 10 километрах севернее Львова — был построен мемориал в честь русского летчика капитана Петра Николаевича Нестерова — пионера высшего пилотажа российской авиации. Кроме самого памятника в виде «мертвой петли» с летящим самолетом, широкой и длинной парадной взлетной полосы с цветами, подходящей к этому памятнику, прямо у дороги построили небольшой музей, где было собрано всё возможное, что напоминало о Нестерове. На

открытие мемориала собралось несколько десятков тысяч жителей городов Львова и Нестерова. Мы пригласили дочь Нестерова (уже старушку). Она приехала со своим внуком, т. е. правнуком Петра Николаевича. Состоялись митинг, торжественное прохождение войск и небольшой воздушный парад. В заключение было устроено массовое народное гулянье.

Памятник был установлен именно там, где трагически закончился последний полет П. Н. Нестерова.

Вскоре после увековечивания нашего славного соотечественника родилась волнующая традиция: каждый, кто проезжал мимо мемориала, непременно останавливался и в течение нескольких минут отдавал Нестерову дань памяти и уважения. Так естественно и ненавязчиво у людей развивалось и укреплялось чувство патриотизма и гордости за наших славных соотечественников.

Но все это — памятники, военные городки, жилые массивы, учебные центры и т. д. — появлялись через год, два, три и т. д. А в 1973 году после международного учения, где я получил свое первое крещение на новом посту, нас ожидало осенью уже новое испытание.

Дело в том, что по плану боевой и оперативной подготовки под руководством командующего войсками округа должны быть проведены: в сентябре — учения с боевой стрельбой с 26-й артиллерийской дивизией округа (командир дивизии — генерал-майор Владимир Михайлович Михалкин, ныне маршал артиллерии, — командовал Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск Вооруженных Сил), а в октябре — войсковое тактическое учение с знаменитой 24-й «Железной» мотострелковой дивизией (командир — полковник Константин Алексеевич Кочетов, ныне генерал армии, последняя его должность — первый заместитель министра обороны СССР, а до этого он успешно командовал Южной Группой войск, Закавказским и Московским военными округами. Дивизия еще с времен гражданской войны называлась «Железной».

Учитывая сложившуюся обстановку, я принимаю решение провести учения одновременно с двумя дивизиями и, естественно, с боевой стрельбой. По моему замыслу, в плане учения предусматривалось, что 24-я дивизия, действуя на направлении главного удара армии, получает для усиления артиллерийскую дивизию (хотя реально на войне такого и не бывало) для гарантированного прорыва обороны противника.

Посоветовавшись с заместителями командующего войсками, со штабом и начальником Ракетных войск и артиллерии округа, я понял, что в их лице не только нашел поддержку — они высоко

оценили мой замысел, что мне было весьма дорого. Окрыленный этой идеей и помня замечание министра обороны о том, что я обязан докладывать ему лично о всех крупных учениях, я решил позвонить маршалу А. А. Гречко.

С министром обороны меня соединили сразу. Вначале я доложил общую обстановку по округу, затем — о предстоящем учении с мотострелковой и артиллерийской дивизиями, а также как я мыслил это проводить. А в конце добавил:

— Предполагаем, что учения должны быть интересными. Приглашаем вас, товарищ министр обороны.

— В принципе я согласен и на учение приеду. Тем более что в Прикарпатском округе уже давно не был. Но рамки учения немного расширим. Я сейчас дам задание Генштабу и через полтора-два часа перезвоню.

Все это, конечно, меня озадачило. Само появление министра обороны уже таило в себе множество проблем и неожиданностей. Конечно, я обязан был пригласить его, было бы просто неприлично, если бы я этого не сделал. Однако член Военного совета — начальник Политуправления округа генерал-лейтенант Фомичев ворчал:

— Надо было воздержаться от приглашения. Во-первых, мы с этими дивизиями не проведем учения так, как требуется. А во-вторых, с ним понаедет полно начальников и, конечно, каждому надо уделить внимание, вместо того чтобы заниматься войсками.

— Вопрос уже решен. Конечно, всем нам лично надо будет прибавить обороты. Но вы-то особенно не переживайте — Алексей Алексеевич Епишев своим социал-либеральным характером Политуправлению округа не создаст никаких проблем, так что будьте спокойны.

— Но он не даст мне заниматься войсками!

— Верно. Поручите всё заместителю — генералу Шевкуну, пусть набирается опыта. А вы «лелейте» своего начальника.

Меня, конечно, предстоящая суета вокруг начальства особо не трогала. А вот фраза министра обороны: «Рамки учения расширим» — в себе таила многое. И мы уже с новым начальником штаба округа генералом В. Аболенсом (Е. Малашенко уехал на выдвижение в центральный аппарат) стали делать различные прикидки. Но оказалось, что это был напрасный труд — Андрей Антонович, верный себе, выдал нам такую вводную, что у всех глаза полезли на лоб. Правда, лично я, имея уже опыт по Группе войск, особо не удивился.

Как и обещал, Гречко позвонил через пару часов.

— В целом план проведения учений утверждаю, — сказал он. — Но это будет не одностороннее, а двустороннее учение, и

не дивизионное, а армейское, и не только на Львовском, но и на Ровенском и Игнатпольском полигонах. Действуют «Восточная» и «Западная» сторона. На «Восточной» стороне — 8-я Гвардейская танковая армия, что стоит в Житомире и вокруг. Она должна быть в таком составе: 23-я танковая дивизия — полностью, остальные дивизии и бригады армии — только своими управлениями и обозначенными войсками по вашему решению. Исходное положение — восточный район Игнатпольского полигона. Передний край противника проходит с севера на юг посередине полигона. Задача армии — прорвать промежуточный рубеж обороны и, развив наступление на запад, овладеть Ровно, а далее ударом на юго-запад развить наступление на Львов.

«Западная» сторона должна быть представлена 13-й армией в составе 24-й «Железной» мотострелковой дивизии по полному штату, а остальные дивизии и бригады армии — как и в 8-й Гвардейской танковой армии, т. е. только управлениями и обозначенными войсками. Противник перед 13-й армией занимает подготовленную оборону, и ей предстоит ее прорывать. Вот вы можете и отработать это на Львовском полигоне, как спланировали, — с боевой стрельбой. Здесь, на полигоне, сосредоточьте всех участников учений этой стороны. Передний край противника пройдет тоже где-то посередине полигона с севера на юг. Задача армии — прорвать оборону, захватить район Ровно и далее развивать наступление на Житомир.

На Ровенском полигоне в первой половине дня в понедельник необходимо разыграть встречное сражение. Грубый расчет такой: в пятницу — прорыв, суббота и воскресенье — преследование отходящего противника (в эти дни движение транспорта менее активное), к исходу воскресенья разведка сторон нащупает друг друга и произойдет столкновение охранений. И основные действия в понедельник. Руководитель учения — командующий войсками округа. Я прилетаю в воскресенье. Все неясные вопросы в Генеральный штаб. Шифровку получите. До свидания!

Мы все, кто был в это время у меня в кабинете, — первый заместитель командующего войсками, начальник штаба округа и член Военного совета — немного помолчали (в трубке аппарата «ВЧ» звуки были четкие и ясные, поэтому присутствовавшие слушали указания министра — я трубку держал, не прижимая ее к уху). Каждый, видимо, постигал суть сказанного. Я делал записи разговора с маршалом Гречко, а потом попросил начальника штаба вызвать начальника оперативного управления и остальных членов Военного совета.

Министр обороны никогда не давал таких подробных разъяснений. Обычно они сводились к трем-пяти лаконичным, но

емким фразам. Столь необычную разговорчивость министра я объяснил двумя причинами: во-первых, тем, что в округе молодой командующий, и, во-вторых, тем, что к этому учению было проявлено несколько повышенное внимание.

Когда собрались все приглашенные, я еще раз зачитал указания министра обороны, раскрыв различные положения подробнее своими комментариями. Здесь же дал задания по созданию плана подготовки и обеспечения предстоящих учений, определил участки и участковых посредников, отдал все предварительные распоряжения, в том числе командующим армиями — участникам учения.

Когда совещание закончилось, все разошлись, а я собирался идти в оперативное управление разрабатывать оперативно-тактическую часть плана учения, вдруг опять звонок аппарата «ВЧ». Снимаю трубку и слышу вопрос:

— А где я буду в Ровно ночевать?

Сразу не понял, кто спрашивает. Но когда невидимый собеседник добавил, что приедет с ним еще человек девять-десять, то я сообразил, что это министр обороны.

— Я хотел вам предложить обкомовскую гостиницу. Это в 20 минутах езды до полигона, — нашелся я.

— Во-первых, чужое предлагать некорректно; во-вторых, я еду не в Ровенский обком, а в Прикарпатский военный округ; в-третьих, я же еду не на блины, а на учения — почему я должен нежиться на обкомовских подушках? Я и все, кто со мной прилетит, будем жить в поле — на полигоне в палатках. Ясно?

— Так точно, товарищ министр обороны, — размещение на полигоне в палатках.

Министр положил трубку, а я задумался: погода на улице была скверная, да и прогноз не предвещал ничего утешительного — конец осени. В этом году похолодание началось рано, но главное — шли частые дожди со снегом. Конечно, эта «вводная» Андрея Антоновича поставила перед нами еще одну проблему. Ведь надо было разместить не просто министра, а министра обороны — члена Политбюро ЦК КПСС и его соратников. Даже если бы он не был членом Политбюро, то и в этом случае его нельзя рассматривать как просто министра. Это министр министров. Под его началом пять видов Вооруженных Сил и огромный тыл плюс Главные управления типа бронетанкового, автотракторного, ракетно-артиллерийского, инженерного, противохимической защиты, космического, ядерных боеприпасов — все это своеобразные министерства. И он собирается жить в палатке?!

Вообще надо сказать, что А. А. Гречко был большим

оригиналом. Забегая вперед, расскажу об одном эпизоде, который произошел с ним в Финляндии. Об этом мне поведал начальник Главного штаба Финской армии (в Финляндии вместо Генштаба — Главный штаб), когда я был там с ответным официальным визитом уже в 1981 году во главе нашей военной делегации. Произошло это так. В начале 70-х годов Андрей Антонович был, тоже с дружеским официальным визитом, у финнов. В Хельсинки его вместе с сопровождающей группой разместили в центральной гостинице неподалеку от президентского дворца. Утром в воскресенье обнаружилось, что министра обороны СССР в гостинице нет. Поднялся переполох — это же настоящий скандал — министр обороны пропал в дружественной стране. Все службы были подняты на ноги, но министра не обнаружили! И лишь через три часа его заметили на экзотическом рынке, что на площади между дворцом президента и Финским заливом. Сюда еще до восхода солнца приходят яхты и другие небольшие суденышки из разных стран, а также съезжаются торговцы на автомобилях, и тоже не только из Финляндии. Разбиваются яркие шатры, расставляется оригинальная складная мебель для развешивания и раскладки по полочкам разного товара. Там можно увидеть всё — от собольих и норковых шуб, драгоценных современных украшений и антикварных изделий до ружей, сабель, топоров и якорных цепей; от попугаев и обезьян Южной Америки до упитаннных бычков, гусей и уток из Австралии; от свежего мяса всех видов, колбас, масла, сыров, свежепосоленной и живой семги до французских вин, армянского коньяка, ангольской папайи и кокосовых орехов; от снеговых и водных лыж до классич еских «мерседесов», «линкольнов» и даже летающих крыльев. Рынок — чудо, рынок — музей, причем с образцовым порядком. Когда он к вечеру разъезжается — остается чистая, без единой соринки, торжественная плошадь.

Так вот, видно, Андрей Антонович прослышал про это чудо и решил сам, тайком от охраны, в спортивном костюме в 7 часов утра (а подъем назначил на 8) выскользнуть из гостиницы. А дорожка — две минуты спокойной ходьбы. И ему удалось незаметно смешаться со всеми на рынке. Лишь специальная полиция, имея на руках фотографию Гречко, без труда, но уже в десятом часу обнаружила его на этом рынке. Министр как жираф неторопливо вышагивал между рядами, на голову возвышаясь над всеми, поэтому его видно было издалека, и он сразу бросался в глаза. Просто никому и в голову не могло прийти, что он окажется именно здесь. Через несколько минут после обнаружения адъютант и служба безопасности уже были возле него и уговорили идти в гостиницу. А он, довольный тем, что

обвёл всех, и довольный «экскурсией» без сопровождающих лиц, опять вступил в границы протокола визита.

Так что его желанию жить во время учений в палатке удивляться не приходилось. Меня беспокоило другое — на полигоне надо было не только создать нормальные человеческие условия и, в первую очередь, чтобы было тепло, но главное, чтобы служба охраны могла выполнить свои функции. Все-таки Западная Украина, лес, вдали от населенных пунктов. Это не Арбат и тем более не Кремль.

Но вот начались учения. Мы отработали все, что требовалось на Львовском и Игнатпольском полигонах, и войска с обоих «полюсов» устремились на Ровно, решая по пути отдельные тактические задачи, которые предусмотрены планом и которые в установленное время «подкидывают» посредники (до реальной встречи) сторон.

Точно в назначенный час я встретил министра обороны на аэродроме. На встречу прибыли и руководители Ровенской области. Несмотря на плохую погоду, настроение у всех было приподнятое. Надо заметить, что маршал Гречко у партийных и советских органов страны пользовался не просто авторитетом, а глубоким уважением, так же, как и маршал Жуков. Вместе с министром прилетели, как всегда, начальник Главпура А. А. Епишев, Главнокомандующий ВВС П. С. Кутахов и несколько других офицеров, в основном операторов. Кстати, за сутки до начала учений к нам в 8-ю Гвардейскую танковую и в 13-ю армии, а также в их дивизии прибыли офицеры Генштаба и Главного управления боевой подготовки, которые все вопросы, начиная с подъема войск и штабов по тревоге, взяли на контроль. Разумеется, к ним я приставил своих офицеров с той целью, чтобы взгляды и тем более оценки тех или иных действий были одинаковы.

Но самое интересное, что с министром прилетел и первый заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-полковник Иван Георгиевич Николаев, что бывало крайне редко.

Так состоялось первое наше с ним знакомство. Отличительной чертой Ивана Георгиевича были не только его уникальная память и способность в короткие сроки подготовить любой документ высокой сложности, но самое главное то, что он «нюхом чуял» развитие любых событий. Это то самое предвидение, которым должен обладать любой офицер, а работник Генштаба — тем более. Пока министр беседовал с руководством области, мы с ним перебросились несколькими фразами, вследствие чего договорились поехать в штаб

руководства учением, а там неподалеку и «резиденция» министра в палатке.

— Ну, так что? — обратился министр обороны ко мне. — День уже заканчивается, а мы все гуляем.

— Предлагаю проехать в штаб руководства.

Министр обороны поблагодарил местное руководство за приглашение остановиться в Ровно и сказал при этом, косясь в мою сторону: «У нас здесь есть турбаза». Затем пригласил их всех, а также сказал, что пригласит из Луцка (Волынская область) и из Житомира «на сражение, которое, очевидно, завтра начнется часов в 8–9 утра».

Начальник штаба руководства генерал Аболенс нас уже ожидал. В очень большой палатке, составленной из брезента с ярко-белым подбоем изнутри, были развешаны карты, популярно составленные схемы и диорамы. Я в течение часа доложил план проведения учения. Министр задал мне и начальнику штаба много уточняющих вопросов. Затем он захотел переговорить с командармами, а также с командирами развернутых, действующих на учении дивизий (общение шло по радио, войска были в движении). Не все шло гладко, но разговор в целом получился.

Все, кроме Николаева, отправились в «резиденцию», а Иван Георгиевич получил у министра разрешение остаться с двумя своими офицерами для уточнения некоторых вопросов. Палатки стояли в спелом, но мрачном из-за промозглой погоды лесу. От палатки к палатке были брошены деревянные мостки, так как вокруг набралось много воды. Уже стемнело, и входы везде были освещены.

— Всем устроиться и через 10 минут — на ужин. Где столовая? — спросил министр.

— В центре, товарищ министр обороны.

В столовой — большой палатке — собрались за общим столом. Было уютно, тепло, светло, а на столе аппетитная еда. Перед трапезой Андрей Антонович сказал, что успел «пробежать» газеты и даже проверить работу телевизора. В центре внимания прессы — подготовка к Всемирному конгрессу миролюбивых сил, который должен состояться в конце октября в Москве. Приступив к еде, продолжали обсуждать предстоящие учения.

— Павел Степанович, — начал министр, — а ведь с погодой — это твоя «работа»!

— Товарищ министр обороны, позвольте вылететь в Москву — я наведу порядок, — немедленно отреагировал маршал авиации Кутахов.

— Нет, Андрей Антонович, — вмешался Епишев. — Вы уж его

не отпускайте до конца. Натворил — пусть сам и терпит.

— Верно, — поддержал Гречко, — пусть вместе с нами терпит. Надо только у него в палатке снять все обогреватели.

— Я согласен, товарищ министр. Но вместо них пусть дадут печку с дровами.

— Может, еще истопницу к печке? — добавил Алексей Алексеевич.

— А что? Мысль у Главпура всегда была революционной, — в тон ему сказал Павел Степанович.

— Вот видите, видите! Эти асы только в песнях распевают: «Первым делом самолеты…», а на самом деле постоянно думают о таране.

Пошутили, посмеялись и опять перешли к разговору об учениях. Гречко уточнил, где будут командные пункты командармов к 5 утра завтра и сколько езды от «резиденции» до КП одного и другого. Я сказал, что полчаса. Подъехал генерал Николаев, доложил, что все вопросы решил, и по приглашению Андрея Антоновича сел к столу ужинать.

В итоге договорились, что выезжаем в 5 утра: в 13-ю армию — министр обороны и другие, а в 8-ю танковую — генерал Николаев с группой операторов. Пошли по палаткам. Алексей Алексеевич безадресно ворчал: «Не дадут поспать…» А министр обороны, прощаясь, сказал:

— Примите все меры, чтобы, во-первых, солдаты могли обсушиться, обогреться. Усильте им питание. Во-вторых, на маршрутах, где прошли войска, чтобы не осталась техника. Надо все убрать.

Конечно, мы бы и без этих указаний могли и намеревались всё это сделать. А в этих условиях — тем более.

В штабе руководства всё бурлило, как в Смольном. Я переговорил с командармами и командирами дивизий. Передал указания министра и растолковал, как все это надо сделать. Предупредил, что скоро буду у них. Приказал участковому посреднику района Ровенского полигона, в границы которого уже вступили передовые подразделения действующих войск, тоже подключиться. Я поехал лично убедиться, как все выглядит в действительности. Даже Г. К. Жуков на войне лазил часами на животе по передовой (о чем он сам пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»), а нам тем более надо это практиковать. Командир любого масштаба всегда обязан находить время, чтобы не в кабинете делать выводы, а лично прикоснувшись непосредственно к жизни: без сопровождающих, самолично, повидать солдат и офицеров, побеседовать с ними открыто, по-человечески, душевно. При этом надо не туда идти, куда тебе

предлагают или ведут, а туда, куда подсказывает твое сердце, опыт и интуиция.

Намотавшись за ночь по войскам, я, конечно, имел полное и ясное представление о состоянии дел: от планирования и дачи распоряжений и приказов до выхода подразделений и частей на определенные рубежи и знания их командирами главного — где, в каком составе и что намерен делать «противник». Конечно, положение руководителя учения, как и его штаба, в условиях присутствия министра обороны двойственное: с одной стороны, надо дать свободу действий (тем более во встречном сражении) обеим сторонам; но с другой — хотелось, чтобы войска, штабы и командиры проявили себя положительно и предстали перед министром обороны достойно. Все-таки министр не так часто бывает в войсках. Их много, а он один. Да и забот у него хватает помимо такого типа учений. Это нам просто повезло, что он выкроил время и приехал посмотреть, на что способны прикарпатцы.

Прикорнув часа на полтора, чтобы голова работала на должных оборотах, побрился, привел себя в порядок и без пяти минут пять я уже был перед министром. А он уже в первой своей палатке (у него были две спаренные палатки) сидит с Епишевым и Кутаховым и пьет чай с сухариками. Идиллия. Пять утра! Все улыбаются. Ну, думаю, это уже в нашу пользу.

— Валентин Иванович, — начал Епишев, — ведь каждый офицер должен быть прозорливым и видеть в указаниях старшего начальника и шутку, и серьез. Ведь Андрей Антонович пошутил насчет пяти часов утра. А вы, пожалуйста, — закрутили.

— Да еще и погода такая…

— Это верно, погода плохая. Но мы здесь устроились не хуже, чем в московской квартире. И все-таки надо ехать, — сказал министр.

Через 30 минут, как и рассчитывали, мы были на командном пункте командующего 13-й армии. Генерал-лейтенант Алексей Николаевич Зайцев толково доложил обстановку и свое решение на встречное сражение.

— Так чего вы стоите? Чего ждете? Хотите, чтобы противник внезапным ударом раздавил? — напирал Гречко на командарма.

Но тот не сдавался:

— Нет, не хочу, чтобы нас раздавили, но и действовать опрометчиво не стану — попаду в пасть противнику.

— В какую пасть? — не унимался министр. — Вы же сами сказали, что обложили противника своей разведкой.

— Верно. Но мне основными силами его сейчас не достать. Надо хотя бы выманить в подлесок.

— Пока вы будете стоять, он вас авиацией накроет несколько раз, — включился маршал авиации Кутахов.

— Какая авиация? Нижний край облачности 100–150 метров. Летчики в домино забивают и пьют… крепкий сладкий чай, чтобы поддерживать тонус и боеготовность.

— Но вы же не будете вечно стоять друг против друга? — спросил министр.

— Как только станет светать — начну активные действия, — сказал генерал и далее подробно доложил о своем замысле.

Министр обороны связался по телефону с командующим танковой армии и приблизительно задал ему те же вопросы — его ответы были аналогичны.

А в разговоре, тоже по телефону, с генерал-полковником Николаевым, который к этому времени уже был на КПП танкистов, Андрей Антонович выяснил, что они намерены ждать рассвета, а пока ведут интенсивную разведку.

Проехав некоторые подразделения и повидавшись с солдатами и офицерами, к 8 часам утра министр обороны был на главной вышке Ровенского учебного центра, которая стояла в центре полигона и с которой на 360 градусов открывалась перспектива в несколько километров. Центральная стержневая часть вышки была закрыта и застеклена, так что все хорошо просматривалось и было тепло. Здесь можно было укрыться от непогоды. А «крылья» вышки на верхнем этаже были открыты и представляли собой хорошие смотровые площадки, где, кстати, было множество различных оптических приборов для наблюдения.

Когда мы приехали сюда, приглашенные гости были уже у вышки и приветствовали Гречко. Он пригласил всех наверх. На большом столе посредине комнаты была развернута карта, и Андрей Антонович свободно, будто сам был автором этой карты, рассказал об обстановке и о том, чего мы ожидаем. Выпив по чашке чая, мы вышли на смотровую площадку.

Внизу ветер чувствовался, но наверху он был еще более мощный и порывистый. Время от времени обрушивался дождь со снегом, так что надо было внимательно следить, чтобы кого-нибудь не унесло. Началась стрельба дальнобойной артиллерии. Затем подключились другие огневые средства. От опушки леса «Западных» (13-я армия) отделилась боевая линия танкового батальона и, ведя огонь на ходу, двинулась в атаку. Вслед за ней во второй линии на боевых машинах пехоты, прикрываясь танками, в атаку устремились мотострелки. Как мы поняли из доклада, «Западные» решили провести разведку боем, вызвать огонь на себя и тем самым вскрыть систему огня «Восточных» и

одновременно захватить выходной рубеж, сбив с него охранение противника.

Танки «Восточных», занявшие огневые позиции по опушке своего леса, открыли интенсивную стрельбу, расстреливая с места атакующие танки и пехоту «Западных». Но последним все-таки удалось захватить желанный рубеж. Используя складки местности, старые окопы, кусты и т. д., они стали закрепляться, создавая для главных сил нужную опору.

«Восточные» понимали, что этого допустить нельзя. Развернув на фланге свой авангардный танковый полк, они решили сбить противника и выйти на его главные силы. Но «Западные», с учетом доклада разведки о перемещении в стане «Восточных», предвидели это. Поэтому тоже держали в предбоевом порядке свой танковый полк, понимая, что от первых столкновений будет зависеть, кто захватит инициативу в свои руки.

Как только танкисты «Восточных» развернулись и ринулись на батальон танков и роту пехоты, которые закреплялись на захваченном рубеже, стремясь «смести» эту их еще слабую оборону и выйти на главные силы «Западных», последние ударами своего танкового полка обрушились на фланг атакующих танкистов «Восточных».

Понимая, что авангардный танковый полк попадает в тяжелую ситуацию, «Восточные» отказываются от разгрома авангарда на захваченном рубеже и, развернувшись в сторону атакующего танкового полка «Западных» всем фронтом, решают отразить эту атаку.

Обстановка накалилась. Она накалилась и в поле, и в действующих штабах, и у нас на вышке. Здесь представители Ровенской области, естественно, расхваливали действия 13-й армии, т. е. «Западных», а представители Житомирской — делали то же самое в отношении 8-й танковой армии, т. е «Восточных». Андрей Антонович Гречко посмеивался, периодически «подливая масла в огонь».

Начался ввод главных сил дивизий. Обе стороны решили нанести удар из-за своего правого фланга уже втянувшихся в бой частей. Получалось, что каждый хотел выйти во фланг и тыл друг другу. Огромная десятитысячная масса войск с одной стороны и такая же — с другой развернулись и, ведя огонь («холостыми») из всех видов оружия, двигались вперед. И хотя у нас почти никакой имитации не было, все грохотало. Обстановку жесткого сражения дополняли пронизывающий холодный ветер и неутихающий дождь со снегом. Лица у всех были пунцовые, носы — синие и мокрые, а глаза — выпученные.

Один гражданский взмолился:

— Андрей Антонович, покурить бы…

— Сейчас, сейчас, друзья. Начинается самое главное.

И он начал пояснять, что происходит. Дивизии в целом развернулись нормально, и удар их мог быть эффективным. Но до столкновения главных сил и тем более пронизывающего друг друга удара мы не довели, чтобы не было перемешивания войск. Однако было другое — Гречко решил проверить войска на управляемость и приказал: вне оперативной обстановки отвести все части в исходное положение и доложить готовность к действиям, но на это дал не более 1,5 часа.

Столь жестким ограничением срока готовности проверялась управляемость. Но у нас по предмету управляемости были проведены многочисленные тренировки. Поэтому я особо не переживал, хотя дал твердые команды всем, от кого хоть в небольшой мере зависело решение этой задачи.

Наконец после трехчасового непрерывного пребывания на смотровой площадке Андрей Антонович любезно пригласил всех в застекленную теплую комнату, где по периметру большого стола стояли чашки с горячим дымящимся ароматным чаем и различные бутерброды. Гречко пожелал всем приятного аппетита и, сбросив мокрую плащ-накидку, сняв фуражку и расстегнувшись, удобно сел к столу.

Все последовали его примеру. И, с удовольствием взявшись за чай, проклинали погоду. Кто-то сказал: «До чего сложно в такую погоду… Может, лучше было бы подождать, когда пройдет ненастье?»

— А как же на войне? Там ждать нельзя. Поэтому и в мирное время войска приучаются к действиям, максимально приближенным к боевым. А вся жизнь военного — это жизнь на семи ветрах.

Наступила тишина. Я подумал, что Гречко выдерживал всех на открытой смотровой площадке, чтобы каждый прочувствовал, что испытывает в этот момент солдат, лейтенант, полковник да и генерал. Одно дело — смотреть на все это через стеклянные стены теплой комнаты, в который мы сейчас пили чай, а другое — быть вместе со всеми под одним небом. На мой взгляд, метод Гречко — то есть приглашение местных властей на учение — очень верный. Власти лучше будут представлять нашу военную жизнь, полную лишений и трудностей. С учетом, конечно, что настоящий войсковой офицер и его семья — это вечные странники. Хотя их интеллект нисколько не ниже, а чаще — выше тех, кто всю жизнь провел в центральном аппарате и считает себя личностью особого полета, особого круга.

Пока пили чай, разгорелся живой разговор на эту тему. А войска тем временем выходили в исходное положение. Я предупредил, что их ожидает и что это будет подобие тактико-строевых занятий с повторением отдельных элементов, но в крупных масштабах: в составе полка или сразу двух полков, а может, и дивизии. Всем категориям командиров — от батальона до дивизии — запастись большим количеством осветительных и цветных ракет для обозначения своего положения. Наконец, провести хорошие радиотренировки.

Через полтора часа всё в основном было готово. Ветер значительно поубавил свою силу, а дождь вообще прекратился.

Я предложил министру: прежде чем действовать войскам, надо той и другой стороне обозначить свое положение ракетами. А затем можно давать команды. Так и решили.

Действовали полками. Какие только команды Гречко не выдавал — выполнялось все. Правда, я вынужден был иногда вмешиваться, чтобы правильно поняли, что именно требуется выполнить, в каком направлении действовать, что является основным ориентиром и т. д.

Наивысший класс виртуозности в действиях показал 279-й мотострелковый полк 24-й «Железной» мотострелковой дивизии. В то время полком командовал подполковник Игорь Николаевич Родионов, который в итоге своей службы стал, как известно, генералом армии и министром обороны Российской Федерации. И хотя все войска действовали нормально и выполняли именно то, что от них требовалось, этот полк действовал особенно четко и быстро. Присутствовавшие на вышке высказывались о нем одобрительно. Один министр обороны молчал. Но видно было, что он доволен.

Однако не обошлось и без некоторых эпизодов, которые заставили понервничать. Например, в ходе движения одного из полков танк попал в яму. Произошло это метрах в 250–300 от вышки, и все, естественно, стали свидетелями этой картины. Перед боевой линией танков простиралось залитое водой поле. Танки шли уверенно. Вдруг один «клюнул» и резко остановился. Лобовая часть его опустилась в воду. Танкисты пушку развернули наоборот, и танк сделал попытку вырваться из этой западни, рванув назад. Но грунт сзади стал проседать, а танк плотно сидел в воде. Но вот двигатель взревел, и машина медленно пошла вперед. Уровень воды поднимался, однако танк двигался. Напряжение нарастало: если вода зальет трансмиссию — значит, все. Танк двигался еле-еле. Уровень воды стал понижаться. Наконец танк из ямы выполз и остановился. Машину спасли.

Министр обороны сказал мне, чтобы механика-водителя

доставили на вышку. Я передал эту команду и послал адъютанта к танку. Сверху мы видели, как на танке открылись люки на башне и у механика-водителя. Потом механик вылез на броню и, как мы поняли, получил распоряжение командира танка, который показал рукой в нашу сторону. Механик прыгнул в воду и быстро пошел к вышке. Его перехватил адъютант, и они, уже вместе, побежали к нам, поднялись на смотровую площадку. Нас много, все незнакомые. Механик-водитель спрашивает у адъютанта:

— Который из них будет министр обороны?

Андрей Антонович, конечно, услышал, хотя вопрос был задан вполголоса.

— Это я буду! — в тон солдату сказал министр.

Механик-водитель решительно двинулся к маршалу:

— Товарищ маршал Советского Союза! Ефрейтор Пирогов по вашему приказу прибыл.

— Ты откуда будешь?

— Как откуда? Из Вологодской области! Откуда же мне еще быть? — удивленно сказал Пирогов и посмотрел на всех вокруг. Тон был такой, что в голове ефрейтора наверняка крутилась мысль: «Непросвещенные. Ведь в Советском Союзе и есть-то одна Вологодская область».

— А как тебя величают?

— Алексеем Ильичом.

— Как же тебя угораздило в яму?

— Так ведь кругом море-океан. Ничего не видно, кроме воды. А что там под водой-то? Вот и вел машину по командам командира танка. И он не виноват. На его место хоть ротного посади или комбата, да даже Суворова — все равно бы завалился.

— А как же ты все-таки вырвался из плена?

— Надо было рисковать. Не пропадать же бесславно в этом болоте. Вот и говорю командиру: назад нельзя — засасывает. Давай рванем вперед. Он говорит: «Давай!» Вот я и пошел на первой передаче. Вначале вроде погрузились. Потом положение стабилизировалось — вода за бортом остановилась на уровне моих глаз. А затем я почувствовал, что цепляюсь за твердое, и пошло, пошло, пошло. Вот я и перед вами. А вообще-то повезло.

Министр обороны там же наградил его наручными часами за мужество. Все начали жать солдату руку. Пока он стоял да рассказывал, вокруг него образовалась большая лужа. Епишев не выдержал:

— Ты это чего, ефрейтор, — и показывает глазами на лужу, — того, что ли?

— Да это вода. У них, у этих ровенских, кругом одна вода да болота. Им бы крокодилов разводить, — разозлился солдат. Его

успокоили, еще раз поздравили и отправили восвояси, а на ровенских начальников навалились: «Почему крокодилов не разводите?» Они отшучивались: «Надо попробовать. С кукурузой в начале 60-х не получилось — может, с крокодилами повезет?»

С наступлением темноты мы распрощались с гостями, а войска продолжали действовать. Оперативная пауза, во время которой министр обороны проверил командиров, штабы и войска на управляемость, закончилась. Все опять были введены в оперативную обстановку. На всех уровнях были приняты решения о преследовании отходящего противника, поставлены соответствующие задачи. Ночью министр обороны заслушал в своей палатке командармов и поставил штабу руководства задачу — как только обе дивизии втянутся в полевые маршруты (одна — на Житомир, а вторая — на Львов), можно объявить отбой и сосредоточить дивизии на восточной и западной окраинах Ровенского полигона.

На следующий день во время завтрака маршал Гречко объявил, что он сейчас вместе с Епишевым и Кутаховым посетит Ровенский обком партии. Командующий войсками, разумеется, будет с ним. Остальные могут отправляться в пункт постоянной дислокации. Потом сообщил порядок дальнейших действий:

— В 16.00 Военный совет округа во Львове. Начальники управлений округа, а также Военные советы армий, в том числе 38-й, которая не действовала, а также Воздушной армии должны быть на разборе. Там же получите и другие необходимые указания. На основе этого командующему войсками на следующей неделе сделать подробный разбор со всем руководящим составом округа, включая командиров частей. Это должна быть ваша программная позиция разрешения проблем, которые стоят перед округом.

С учетом полученной задачи я отдал необходимые распоряжения, и все тронулись в путь.

В Ровно Гречко пробыл недолго — это был визит вежливости, как это бывало всегда во время пребывания на территории той или иной области и тем более республики. Он обычно посещал обкомы партии, там же присутствовали руководители исполнительных органов Советов народных депутатов. Чаще всего это было сразу после прилета: все областные начальники встречали его на аэродроме и все вместе ехали к «хозяевам». Беседа продолжалась около часа: «хозяева» — о своем, министр обороны — о государстве, о решаемых в Политбюро вопросах, о Вооруженных Силах, внешней политике. И, разъезжаясь, каждый занимался своим делом. Часто на какие-нибудь мероприятия в войсках Андрей Антонович приглашал первого секретаря обкома

и председателя облисполкома.

Глядя на министра обороны, так же действовали и все командующие войсками военных округов (разумеется, и флотов). Кстати, когда командующий войсками прилетал в какую-то область, то первые секретари обкомов и председатели облисполкомов его тоже встречали. И когда я попытался как-то изменить этот порядок в сторону упрощения, меня поправили: «Мы не знаем, как у других, а на Украине это уже традиция, и мы будем ее придерживаться твердо». Таким образом все вопросы были сняты.

Из Ровно во Львов ехали машинами. Прибыли сразу в штаб округа. Министр обороны пошел в свой кабинет (кабинет командующего), вызвал к себе генерал-полковника Николаева и других с документами и начал, очевидно, готовиться к разбору.

В назначенное время началось совещание. Выступление министра обороны состояло из двух разделов. Первый (около часа) был посвящен международной обстановке, положению в стране, выполнению Вооруженными Силами своих задач, роли и месту нашего Прикарпатского военного округа в этих задачах. Второй раздел (около полутора часов) — анализировал проведенные учения. Затем шло 5–7-минутное заключение с пожеланиями и напутствиями.

Интересно, что Андрей Антонович пришел в зал Военного совета, имея в руках небольшой листок, вырванный из моего календаря, где были набросаны вопросы к совещанию. Он этот листок оставил у меня. На оборотной стороне было написано: «1. Переговорить с Бр. (видимо, с Брежневым) о мобилизац. готовности промышленности и гос. резерве. 2. Венгрия — Повтор. 3. Управление полетами ВВС и ГВФ. 4. Кадры по Дальн. Вост.».

Этот листок, с учетом содержания пометок, я переслал фельдъегерской почтой в Москву на имя генерал-лейтенанта Сидорова — помощника министра обороны. Кстати, у Гречко был всего один помощник в звании генерал-лейтенанта, который не был особо загружен (потому что его начальник был высоко подготовлен и в особой помощи не нуждался), а у министра обороны Устинова было два помощника, и оба генерал-полковники (точнее, один из них — адмирал), и оба все время что-то писали и вечно ходили с бумагами, со справками и докладами к Дмитрию Федоровичу. Отчего бы это?

Министр обороны вошел в зал в сопровождении начальника Главпура и Главкома ВВС. Но сел за стол Военного совета только один. Все остальные вместе с нами сидели в зале.

В первой части своего выступления А. А. Гречко, кроме освещения других вопросов, сосредоточил основное внимание на

агрессивной сущности империализма вообще и американского в особенности. Он прямо отметил: «Они не хотят смягчения международной обстановки (привел примеры по Вьетнаму, Ближнему Востоку, учения в Европе и другие). Они продолжают гонку вооружений. Что для них означает сокращение производства оружия? Это безработица. Кроме того, они будут заниматься этой гонкой и разжигать «холодную войну» до тех пор, пока не добьются своей цели — убрать со своего пути захвата мирового господства главное препятствие — Советский Союз. Вашингтон нагнетает военную истерию, а в Москве собирается Всемирный конгресс миролюбивых сил. В этих условиях мы должны, конечно, иметь исключительно высокую подготовку. Только мощные Вооруженные Силы Советского Союза смогут сдержать агрессора от опрометчивых действий».

Далее он очень умело показал, какая роль отводится нашему округу, если агрессору все-таки удастся развязать войну. «Мы всегда были против войны и остаемся приверженцами этого принципа и сегодня. Но если агрессор нападет — мы обязаны его разгромить в прах. Наши группы войск в Восточной Европе, как щит, принимают на свою грудь первые удары, а с подходом Прикарпатского и других западных округов — переходят в контрнаступление и уничтожают противника на его территории».

В связи с этим министр обороны подробно остановился на второй части своего выступления — на учении. «Учение, — сказал он, — как зеркало, отразило все плюсы и минусы подготовки ваших частей. Я сосредоточусь на недостатках и особенно в подготовке вооружения и техники».

Далее он не просто раскритиковал нас за оставшиеся на маршрутах танки и боевые машины пехоты, а взвинтил это до уровня преступно-халатного отношения некоторых начальников к подготовке боевой техники и ее содержанию. У нас действительно в ходе выдвижения у одной дивизии отстало 7, а во второй — 9 единиц гусеничной техники. Половина из них были танки, поломанные или застрявшие из-за плохой погоды. Всё это, конечно, «засекли» помощники министра и выдали ему соответствующую справку.

— Вы представляете, что это такое, если даже один танк не успеет к бою? — заострял министр обороны. — А у вас три, четыре и даже пять танков отстало. Ведь это же полтанковой роты?! Это недопустимо.

И в таком духе с выволочкой, с фамилиями, с примерами он продолжал минут 20 или 30. Я тоже поднимался раза три или четыре, когда речь шла об упущениях командующего войсками округа. Поднимался, а сам думал: «Ну-ка, поддай нам как

следует. Все это на пользу всему округу».

Правда, надо отдать должное, что, коснувшись раздела «Управление войсками», он заметил: «У меня особых замечаний нет, но оно требует постоянного и упорного совершенствования. Уровень управления войсками в каждом полку, бригаде и дивизии надо довести до уровня 279-го мотострелкового полка «Железной» дивизии». Это для нас прозвучало превыше всех наград.

Если бы он только знал, сколько времени мы потратили (но не напрасно) на тренировки по управлению с 24-й «Железной» и 23-й танковой дивизиями. Зная, за что он, Гречко, цепляется, я лично не вылезал с Львовского и Игнатпольского полигонов, тренируя их и доводя выполнение команд до того уровня, как требовал министр. А я этой его науки «хлебнул» сполна еще в Группе Советских войск в Германии.

В целом разбор оказался мощным, интересным и, конечно, очень полезным. Он не был для нас разгромным, как казалось вначале. А что касается техники — так тот «разнос» был для профилактики. Словом, для меня это крупное учение и в роли исполнителя прошло нормально. А. А. Гречко ввел меня в округ и задал тон моей работе. Поэтому проявленная нами инициатива с приглашением министра обороны на учения оказалась верной. Напряжение по ходу учений было высокое, но в итоге наказаний мы на свою голову не накликали.

После разбора Андрей Антонович распрощался со всеми и, забрав меня, пошел в кабинет командующего войсками. Мы сели за небольшой стол, нам принесли чай.

— Расскажите, в какой степени вы познакомились с округом, какие впечатления, какие возникли проблемы, — сказал он мне.

Минут сорок я докладывал ему за каждую дивизию (в том числе авиационную), о сильных и слабых сторонах, отдельно об офицерском корпусе, инфраструктуре округа, о взаимодействии и взаимоотношениях с руководителями областей, о некоторых планах развития округа.

— В целом, — заключил я, — округ хороший, люди отличные и нормальная база. Что касается проблем, то я пока воздержусь их называть. Будем стараться разрешить все в первую очередь своими силами и с помощью Генерального штаба, главкомов видов Вооруженных Сил и начальников Главных и Центральных управлений Министерства обороны. А если все-таки проблемы появятся, то, я думаю, это будет в первую очередь касаться денежных средств и фондов для совершенствования учебно-материальной, материально-технической базы, а также для строительства жилых домов офицерам и прапорщикам.

Андрей Антонович в целом был удовлетворен. Но заметил, что я не должен забывать о поддержании контактов с соседними военными округами — Белорусским, Киевским и Одесским, а также с Группами войск — Северной в Польше, Центральной в Чехословакии и Южной в Венгрии.

— Вы отсюда кому-нибудь из этих командующих позванивали?

— Пока еще нет.

— Вот видите! Это на первый взгляд кажется, что пустяковое дело. А в действительности — важнейший вопрос. Вы — соседи! Должны привыкнуть друг к другу, помогать друг другу, а не сидеть неподступными удельными князьями. Дело будет спориться, если все вместе будем решать любые задачи. Но в целом, я считаю, начало у вас нормальное. Надеюсь, округ будет на должном уровне.

От ужина Андрей Антонович отказался. Мы поехали на аэродром и проводили всех москвичей. Перед трапом маршал авиации Кутахов «всадил мне шпильку».

— Товарищ министр, вы знаете, о чем сейчас думает Валентин Иванович? Он думает: «Какой приятный запах у дыма улетающего самолета, на борту которого мои начальники».

— Это точно, — поддакнул Епишев.

— Так, что ли? — уставился на меня Гречко.

— Товарищ министр обороны, вы же знаете — Павел Степанович любит юмор, — уклончиво ответил я.

— Вот видите? Все на Павла Степановича! Нет чтобы сказать: «Товарищ министр обороны, всем миром просим — останьтесь еще не надельку!..» — подливал Епишев.

— Ну, ладно. Полетели.

Попрощались. Все уселись так, чтобы мы видели их в окнах. Наблюдаю, что все они смеются и помахивают нам. Наверное, Кутахов еще раз прошелся по приятному запаху дымка.

Министр обороны улетел. Мы здесь же перекинулись несколькими фразами. Решили, что все прошло в основном благополучно, а сейчас надо ехать домой и отоспаться за все дни.

В округе были проведены итоговые занятия по боевой учебе за год. Поэтому я готовил большое установочное совещание, где намерен был разобрать все стороны жизни и быта округа. Оно включало в себя раздел итогов боевой и политической подготовки, состояние техники и вооружения, тыла, строительства. Особый раздел занимала воспитательная работа и состояние воинской дисциплины. Но результаты проведенных учений и указаний министра обороны были представлены обособленно, как наиболее важные. Здесь же проходили и мои

принципы работы, и перспективные установки на ближайшие годы.

Совещание имело большое значение для жизни нашего округа. На него были приглашены все, до командира отдельного батальона, а из полка и бригады — командир, первый заместитель, начальник штаба и заместитель командира по политической части; из дивизии — командир и все заместители, в том числе начальник артиллерии дивизии. Армейские руководители были представлены всеми начальниками служб и выше. За несколько дней до совещания в войска были высланы все документы, которые я намеревался разбирать, имея в виду, что в выступлениях услышу необходимые предложения.

Фактически это было занятие. До перерыва я доложил все основные вопросы. После обеда все начальники занимались со своими подопечными, а я — с командирами полков, дивизий, бригад и командармами. А в заключение собрались все вместе и подвели итог работы.

Почему я особо подчеркиваю значимость этого совещания? Оно положило начало продвижению нашего округа. Разумеется, проводились и другие совещания, занятия и т. д. Но они только дополнили это основное. Конечно, в основе наших многолетних успехов был титанический бескорыстный труд офицеров округа. Это благодаря их отличной службе и умелому руководству Прикарпатский военный округ был отмечен в итоговом приказе за 1973 год. А уже начиная с 1974 и до 1979 года включительно он постоянно был в числе лучших военных округов Вооруженных Сил, что отмечалось в приказах министра обороны. Добиться этого было не так-то просто.

Как уже говорилось в предыдущих главах, важнейшей предпосылкой повышения уровня боевой и политической подготовки, а также в целом боевой готовности войск округа было создание хороших условий жизни, быта и боевой учебы для солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров и их семьей. Но как решить эту задачу, когда уровень ассигнования был для всех одинаков и пропорционален? И вот тогда, как уже сказано, я и пришел к выводу, что внебюджетные каналы финансирования округа могут быть не меньше, а даже больше того, что выделялось нам министром на год. Эти деньги с фондами мы получали за счет реализации военных городков частей Ракетных войск стратегического назначения крупным министерствам, имеющим большие деньги и нуждающимся в таких городках. Естественно, встречаясь с тем или иным министром, я рекламировал эти городки так, что министр приходил к выводу: с приобретением предлагаемого военного городка у него снимаются сразу многие

проблемы.

Ракетчики, переходя на новые виды техники (на другие ракеты), видели, что переоборудование старых шахт вообще невозможно, а реконструкция существующих зданий, кроме жилых и бытовых, что составляло немалую сумму, обойдется значительно дороже, чем построить городок заново. Кроме того, ведь пока не поставлены новые ракеты, старые должны нести боевое дежурство. В итоге строились новые военные городки с новыми шахтами для новых ракет и, когда последние становились на боевое дежурство, старые аннулировались, а военные городки передавались военным округам на баланс. Для них это был настоящий хомут — городки надо было охранять и поддерживать в хорошем состоянии, иначе все разрушится. Лучший вариант — сбагрить их.

Да и для любого министерства это было спасением, тем более если военный городок располагался неподалеку от крупного центра, где у этого министерства имелся завод, работающий на последнем дыхании, поскольку не хватало производственных площадей. А здесь, вложив небольшую сумму через полгода или год, завод мог увеличить свой план в 1,5 раза, не потратив ни копейки на соцкультбыт. Разумеется, для округа надо было выложить солидную сумму, да еще и фонды под эту сумму. Всё это оформлялось так, чтобы комар носа не подточил.

Значительные суммы округу перечислялись ежегодно главкомами видов Вооруженных Сил (в конце года они не осваивали крупные суммы денег, а я мог их реализовать) руководством Украины и всех десяти областей, на территории которых располагались войска округа. При этом многое мы получали, как говорится, натурой: кирпич, цемент, лес, столярку, металл, кабель, сантехнику, краски и т. д.

Думаю, излишне говорить, что все эти каналы у меня хранились в тайне. Единственно, кто был в курсе всех дел, это первый заместитель командующего войсками округа генерал-полковник Николай Борисович Абашин. Это был фактически еще один заместитель командующего войсками округа по строительству. Точнее, он — первый, а генерал Дидковский — второй. Ближайшим соратником по этим вопросам у Абашина был полковник в отставке Григорий Иванович Мосейчук. Это самородок-строитель. В строительстве любого объекта он разбирался лучше, чем дважды дипломированный инженер. Но самое главное — он сам проектировал, составлял смету, добывал строительные материалы, находил рабочую силу, лично руководил стройкой и выполнял все с высоким качеством на уровне мировых стандартов и дизайна, а также в сказочно

короткие сроки. Это был клад для округа. Поэтому я его всегда во всем поддерживал (как, естественно, и Абашина), выделял все, что он просил, и всячески оберегал от нападок, а таких охотников было предостаточно.

Буквально за два года лицо нашего округа преобразилось и в последующем еще более совершенствовалось.

В судьбе и жизни Прикарпатского военного округа и личных судьбах людей большую роль сыграл целый ряд личностей. Я хотел бы остановиться на некоторых, а именно на тех, кого считаю незаурядными и кто сыграл в жизни округа прогрессивную роль. Не скрою, в этот же период были фигуры (и даже организации), которые оказали тяжелое регрессирующее влияние.

Андрей Антонович Гречко. То, что он был маршалом Советского Союза, дважды Героем Советского Союза, министром обороны, — уже о многом говорит. Но отнюдь не эти регалии определяют личность этого человека. Гречко имел высокую подготовку (окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба) и колоссальную практику — в годы Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, а с начала 1942 года и до конца войны — пятью армиями (12-й, 47-й, 18-й, 56-й и 1-й Гвардейской) и всегда блестяще справлялся с боевыми задачи. Но главное, конечно, — его природный дар, что ярко проявилось в его военной биографии, а также в его политической деятельности. Он был государственником до мозга костей. Обладал сильным чутьем на способных людей и умело подбирал кадры: заслуженных — уважал, молодых и способных — выдвигал (например, некоторых командующих армией ставил сразу на должность командующего войсками округа).

Что касается нашего Прикарпатского военного округа, то он видел и весьма ценил старание нашего офицерского коллектива сделать округ образцовым. Ведь были (есть и сейчас) военачальники, которые, хоть из кожи лезь, «не видят» усердия и стараний подчиненных. Иногда даже наоборот — относится предвзято, считает, что только он хорошо работает, а остальные или бездельники, или дураки. А это гасит все желания и стремление что-то сделать лучше. В итоге страдает дело. Но Гречко подталкивал к старанию. И делал это на редкость искусно. Например, Прикарпатскому военному округу никаких специальных благоприятных условий он не создавал, не давал, в сравнении с другими, больше денежных или материальных средств ит.д. Но ростки добрых начинаний поощрял, отмечал в своих приказах, каждый год говорил о них на подведении итогов боевой учебы. А разве может быть для нас, офицеров, выше награда, чем живое, доброе слово лично министра обороны?! И мы старались еще больше. И лично мне, как командующему войсками округа, он давал полную свободу действий, особенно в подготовке и проведении различных учений, создании и развитии инфраструктуры округа (особенно учебно-материальной базы), вообще в вопросах строительства. А на различные незначительные отклонения от существующих норм не обращал внимания, так как в принципе вопросы решались правильно и отвечали главной цели. Но, конечно, более всего мне дорого то, что Андрей Антонович, уверовав в меня, стал посвящать в свои сокровенные мысли. Он знал, что я об этом не поделюсь даже с самыми близкими. На такое доверие я мог ответить со своей стороны наивысшей степенью ответственности за все свои действия.

Несомненно, все это и многое другое вместе взятое позволило нашему Прикарпатскому военному округу быть в авангарде Вооруженных Сил СССР несколько лет подряд.

Владимир Васильевич Щербицкий. Этот человек вместе с председателем Совета Министров Украины Александром Павловичем Ляшко сделал для округа и меня лично тоже не меньше министра обороны, но в своей области. Являясь участником Великой Отечественной войны и будучи в молодости офицером Вооруженных Сил, Щербицкий, конечно, досконально знал жизнь военного и как истинный государственный деятель глубоко понимал роль и значение Армии и Флота для нашей страны. Поэтому делал всё для того, чтобы создать благоприятные условия военным округам (а их было три плюс один пограничный) и Черноморскому флоту. В то же время он, естественно, вкладывал больше в тот округ, который мог освоить

средств больше и эффективнее, да еще если при этом затрагивались и интересы республики. Построив непосредственно во Львове стрельбище международного класса в общем комплексе спортивного центра, мы, конечно, сделали благое дело для республики. Да и переустройство с благоустройством старых военных городков и строительство новых, с современным дизайном, тоже приветствовалось, так как это меняло весь облик соответствующих городов. Что касается отношения ко мне лично, то назову только три момента, которые сполна характеризуют Владимира Васильевича.

Первое — он фактически спас меня от исключения из КПСС (или, как минимум, от получения самого тяжелого партийного взыскания).

Второе — он явился инициатором присвоения мне высокого звания генерала армии.

И третье — он вел со мной наедине (иногда присутствовал Ляшко) такие откровенные беседы по государственному и партийному устройству, что могло быть только в условиях высокого доверия и полной конспирации. Приведу один небольшой фрагмент. Как-то, конечно, уже в разгар дискуссии по какой-то проблеме спрашиваю у Владимира Васильевича: «Для чего нужна была Ленину партия?» — и сам же отвечаю: «Для того, чтобы захватить власть и установить диктатуру пролетариата». Эта задача решена? Да, решена. Мало того, власть полностью перешла в руки трудящихся и антагонистических классов в стране не стало. Спрашивается: зачем же партия продолжает удерживать власть в своих руках, но декларируя при этом, что якобы власть в руках Советов?

— Валентин Иванович, я разделяю это мнение. Мало того, я хочу добавить, что все это в какой-то степени стало тормозом в управлении народным хозяйством, да и в социальной сфере, а также в целом во внутренней и внешней политике. Мне довелось побывать в положении председателя Совета Министров республики, а сейчас являюсь первым секретарем. Поэтому могу сопоставить функции высших партийных и советских органов. Я всё это чувствую.

— У меня складывается такое представление, что Сталин по многим причинам не мог пересматривать сложившуюся систему партийно-государственного аппарата.

— Он не только не мог — ему нельзя было этого делать. Именно в той структуре, какая сложилась до и после войны, надо было максимально стабилизировать ситуацию с передвижением населения. Его особо беспокоило, что после войны резко обозначилась тенденция оттока крестьян в город, где жилось

сравнительно легче. Именно поэтому (т. е. для удержания крестьян на селе) Сталин вынужден был придерживать выдачу паспортов в сельской местности. Этим искусственно, к сожалению, создавались препятствия выезду в город. Он мог пойти и на другие меры во имя этой цели, и все это было бы оправдано.

— Владимир Васильевич, но ведь Хрущев-то мог уже пересмотреть систему управления?

— Разумеется. Это было самое удобное время и в историческом плане, и в научно-объективном. Однако он, ослепленный желанием отомстить Сталину, а также опьяненный неограниченной властью и открывающимися в связи с этим возможностями, решил увековечить себя, так сказать, «на сталинских руинах». Но эти руины фактически создал он сам. Удары Хрущева по народному хозяйству, образованию, армии дорого стоили народу. Одни эксперименты с созданием сельских и промышленных обкомов чего стоили. А что он сделал с травопольной системой земледелия академика Василия Робертовича Вильямса?! Ведь эту систему успешно использовали во многих странах мира. В ее основе были кормовые и полевые травопольные севообороты. Они сочетались с правильной обработкой почвы, умелым применением машин и удобрений. Создавались полезащитные лесные полосы. Вы помните, как Сталин ухватился за эти лесные полосы? Буквально за 3–4 года у нас везде по стране, особенно в Европейской части, в центре, на юге, эта задача была решена, и они, эти полосы, и сейчас все еще имеют огромное значение. Но Хрущев лишь потому, что Сталин уделял принципиальное внимание травопольной системе, — разрушил ее.

Кстати, почему-то Хрущеву приписывается идея выдачи паспортов сельскому населению. Это вздор. Фактически эту задачу начал решать уже Леонид Ильич. Что касается Украины, то мы уже завершили выдачу паспортов. А вот МТС разогнал по колхозам и заставил их платить за технику, чем и подорвал экономику сельхозартелей, все тот же Никита Сергеевич Хрущев. Все эти «художества» отбросили наше сельское хозяйство на многие годы назад. Вместо того, чтобы пересмотреть правовые нормы выплаты за труд, налоги, продумать и ввести систему, которая стимулировала бы труд, Хрущев только разрушал.

Вспоминая этот и другие подобные разговоры, я невольно протягиваю нить Хрущев — Горбачев — Ельцин. Нить, соединяющую воедино не созидателей, а экспериментаторов — разрушителей и предателей. Только прочная государственная система, живучий социально-политический строй и невероятно

терпеливый народ нашей страны не позволили им разрушить все полностью, до конца. Горбачев разрушал-разрушал, Ельцин 10 лет разрушал, а все же добить державу никак не смогли. Израненная, истерзанная, она еще сопротивляется разрушителям, ворам и расхитителям.

Обычно, вспоминая о В. В. Щербицком, я всегда невольно вспоминал и Петра Мироновича Машерова — первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Мне не довелось служить в Белоруссии. Однако многие обстоятельства позволяют мне сделать вывод о прогрессивной направленности всей деятельности Петра Мироновича и его несомненном сходстве с Владимиром Васильевичем Щербицким. В сравнении с другими руководителями республик оба они выделялись своей самостоятельностью, независимостью, человечностью и доступностью. У них был ровный и последовательный подход к оценке событий и особенно лидера страны. Им были чужды самовозвеличивание в глазах своего народа и в то же время угодничество генсеку КПСС, чем особенно страдали многие руководители кавказских и среднеазиатских республик.

Взять, к примеру, Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Его, так сказать, трудовая деятельность началась в комсомоле. Уж не знаю, насколько он «горел» на работе, но доподлинно известно, что в сороковые и начале 50-х годов он, используя все свои способности и служебные возможности, восхвалял Сталина. Последнего не стало, пришел Хрущев — Эдуард Амвросиевич тут же с остервенением стал разоблачать культ Сталина. Став первым секретарем Ленинского Коммунистического Союза молодежи Грузии, — принимается на все лады восхвалять гениальность и неповторимость Хрущева. И тем самым добивается уже стабильного повышения в должности и перехода на чисто партийную работу. Хрущева сняли — он умело, а главное — оперативно поносит волюнтаризм Никиты Сергеевича, его ограниченность и одновременно вдохновенно расписывает «политический портрет» (в последние годы он обычно применял именно такие термины, описывая генсека) Л. И. Брежнева. Что это ему дало? Вначале — должность министра внутренних дел Грузии, а затем и первого секретаря ЦК Компартии этой республики. Подружился с соседом — таким же, как и он сам, держащим «нос по ветру» Горбачевым. Завидовал ему, что на Ставропольщину, а не в Грузию едут на отдых ежегодно главные «апостолы» КПСС — Суслов, Андропов, Громыко и другие. Как уже опытный аппаратчик, вычислил, что Горбачев сможет стать далеко не последним на партийном Олимпе, переберется в Москву, следовательно, надо быть к нему поближе. И не ошибся в

своих расчетах — Горбачев стал генсеком. Разумеется, все то, что было при Брежневе, предает забвению и на брежневский период вешает ярлык: «застой!» И сразу же оперативно, любовно «рисует» новый политический портрет «гениального» Горбачева.

Так вот, ни Щербицкий, ни Машеров были не способны на такое хамелеонство. Между ними и господином Шеварднадзе — «дистанция огромного размера», хоть они в Политбюро ЦК и были вместе. Что же касается лично Петра Мироновича, то действительно с любовью о нем говорила вся страна: Герой Великой Отечественной войны (это звание он получил за героическую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии во главе партизанского отряда), Герой Социалистического Труда (этим званием он был отмечен за выдающиеся успехи в развитии народного хозяйства Белоруссии, фактическим руководителем которого он являлся долгие годы). Его авторитет во всем Советском Союзе был чрезвычайно высок. Своим беспримерным и неповторимым вниманием и заботой о Белорусском военном округе он косвенно оказал нашему Прикарпатскому и другим военным округам огромную поддержку. Он был примером для других руководителей. И вообще он был удивительно чутким и внимательным ко всем военным. Однако один случай мне хотелось бы вспомнить особо.

Министр обороны Гречко в зиму с 1974 на 1975 год проводил крупные учения с двумя военными округами — Белорусским и Прикарпатским. Причем действовали они по разные стороны «баррикад». То есть были «противниками». Основные действия разворачивались на территории Белоруссии. Естественно, войска — это не голуби мира. Иногда развернутся подобно слону в посудной лавке. Но к армии никогда не было не только никаких претензий или жалоб, а даже наоборот — благодарили, что именно на белорусской земле прошли эти маневры. Петр Миронович Машеров, несомненно, уникальная личность.

О Леониде Ильиче Брежневе уже было сказано достаточно. Но в данном случае, когда идет речь о влиянии этой личности на Прикарпатский военный округ, то, конечно, нельзя не привести еще ряд конкретных примеров.

Конечно, в первую очередь это факт пребывания Брежнева в должности начальника Политического управления Прикарпатского военного округа. Для нас это было и почетно, и ответственно. Мы вправе были считать, что пусть по духу, но у нас есть «родственные» связи с генеральным секретарем, и максимально использовали это обстоятельство в воспитательной работе с личным составом. В окружном и во всех музеях дивизий округа, в комнатах боевой славы, во всех ленинских комнатах

непременно имелись материалы по истории округа. Были представлены портреты всех, кто командовал нашим округом, перечислялись также начальники штаба и начальники Политуправления — члены Военного совета. Среди них был, конечно, и Леонид Ильич.

Но для нас было важно и другое. Начиная с 70-х годов, Брежнев, как правило, ездил поездом, если вопросы решались в границах страны и Европы. Например, за время моей службы в ПрикВО он несколько раз ездил на съезды, конференции, совещания в Венгрию и Чехословакию. Путь проходил через Львов и станцию Чоп, где колеса вагонов заменяли и переводили на узкую европейскую колею. И каждый раз Леонид Ильич выходил из вагона и длительное время прохаживался с руководством соответствующей области по перрону. Всегда шла живая непринужденная беседа на различные темы, но в первую очередь она касалась воспоминаний военных лет (а Брежнев в этих краях воевал) или насущных проблем сегодняшнего дня, в том числе чисто житейских, бытовых тем. Конечно, содержание беседы на первые две темы мы непременно использовали в своей работе, доводя до офицеров, а через них — до солдат, широко раскрывая эти вопросы и в окружной газете. Ну а доверительные разговоры оставались с нами. Некоторые из них сейчас можно и проиллюстрировать.

Как-то в одну из поездок Леонид Ильич сделал остановку во Львове. А перед этим он останавливался в Киеве, где взял в свою делегацию Владимира Васильевича Щербицкого. Во Львове на вокзал встречать генсека приехали члены бюро обкома КПСС во главе с первым секретарем Виктором Федоровичем Добриком. Командующий войсками округа, являясь членом бюро обкома, а также по своему служебному положению (генсек был и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами), обязан был присутствовать на встрече. Поэтому в составе группы встречающих был и я. Кстати, членов бюро было всего четверо и три сотрудника аппарата обкома. Добрик, видимо, прихватил для решения внезапно возникающих вопросов.

Перрон был безлюден, поскольку проходящих поездов в это время не было. Подошел поезд с Брежневым. Нас поставили именно там, где остановится его вагон. Открылась дверь, по ступенькам спустился проводник, а за ним, с приветливой улыбкой, — Леонид Ильич. На перроне в центре полукруга встречающих стоял В. Ф. Добрик — как раз против Л. И. Брежнева. Каково же было наше изумление, когда генеральный секретарь, сойдя по ступенькам вагона, с возгласом: «Фима, и ты здесь?!» — сгреб в охапку небольшого росточка работника

аппарата обкома по фамилии Айзон. И, тиская его, пояснил:

— Это самый ценный еврей из всех евреев. Он в любое время из-под земли достанет все, что требуется.

Добрик заметил в тон Брежневу:

— Леонид Ильич, так именно по этому основному признаку мы его и держим в обкоме на хозяйственной должности.

Поздоровавшись с каждым из нас, Брежнев вспомнил службу в Прикарпатском военном округе, затем, обращаясь к нам, приступил к «критике» Щербицкого:

— Вы знаете, какую он приготовил мне бомбу в Киеве? Еще неделю назад звоню ему и говорю: «Володя, поедем к венгерским товарищам на съезд». Он дает согласие, но я его предупреждаю: «Заеду за тобой в Киев так, чтобы никто ничего не знал и чтобы провожающих было не более двух-трех человек». Договорились. А что на самом деле? Открываю дверь вагона, а передо мной — вся бригада слесарей, в которой я работал на Днепропетровском металлургическом комбинате. Они мне: «Леонид, надо встречу отметить. Ты же не побрезгуешь с рабочим классом? Иван, наливай». Я взмолился, говорю: «Ребята, я же еду по делам, лучше попозже специально к вам приеду». А они мне: «Знаем мы эти обещания! Да и работа тебе не позволит. А сейчас — самый раз. Первачок высшего класса — горит синим огнем». И суют мне стакан с самогоном и кусочек сала. Вы думаете кто-нибудь защитил меня от этой западни?

— Леонид Ильич, — для приличия начал оправдываться Владимир Васильевич Щербицкий, — они же сами все пронюхали о вашей поездке, у них разведка лучше, чем у меня, вот и прикатили.

— Нет, вы посмотрите на него: он еще оправдывается!

После обмена шутками перешли к деловому разговору, но, естественно, в общих чертах. Виктор Федорович Добрик доложил о состоянии дел по области, я — по округу. Леонид Ильич задал несколько вопросов. В первую очередь его интересовали проявления национализма у нас, на Западной Украине. И через час уехал.

Во время этого небольшого эпизода в глаза не могла не броситься простота, доступность и человечность Леонида Ильича. В то же время его простота отлично сочеталась с интеллигентностью.

Мне довелось наблюдать его и во время других встреч, и я неизменно убеждался в его открытости и честности.

Была приблизительно еще одна такая же поездка Брежнева с Щербицким, но, поскольку поезд проходил ночью, остановка делалась не во Львове, а только на станции Чоп Закарпатской

области.

Утром в установленный день мы вместе с первым секретарем обкома партии этой области Юрием Васильевичем Ильницким прибыли на станцию Чоп. Подошел поезд. Через некоторое время появился Владимир Васильевич Щербицкий. Он сообщил, что Леонид Ильич «уже зашевелился» и, очевидно, скоро подойдет. В ожидании его мы прохаживались. Погода была прекрасная, солнечная. Воздух в Карпатах — не надышишься. Дела в Закарпатской области и нашем округе в основном выглядели нормально. Поэтому настроение было хорошее и даже приподнятое. И беседа протекала мирно, без напряжения. Помню, меня Владимир Васильевич посвятил в секреты о пользе и вреде разного вида ворон. Глядя на неподалеку расположенное поле (весна была в разгаре) и наблюдая там стаю ворон, «промышляющих» на этом поле, он сказал:

— Я только недавно узнал, что все вороны в целом являются санитарами и в городе, и в деревне. В то же время одни виды приносят целенаправленно пользу сельскому хозяйству, а другие — вред. Так, черная ворона уничтожает на полях всех вредителей. Ворона с серым крылом уничтожает еще и побеги пшеницы, кукурузы. Дергая клювом побег, она вытаскивает еще не разрушившееся зерно и поедает его.

В ходе короткой «лекции» появился и Леонид Ильич. Поинтересовался, о чем мы беседуем, и вдруг говорит:

— Ох, этот Чоп! В войну наши здесь хлебнули горя.

Мы попросили его рассказать.

— Уничтожив противника на перевалах и основных дорожных направлениях, — начал Леонид Ильич, — наши передовые части без особого труда стали спускаться в долины и обложили Чоп. Нам было известно, что на этой узловой станции у немцев сосредоточены огромные запасы боеприпасов, продовольствия и другого имущества. После непродолжительного боя станция была взята. На радостях мы телеграфируем Верховному: так, мол, и так, захватили крупную узловую станцию Чоп. Вечером в этот же день по радио Совинформбюро сообщает о победах Красной Армии, в том числе называет и нашу победу. На радостях солдаты и офицеры отметили это событие. А в Закарпатье вина всегда было много. Кроме того, немцы, очевидно, умышленно бросили на станции целый состав со спиртом. Ну, наши и «отметили». А ночью, перед рассветом, немцы, подтянув резервы, внезапным ударом с нескольких направлений выбили нас из станции. Только утром мы закрепились и поняли, какая тяжелая ситуация сложилась у наших войск в целом. Но мы уже доложили Сталину, что станцию взяли. Что делать?

Начинаем выбивать немца заново. Однако он нагнал много танков, подтянул тяжелую артиллерию. Дело принимает сложный оборот. Из Генштаба звонят: «Что у вас происходит?» Отвечаем, что в районе станции продолжаются тяжелые бои, и лишь через двое суток удалось восстановить положение и отбросить немцев километров на тридцать на запад.

Но о том, что произошло, надо было обязательно доложить, иначе если это где-то «вылезет» — Сталин не простит! Он терпеть не мог лжецов. Поэтому мы в итоге всех боев на этом направлении, когда обстановка здесь стабилизировалась, все-таки нашли в себе мужество доложить, что в ходе упорных боев Чоп переходил из рук в руки, но все-таки окончательно узловой станцией овладели наши войска. Перечислили захваченные трофеи. Разумеется, из этого тяжелого урока мы сделали выводы. Впереди была Венгрия, где, как и в Закарпатье, тоже было много «зелья». Поэтому всячески предупреждали бойцов об опасности, которая их подстерегает. Приводили конкретные, с фамилиями, примеры по чоповской трагедии. Видно, это возымело действие, так как в последующих боях у нас ничего похожего не было.

Мы слушали Леонида Ильича и мысленно представляли то, что здесь происходило. Но я невольно отмечал и другое — искренность Брежнева. Ведь на его месте далеко не каждый бы поведал о таком не очень красивом эпизоде. Он же ничего не приукрашивал. Война в его воспоминаниях выглядела реалистично — такой, какой она и была на самом деле.

Говоря об округе, я, конечно, обязан перечислить первых секретарей обкомов КПСС всех десяти областей, в оперативных границах которых располагались войска и органы управления Прикарпатского военного округа и которые лично сделали много для создания благоприятных условий и оказания реальной помощи нашим частям и соединениям. Назову области по алфавиту и тех, кто в эти годы ими руководил:

— Винницкая область — Таратута Василий Николаевич.

— Волынская область — Корж Николай Афанасьевич.

— Житомирская область — Кавун Василий Михайлович.

— Ивано-Франковская область — Скиба Иван Иванович.

— Львовская область — Добрик Виктор Федорович.

— Ровенская область — Панасенко Тарас Иванович.

— Тернопольская область — Ярковой Иван Мефодиевич.

— Хмельницкая область — Лисовой Тимофей Григорьевич.

— Черновицкая область — Дикусаров Владимир Григорьевич.

Конечно, вместе с первыми секретарями как минимум должны быть упомянуты и председатели облисполкомов, которые непосредственно несли всю организационную ношу, в том числе и

в отношении войск нашего округа. Но, учитывая, что многие из них менялись, и опасаясь, что кто-то будет упущен, я говорю всем: «Большое спасибо за труд и внимание к воинам ПрикВО».

И все же не могу не отметить, что среди всех особое место занимал первый секретарь Львовского обкома КПСС Виктор Федорович Добрик. И не потому, что был членом Военного совета Прикарпатского военного округа и руководил самой большой из десяти областей, а потому что сам лично был сильной, неординарной фигурой. Львовская область обладала не только высокоразвитой индустрией, сельским хозяйством, с современными технологиями, особым складом культуры и науки, но и особыми традициями. Здесь среди населения бытовали свои взгляды на социально-политические явления. На жизнь оказывал влияние выпавший в осадок на дно общества, после разгрома бандеровщины, национализм. А ведь с этой бедой боролись с 1944 по 1952 год! Но все это именно выпало в осадок, а не растворилось, и в 50-е и в 60-е годы продолжало тлеть. И даже в период руководства областью Куцеволом, которого определенные круги похваливали, обстановка в социально-политической сфере на Львовщине не изменилась. С приходом же Добрика ситуация в короткие сроки стала полярно противоположной. Почему? Да потому, что Виктор Федорович нашел «ключ» к местной интеллигенции. Она его не только признала (чего не было в отношении всех предшественников), но и восхваляла. А через интеллигенцию и с ее помощью Добрик решал все проблемы с общественностью области.

Виктор Федорович Добрик был новатором во многих вопросах. Это вызывало раздражение у некоторых чиновников в Киеве, что со временем переросло в откровенный антагонизм. А поскольку Добрик обладал непокорным самостоятельным характером, то он «нажил» себе постоянно действующих оппонентов в окружении В. В. Щербицкого. Однако область процветала, о ней слышно было и в союзных средствах массовой информации. На базе области проводились даже общесоюзные мероприятия, например Всесоюзное совещание по управлению качеством выпускаемой продукции.

Добрик максимально развивал самостоятельность у всех предприятий. Заключал договора и налаживал прямые связи не только с другими областями Украины и СССР, но и с ближайшими зарубежными соседями, с Венгрией, например. Естественно, и сам любил самостоятельность. А у нас продолжалась прежняя история — только центр мог точно знать и безошибочно командовать — «когда сеять, когда жать».

Виктор Федорович Добрик долгое время служил офицером в

Вооруженных Силах, поэтому хорошо знал и понимал жизнь воина, его проблемы и заботы. А если учесть еще и его прогрессивный склад характера и глубокое уважение к армии, то в его лице мы имели мощную поддержку во всех вопросах.

Так сложилось, что Львовская область была в числе лучших областей Украины и Советского Союза, а Прикарпатский военный округ — в числе лучших военных округов Вооруженных Сил Советского Союза. У нас негласно присутствовало доброе, подталкивающее к новым свершениям соревнование между областью и округом, хотя, предвижу, эта мысль может вызвать у скептиков улыбку. Но это было именно так. Причем область помогала округу, а округ максимально помогал области.

Да и лично сам я обязан Виктору Федоровичу за товарищескую поддержку, когда церберы Пельше хотели учинить надо мной расправу. Но об этом еще поговорим подробно.

На мой взгляд, именно такой деятель, как В. Ф. Добрик, мог справиться с теми сложными проблемами, которые имелись в Западной Украине. И приходится только сожалеть, что Киев этого недопонимал. И свое недопонимание прививал Москве. А это в итоге вылилось в неудачное и несправедливое решение о переводе Добрика в Москву.

Со временем жизнь в округе приобрела бурлящий характер, но с четкими и ясными целями и планами. По мере наращивания материальной базы солдаты и офицеры реально ощущали на себе эти блага и, конечно, к своему долгу относились с высокой ответственностью. Любые мероприятия, и особенно занятия по боевой подготовке, готовились капитально и проводились интересно.

Действительно, мы старались, чтобы солдат был заинтересован в службе и видел, что в армии он развивается гармонично, и это не только его священный долг — он становился лично заинтересованным в прохождении такой школы. Солдат получал достаточную политическую, морально-психологическую, техническую и физическую подготовку. Что касается физической подготовки, то солдат не ограничивался ежедневной утренней физической зарядкой, двумя или тремя специальными занятиями по этой дисциплине (в основном гимнастика и легкая атлетика), кроссами и марш-бросками на занятиях по тактике. Каждую свободную минуту, особенно после занятий, он буквально «сидел» на гимнастических снарядах в спортивном городке или в спортзале — «накачивал» себя. В военных городках мы устроили площадки для различных спортивных игр — в свободное время они всегда были заполнены солдатами и офицерами. А в выходные дни у нас, как правило,

проходили спортивные праздники.

Конечно, побыв в таких условиях два года, молодой человек преображался, приобретал прочные морально-политические устои. После службы в армии он мог идти твердой поступью по жизни. Кстати, для желающих поступать в вузы мы организовали при частях соответствующие курсы в последние три месяца службы по подготовке к вступительным экзаменам. Поэтому вполне понятна заинтересованность солдат в своей службе.

В связи со сложной демографической ситуацией в стране, что являлось последствиями войны, для Вооруженных Сил недоставало призывного контингента. И если прежде в армию был строгий отбор и призывников брали только с положительными параметрами, то уже в 60-х и особенно в 70-х годах на службу начали призывать и тех, кто имел судимость, находился в заключении. Естественно, вместе с ними в армию стали просачиваться и совершенно неслыханные раньше и не свойственные, чуждые нашим Вооруженным Силам негативы. Начала появляться «дедовщина» — молодые люди, отбывшие срок наказания и насмотревшись за эти годы на тюремные нравы, начали кое-что внедрять в солдатских казармах. Попав в благоприятную армейскую среду, эти бывалые парни своими залихватскими рассказами о том, что было (а еще больше о том, чего вовсе не было!), быстро зарабатывали среди безусых юнцов авторитет. Со временем их признавали «дедами» (они и по возрасту, как правило, были старше остальных на 5–7 лет). А раз это «дед», то на него новобранцы должны работать — чистить сапоги, стирать обмундирование, убирать постель и т. д. В столовой он брал для себя лучший кусок и столько, сколько хотел. Если кто роптал — получал подзатыльники. Дальше — больше и хуже. Некоторые «деды» создавали вокруг себя, так сказать, актив, который играл роль надсмотрщиков. Сюда же втягивались сержанты. Под видом укрепления воинской дисциплины они втирались в доверие к офицерам, а сами творили свои неприглядные дела.

Застрахованными от этой беды оказались только Ракетные войска стратегического назначения и некоторые другие соединения и части, имеющие отношение к ядерному оружию или к выполнению специальных задач.

Коснулось это несчастье и Прикарпатского военного округа. Но нам удалось эту болезнь пресечь в зародыше. И в этом большая заслуга принадлежит штабу округа, которым руководил генерал-лейтенант Виктор Яковлевич Аболинс, и Политуправлению округа под руководством генерал-лейтенанта Павла Васильевича Фомичева. Инициатором всей этой работы

стал В. Я. Аболинс. Как-то на заседании Военного совета Виктор Яковлевич поднял вопрос о том, что в составе призывников значительная часть ребят тяжело поражена лагерной психологией, поэтому необходимо как можно скорее принять действенные меры и пресечь распространение этой «заразы» в зародыше. В течение нескольких дней я встречался со многими офицерами командования полков и дивизий и после откровенных бесед с ними понял, что дело обстоит действительно серьезно и таит в себе исключительную опасность. Сразу же был оперативно разработан план действий и в каждой дивизии и бригаде силами членов Военного совета округа проведено специальное совещание офицеров. То есть основные усилия офицерского состава мы сосредоточили именно на этом направлении. Необходимо было вокруг каждого «неблагополучного» солдата создавать «благополучную» зону, которая бы влияла на него, а не наоборот. Конечно, во всей этой работе потребовалось сделать многое, в том числе переместить военнослужащих из одного подразделения в другое, а кое-кого и в другую часть, и даже судить (в течение нескольких месяцев — семь человек). Суды были показательные для всего личного состава соответствующего гарнизона. Это нас не украшало, но в отношении этих лиц иного выхода не было. Результаты судов были предметом многократной подробной информации для всего личного состава. Было сказано прямо: невзирая ни на что, порядок в частях должен быть уставной, а личный состав должен уверенно и спокойно нести службу. И мы этого добились. Обстановка постепенно нормализовалась. Больше того, у нас были такие полки, в которых годами вообще не было происшествий. Например, 7-й мотострелковый полк, которым командовал подполковник Э. Воробьев — ныне генерал-полковник, депутат Государственной Думы РФ. Выходцем из этого же полка является и генерал-полковник И. Пузанов — ныне заместитель министра обороны РФ. Да и вообще 24-я «Железная» мотострелковая дивизия, которой командовал К. Кочетов (ныне генерал армии), выгодно отличалась от других, в том числе и по состоянию воинской дисциплины. У нее за год бывало не больше пяти-семи происшествий, и те в основном относились к несчастным случаям (дорожные аварии и т. п.). Остальные развернутые дивизии по своим показателям не очень отставали от «Железной» дивизии, а сокращенные соединения, естественно, имели происшествий в два раза меньше, но в процентном отношении к количеству личного состава — в три раза больше. И в целом по округу картина была довольно приличной. Мы считали, и об этом говорилось на Военном совете округа, что наш округ, как и все военные округа европейской части Союза, а также

Групп советских войск, находящихся в странах Восточной Европы, должны быть образцовыми. Ведь и природно-климатическое расположение, и размещение войск в экономически развитых районах и высококультурных центрах объективно создают для этого все условия.

1974-й год для меня лично кроме всего прочего был примечателен неординарной поездкой за рубеж. Вышло так, что в Венгрию с официальным визитом направлялась военная делегация Советского Союза. Ее возглавлял министр обороны А. А. Гречко. В ее состав были включены: начальник Главного политического управления А. А. Епишев, Главнокомандующий ВВС П. С. Кутахов, первый заместитель начальника Генерального штаба Н. В. Огарков и командующий войсками Прикарпатского военного округа — автор этих строк. У читателя может возникнуть вопрос: то, что в делегацию входили министр, начальник Главпура, Главком ВВС и первый заместитель начальника Генштаба, понятно, но при чем здесь командующий войсками округа?

А смысл в этом был большой. Прикарпатский военный округ граничит непосредственно с рядом стран Восточной Европы — Польшей, Чехословакией, Венгрией и поэтому без всяких специальных планов и указаний должен быть всегда готов выполнить те обязательства, которые взяло на себя наше государство в отношении этих стран. Следовательно, я обязан, во-первых, хорошо знать эти страны и быть лично знакомым с их руководством (как и наоборот); а во-вторых, через Генеральный штаб Вооруженных Сил и штаб Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора должен организовывать необходимые мероприятия, направленные на сближение наших армий (а следовательно, и кадров), на обеспечение необходимого взаимодействия при обострении ситуации. А во времена «холодной войны» и конфронтации все это имело первостепенное значение.

Что касается поездки в Венгрию, то А. А. Гречко включил меня в свою команду, чтобы показать (вот, мол, он с мощным округом стоит рядом, поэтому у всех у вас должно быть спокойно на душе) и чтобы я поприсутствовал при деловых государственных разговорах, врастал бы в обстановку не понаслышке, а находясь в ней непосредственно.

Для этой поездки меня вызвали в Москву, откуда вся военная делегация вылетела на самолете министра обороны. Мы с Николаем Васильевичем Огарковым уютно устроились в одном из салонов и мирно беседовали на различные темы, но в основном касались проблем Венгрии. Николай Васильевич меня просвещал.

Оказывается, венгерская контрреволюция (естественно, как и везде, поддерживаемая ЦРУ США) не успокоилась после событий 1956 года. И несмотря на то что было совместное решение о создании Южной группы Советских войск на территории Венгрии (по статусу она во внутренние дела Венгерской Народной Республики не вмешивается), которой в период нашего пребывания командовал генерал-полковник Борис Петрович Иванов, американские спецслужбы продолжали «подогревать» антинародные элементы и науськивать их на народную власть и коммунистов. Она запустила свои щупальцы даже в верхние эшелоны власти, где создавалась, естественно, за деньги, группировка недовольных Яношем Кадаром.

Николай Васильевич очень хорошо знал обстановку в этой стране. Он не только разложил по полочкам политические силы Венгрии, но и с конкретными цифрами обрисовал экономику и социальную сферу. Экономика в целом занимала положительные позиции, налицо был ее рост, следовательно, поднималась доходная часть и улучшалось благосостояние народа. Однако определенные силы в обществе, имея своих лоббистов в парламенте и правительстве Венгрии, добивались того, чтобы передать (или вернуть прежним хозяевам) в частные руки крупные предприятия страны. Кадар пока сдерживал эти силы, балансируя между различными группировками и не желая обострения ситуации. Но тучи сгущались все больше. В связи с этим наше руководство по договоренности с Я. Кадаром приняло решение о направлении в Венгрию нескольких делегаций, в том числе военную.

Программа нашего пребывания предусматривала официальную часть и неофициальную. По официальной линии были встречи с руководством Венгерской Народной Республики, руководством Министерства обороны, посещение воинских частей и военно-промышленных предприятий, присутствие на тактических учениях, танковых и артиллерийских стрельбах, на полетах авиации. А неофициальная часть включала посещение нескольких частных магазинов и хозяйств.

На всех официальных мероприятиях присутствовала вся делегация во главе с министром обороны. Надо сказать, что учения, различного рода стрельбы и полеты боевой авиации, мало чем отличались от наших. Техника и вооружение были одинаковы, военные академии офицеры венгерской армии в основном заканчивали в Советском Союзе, поэтому методы, способы, тактика их применения были аналогичны нашим, как, собственно говоря, и производство боевой техники и вооружения. Поэтому автор полагает, что особого интереса для читателя эта

часть визита не представляет. А вот о встречах с руководством республики как раз и надо рассказать.

В первый же день приезда всю нашу делегацию принял Янош Кадар. Нас (во всяком случае меня) удивило то, что здание, где располагалось руководство страны, в сравнении с другими в Будапеште, было, мягко говоря, далеко не выдающимся. А внутренний дизайн был строг и экономичен, без ультра, экстра и супер. Но все весьма культурно, чисто и удобно. Ничего кричащего и в кабинете Кадара — рабочий стол с телефонами и стол для заседаний (за ним же принимали и гостей).

После приветливой встречи, общих дежурных слов и сразу после того, как нам принесли кофе, А. А. Гречко перешел к делу. Он попросил Яноша Кадара рассказать подробно об обстановке, что он намерен делать и что требуется от Советского Союза. Венгерский лидер подробно и весьма популярно раскрыл сложившуюся ситуацию, называя фамилии, факты, показывая динамику негативных явлений. Он сказал, что в первые 3–5 лет после событий 1956 года развитие народного хозяйства быстро пошло вверх, народ на глазах стал жить все лучше и лучше. Вполне понятно, что Венгерская Социалистическая Рабочая партия (ВСРП) пошла по пути все большей демократизации. Но, видно, уже вторично проявила близорукость и не отделила те устремления, которые действительно могли повести общество по демократическому пути, от тех, которые, под прикрытием популярных фраз о демократизации и свободе, фактически вели к разрушению социализма. Отечественный Народный фронт, который объединял много различных политических и общественных организаций (ВСРП стояла во главе его) был, к сожалению, базой контрреволюционных элементов.

Отсюда все чаще раздавались голоса возмущения проводимым в стране курсом. Именно этот Фронт организовывал саботаж на многих предприятиях страны и провоцировал недовольство народа появившимися трудностями. Отечественный Народный фронт способствовал искусственному обесцениванию форинта (денежная единица ВНР) и все настойчивее требовал максимально сократить государственный сектор в промышленности.

Во время этого рассказа Андрей Антонович постоянно задавал вопросы, которые позволяли Кадару лучше высветить для нас обстановку в стране. В ходе беседы пунктирно пробивалась линия, что и председатель Венгерского правительства Штроугал не только не занимает принципиальной позиции и не поддерживает активно Яноша Кадара, но даже в некоторых случаях действует против. Гречко попросил Кадара пригласить

Штроугала на встречу. Буквально через три-четыре минуты тот уже был в кабинете. Со всеми персонально поздоровался и сел по правую руку от Кадара. Последний проинформировал его: «Я рассказал об обстановке, а наши друзья интересуются — чем может Советский Союз помочь». Но Гречко добавил: «А с приходом председателя правительства, конечно, хотелось бы выяснить — чем объясняется опять возвращающееся напряжение в обществе».

Штроугал — личность интересная. В то время он был относительно молодым (пожалуй, самый молодой председатель правительства среди руководителей стран социалистического содружества). Весьма энергичный, компетентный, толковый организатор. Человек с напором. На фоне либерально-демократического характера Кадара он выглядел значительно тверже. Старался быть независимым, самостоятельным председателем правительства. Демонстрировал, что ему и Кадар не указ, и парламент — не закон. Тем самым привлекал к себе значительные слои общества разной политической окраски. Разумеется, липла к нему и публика, находящаяся в услужении у ЦРУ (естественно, третьи лица пока). Анализируя же его деятельность, было сложно провести политический водораздел: где он за социализм, а где — за капитализм и, наконец, где он откровенный противник социалистических преобразований. Для нас он был деятелем, стоящим за капиталистический социализм, а для Запада — стоящим в целом за социалистический капитализм. Хотя, на мой взгляд, это одно и то же — капитализм, но в разной накидке.

Обмениваясь с Николаем Васильевичем мнением в отношении Штроугала, я понял, что Огарков не мог однозначно оценить эту фигуру. Он прямо говорил, что нам нельзя шаблонно со своими мерками влезать в какую-либо страну, а тем более в Венгрию. Революционные преобразования в Венгрии, которые имели место после Второй мировой войны, коснулись только крупного капитала. Национализированы были только банки, промышленность, железнодорожный, автомобильный, воздушный и водный транспорт (кроме частных такси), частично сельское хозяйство и внешняя торговля. Поэтому частный сектор существует, и они его не трогают. Только одни считают, что этот сектор надо ограничивать существующими рамками, а другие хотели бы максимально расширить этим рамки, т. е. вернуться к капитализму в широком общегосударственном плане. «И неспроста, — заметил Огарков, — венгры включили в нашу программу посещение объектов частной собственности. Это сделано для того, чтобы мы восприняли их жизнь такой, как она

есть».

С приходом Штроугала беседа приобрела более динамичный характер. Гречко, умеренно «подавливая» на Кадара и Штроугала, вынуждал их согласиться с тем, что расширять частный сектор собственности нельзя. В свою очередь Штроугал просил, чтобы Советский Союз шире представил свой рынок для венгерской продукции, особенно машиностроения, химической, нефтехимической, фармакологической промышленности. Отдельно ходатайствовал за сельское хозяйство.

— У нас экспортируется около 30 процентов сельскохозяйственной продукции, что составляет большую долю в наполнении бюджета страны. Около половины нашего экспорта идет на рынок Советского Союза. Однако, хотя у нас и есть соглашения на этот счет, вы часто не готовы принять нашу продукцию. Наконец, чтобы как-то прикрыть свои «дыры» и тем самым снять недовольство общества нашим строем, нам нужны кредиты, — говорил Штроугал.

Приблизительно часа через полтора Штроугал вынужден был откланяться, так как у него было назначено заседание правительства. Однако, уходя, он выразил надежду, что ему «еще представится возможность поговорить с маршалом Советского Союза Гречко».

Мы посидели у Кадара еще минут тридцать, потом начали благодарить его за встречу и прощаться. Уже перед выходом из кабинета Андрей Антонович говорит Кадару:

— Янош, ты не переживай. Знай, что мы никогда не дади м Венгрию и тебя лично в обиду. Никому не нужно повторение 1956-го года.

Прошло столько лет с тех пор, как были сказаны эти слова, однако в моей памяти они звучат так, будто это было только вчера. Но как всё преобразилось за эти годы. Ленин говорил: «В революцию играть нельзя». Очень верно сказано. Но верно и другое — нельзя ее навязывать насильно или заставлять общество принимать то, к чему оно не готово или что противоречит его интересам и сложившемуся укладу.

После визита к руководству Венгрии у нас все шло по протоколу, т. е. наша программа была наполнена военными мероприятиями. Кстати, кроме ранее перечисленного, было также посещение воинских частей, строевой смотр одного мотострелкового полка и прохождение его торжественным маршем. Это действительно выглядело очень торжественно и по-военному красиво. Венгры любят это и умеют делать и показывать со вкусом. Сопровождавший постоянно нашу делегацию министр обороны Венгерской Народной Республики генерал армии Лайош

Цинеге не скрывал своей гордости за подчиненные ему войска.

В субботу мы вылетали в Москву, а накануне, т. е. в последний день нашего пребывания в Венгрии, А. А. Гречко наедине встречался с Кадаром и Штроугалом, а также отдельно с министром обороны ВНР генералом Цинеге. Остальные же члены делегации побывали у двух фермеров и в одной частной городской булочной.

Буквально в десяти километрах от Будапешта есть деревушка, где живут фермеры, которые производят мясо, в основном свинину. Все, с кем мы встречались, приветливо здоровались, кланялись, старались подойти, заговорить. Дело в другом — у крестьянина-фермера, всей его семьи все расписано по минутам, на все дни недели, в том числе и на воскресенье. Правда, в воскресенье непосредственно в хозяйстве мероприятий меньше — нет забоя, обработки туш, копчения, заготовки полуфабрикатов — фарша, отбивных и т. д. Но зато в этот день половина семьи уезжает в город на рынок торговать. Кроме того, здесь существует поверие, будто раскрывать свои секреты ведения хозяйства посторонним не надо — не повезет. И лишь крайне уверенные в себе могут согласиться на такую встречу. Кстати, такие достигают другой цели — хорошей рекламы своей продукции.

Оба хозяйства, которые мы посмотрели, располагаются под одной крышей. Большой, длинный одноэтажный дом: лицевая сторона — 10 метров и 16 метров в глубину во двор. Здание разделено вдоль на две равные части. В каждой по пять комнат: большая гостиная, большая кухня-столовая и три маленькие спальни. К тыльному торцу дома, тоже из кирпича, сделана производственная пристройка, куда можно попасть прямо из дома или со двора. В этой пристройке у каждого хозяина по 60–70 крупных свиней, которых они забивают по особому графику. Убойный пункт и место разделки туш и приготовления мяса к продаже (так сказать, цеха) находятся между жилым домом и свинарником. Все — общего пользования. Но непосредственно за свинарниками, точнее за животными, ухаживают раздельно две семьи. Так же, как и за птицей. Куры, гуси, индюшки разместились в больших клетках-вольерах. Молочных поросят фермеры сортируют: крупных оставляют себе, а что помельче — продают живыми или забивают и сдают в рестораны, с которыми у них есть договора. При усадьбе 0,8 га отведено под огород, сад и виноградник — это только для себя, и тоже разделено пополам. Кроме того, имеют небольшое, в два гектара поле, где выращивают в основном кукурузу для свиней и птицы и немного овса. Держат одну лошадь на двоих, а коровы нет — молоко и молочные продукты берут в своем деревенском магазинчике, куда

продают свою продукцию крестьяне этой же деревни. Однако хоть под одной крышей и два хозяина (и у каждого свое хозяйство), но это фактически родня. В одной половине дома живут отец, мать (обоим за 50 лет), сын с женой (около 30 лет каждому) и два внука 10-ти и 12-ти лет. Во второй половине — старший сын с женой, тещей, 16-летней дочерью и 13-летним сыном. Все без исключения трудятся — встают до восхода солнца, а в 9–10 вечера все уже в постели. В общей системе труда менее всего загружена дочь. Она — невеста и не должна огрубеть до появления семьи.

У обеих семей в общем пользовании имеется техника: маленький трактор с набором различных прицепных сельскохозяйственных орудий (плуг, борона, сеялка, культиватор, косилка и т. д.); старый легковой автомобиль «Мерседес» с дизельным двигателем, прицеп к нему; траворезка — готовит траву в пищу для всех видов животных. Во дворе у каждого отдельно стоит амбар для зерна, сена, сельскохозяйственного инвентаря. Там же и вход в подвал, где хранятся: вино — в одной стороне, а соления и копчения — в другой.

Обе семьи, конечно, оказывают друг другу помощь. Но самое поразительное то, что этот труд вошел в традицию, стал обычным. Однако он совершенно не оставляет времени для пищи духовной. А дети? Да, они ходят в школу, учатся. Но взрослые дети встают вместе с родителями и многое делают по хозяйству, прежде чем идти в школу (так же и по возвращении с занятий). Конечно, трудиться в коллективном хозяйстве, на мой взгляд, значительно легче и оно не подвержено испытаниям судьбы. Даже в период нашего посещения все действовали, как роботы, хотя и улыбались нам, но ни на минуту не отвлекались от работы. Лишь хозяин позволил себе это. Он рассказывал нам все подробно, степенно и с гордостью. Но при этом успевал чем-то кому-то помочь. А если учесть, что хозяин и хозяйка одновременно являются и зоотехниками, и ветеринарами, и акушерами, и агрономами, то можно себе представить, насколько непроста жизнь фермера.

У второй семьи схема жизни и работы такая же.

Я подробно описал все это из двух соображений: во-первых, показать читателю, что уже тогда у меня было полное представление о фермерском, специализированном на производстве мяса хозяйстве и, во-вторых, как бы кто меня ни убеждал в преимуществе частного хозяйства в сравнении с коллективным, — я никогда в это не поверю.

Конечно, всё, что фермер произвел, — это всё его (минус, конечно, налог). Может, это и большая прибыль. Но, как говорят в

народе, не в деньгах счастье. Хотя вообще без денег в современной жизни — это погибель. Однако адский труд во имя денег для современного человека не может быть приемлемым — сегодня человеку нужна и духовность, а для этого необходимо время.

Во время посещения фермерского хозяйства был еще один любопытный момент. Не приглашая к столу, хозяин прямо во дворе разлил по стаканам свое лучшее вино и угостил нас перед прощанием. Вино было действительно прелесть — приблизительно как наш кагор. А не организовал он даже маленького застолья не потому, что жадничал. Отнюдь. Причиной опять-таки является время — надо было потратить минимум еще час.

Дальше — булочная. Расположена она в большом доме — не в центре города, но в людном месте. Держит ее семья: хозяин, хозяйка, две дочери (одна из них замужем) и зять. Пять взрослых человек. Правда, младшая дочь еще ходит в гимназию.

Булочная досталась хозяину по наследству от отца, который имел в городе несколько таких магазинчиков. Кроме небольшого уютного зала, где шла продажа хлебно-булочных изделий, в булочной имеется и само производство: цеха подготовки теста и выпечки, хранения продукции, кондитерский, а также склад для хранения муки, располагавшийся в обычной комнате. Наконец, маленькая конторка. У магазина два выхода — центральный и со двора. Хозяин живет в этом же доме над магазином.

Труд у этой семьи не менее напряженный, чем у фермеров. Магазин открывается в 7 утра и закрывается в 21 час. Два раза в сутки идет выпечка: к открытию, когда рабочие и служащие торопятся на работу, и к 17 часам вечера, когда они возвращаются домой. Кроме того, магазинчик поставляет хлеб, булки и кондитерские изделия в ближайшие кафе и ресторанчики. Поскольку посетители фактически одни и те же, то спрос практически стабильный, а следовательно, и расчеты все уже апробированы. Мы поинтересовались — нанимает ли хозяин рабочую силу. Он ответил отрицательно, но сказал, что у него есть постоянный договор с экспедитором, который имеет собственный автомобиль-пикап, приспособленный для перевозки хлебопродуктов. Вместе со своим зятем он развозит их продукцию по тем кафе и ресторанам, с которыми у них заключены договоры. Хозяин булочной платит экспедитору. А в булочной работает только его семья.

Вот такие были у нас «университеты» по части некоторого познания частного сектора в Венгрии. Разумеется, опыт венгров мы воспринимали по-разному. Но главные дискуссии

относительно увиденного у нас развернулись, когда мы прибыли в гостиницу, где должны были пообедать. Однако еще до обеда начались нешуточные столкновения.

Дело в том, что когда мы были у фермеров, то уже тогда Алексей Алексеевич Епишев начал ворчать. Мол, частная собственность в любой форме порождает у человека эгоизм и стяжательство, стремление к постоянной наживе любым путем, в том числе и за счет эксплуатации рабочей силы и т. д. Павел Степанович Кутахов всё его уговаривал, чтобы он помалкивал, находясь в гостях. Вот когда уедем — тогда и поговорим.

И вот, наконец, открылась возможность «выпустить пар».

— Я никогда не соглашусь с тем, что можно построить социализм, имея в стране частную собственность, — выпалил Епишев.

— Ну и не соглашайся! Никому от этого ни холодно, ни жарко, — вступил в дискуссию Кутахов. — Ты вот считаешь, что нельзя в этих условиях построить социализм, а венгры утверждают, что можно. И я с ними согласен.

— Нет, ты посмотри на него! — обратился Алексей Алексеевич в поисках поддержки к Огаркову. — Социализм не может быть венгерским, советским или армянским. Социализм существует один.

— Алексей Алексеевич, — деликатничал Огарков, — а ведь Павел Степанович прав.

— Вот как?! И ты туда же? А как же марксизм-ленинизм? Чему вас только в академиях учили? Валентин Иванович, ты недавно учился, скажи, чему в академии учили?

— Диалектическому подходу к любым явлениям, — ответил я.

— Вот именно, — подхватил Кутахов, — ди-а-лек-ти-ческому! А не начетническому. Вот в Венгрии и во всех других странах Восточной Европы есть такая форма собственности, какую мы только что видели. Это факт. Она завоевала свое место под солнцем и никакой угрозы социалистическому строительству не представляет.

Что тут началось! Алексей Алексеевич покраснел, глаза налились кровью, как у быка. Разбрызгивая слюну и не умолкая, он прочитал целую лекцию и закончил уничижительно:

— Если б только видел Ленин, в каких обывателей превратились советские военные кадры даже такой категории, как вы!

— При чем здесь Ленин? — не унимался Павел Степанович. — А если уж говорить о Ленине, то тебе не надо забывать его НЭП. Ведь благодаря этой политике, позволившей в

условиях полной разрухи как-то оживить экономику, удалось улучшить жизнь народа.

— Ты же сам говоришь: НЭП вводилась, чтобы оживить экономику, но не стать ее основным курсом. И Ленин шел на НЭП как на временную меру.

— Верно. Именно так он и заявлял: «Мы вынуждены временно…» и т. д. Но это еще не значит, что если бы он остался жив, то эта политика не получила бы своего развития. Верно говорит Валентин Иванович — нас в академиях учили диалектике, творчески подходить к оценке обстановки. Это истинный ленинизм.

Неизвестно, какую форму приняла бы дискуссия, если бы не приехал министр обороны.

— О чем спор? — спросил с порога.

Епишев и Кутахов кратко рассказали суть противоречий. Гречко сказал, как отрезал:

— Это их дело. Главное, чтобы в сферу частной собственности не попали основные рычаги экономики, от которых зависит все.

После обеда уехали в штаб Южной Группы Советских войск. Были хорошие, теплые встречи. Нашего министра действительно искренне и глубоко уважали. Наблюдать его искренние, сердечные беседы было приятно. А наутро мы уже были на пути в Москву. В самолете царила тишина. Министр обороны со своим помощником разбирал какие-то документы. Епишев и Кутахов сидели в другом купе и молчали. А мы с Николаем Васильевичем Огарковым заняли свое прежнее место. Он прикрыл глаза и, на мой взгляд, притворялся, что дремлет: видимо, хотел побыть наедине со своими мыслями. Это полностью совпадало и с моим желанием кое-что проанализировать.

Странное дело: пока не стал командиром полка, а затем командиром дивизии, я почти никогда не задумывался над конкретными государственными проблемами. Разумеется, я всегда был в курсе основных событий, происходивших в стране. Имея свое мнение, твердо отстаивал его. Например, восхищался нашими новыми победами в космосе. А они были, да еще какие! Запуск на Луну нашей автоматической станции и мягкая посадка аппарата; «высадка» нашего лунохода, управляемого с Земли; возвращение с Луны на Землю нашей автоматической станции с образцами забранного им на Луне грунта; мягкая посадка на поверхность Венеры нашего аппарата с научной аппаратурой, который был доставлен автоматической межпланетной станцией «Венера-8» (пролетела 300 млн. километров за 117 суток); передача на Землю — впервые в мире! — данных об атмосфере

Марса, полученных нами с аппарата, который был доставлен автоматической станцией «Марс-6», и т. п. Это вызывало восхищение, гордость. Эти же чувства я испытывал, находясь на высоких должностях. Сегодня все это вообще звучит как сказка.

Особое впечатление на весь мир произвел выход в открытый космос А. А. Леонова. Разумеется, мы гордились и созданием промышленных гигантов и гидроэлектростанций, хотя уже тогда, несмотря на отсутствие опыта масштабного взгляда на явления, закрадывались сомнения в необходимости именно таких гигантских сооружений.

Но мы тревожились за периодическое напряжение в мире (разведывательный самолет США «У-2», Карибский кризис) и радовались принятию различных международных договоров, смягчающих напряжение. Естественно, мы неловко себя чувствовали, когда на XXII съезде КПСС по настоянию Хрущева была принята новая Программа КПСС, в которой было записано, что к 1980 году Советский Союз должен был завершить построение коммунизма. И еще большую неловкость мы испытывали, когда Хрущев выступал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Зато облегченно вздохнули, когда его все-таки отстранили от должности. Обо всех этих событиях я судил тогда все-таки еще на уровне обывателя. Но, став командармом, тем более командующим войсками округа и являясь депутатом Верховного Совета вначале РСФСР, а затем — СССР, я уже размышлял по-другому. Это естественно, с годами приходит и опыт, и мудрость, повышается ответственность перед избирателями. Да и сама обстановка вынуждает прибегать к анализу, выводам, обобщениям.

Вот и сейчас ситуация требовала от меня четко определиться: как я смотрю на все увиденное и какие делаю для себя выводы с учетом дискуссии наших товарищей. Моя позиция была однозначной. Повышение жизненного уровня народа должно проходить с учетом интересов всех слоев населения, но в первую очередь тех, кто лично занят производством материальных благ, и тех, кто их готовит к этому созиданию (учитель), кто поддерживает и сохраняет его физическое здоровье (врач) и высокую духовность, а также обеспечивает защиту Отечества. А если должны быть учтены интересы всех слоев общества, то и навязывать ему какие-то свои формулы (например, взгляды Епишева) по меньшей мере неуместно. Взглядом окидывая эту проблему глобально, мы должны и де-юре, и де-факто признать, что в Венгрии, как и в остальных странах Восточной Европы, сложилась вот такая ситуация с частной собственностью. Пласт людей — мелких собственников составляет значительную часть

народа. Они не желают другого способа производства, и с этим надо считаться. Следовательно, они должны идти на равных с государственными и коллективными (ассоциациями) предприятиями, не получая никаких преимуществ, но и не угнетаясь государством. А так как эта категория все-таки является побочной в общегосударственной структуре, то и опасности она для власти не представляет. Но если будет притесняться — стабильность в обществе может быть нарушена, потому что связи в обществе так переплетены и так устоялись, что стоит «порвать «одну только ниточку, как и все остальные нити ослабнут.

Другое дело, что происки спецслужб Запада будут, конечно, направлены на дестабилизацию обстановки. Но это уже другой вопрос. Эта сфера полностью относится к органам государственной безопасности.

Надо заметить, что и для Западной Украины (Львов, Закарпатье, Буковина) тоже были характерны эти черты, хоть и в меньшей степени. Но различные ремесла очень распространены. Например, портновское ремесло, художественное, кузнечное, резьба по дереву, чеканка и т. д. Они укоренились с незапамятных времен. И совершенно не препятствовали становлению социалистического строя на западе Украины, когда пришел 1939-й год. Эти и другие ремесла процветали там, когда мне довелось служить в Прикарпатском военном округе. Изделия местных мастеров замечательно украсили наши офицерские и солдатские клубы, кафе, спортивные комплексы, ленинские комнаты, казармы, столовые, санатории и вообще различные общественные места. Эти мастера были гордостью края. У них были простенькие мастерские, где, как правило, трудились семьями. Поэтому ни у кого не возникало и мысли о ликвидации этого вида собственности. Благо первые секретари обкомов партий все это правильно понимали и даже приветствовали их существование и деятельность. А что касается В. Добрика (Львов) и В. Дикусорова (Черновцы), то они даже стимулировали процветание ремесел. И, конечно, правильно делали. Хотя иногда «законники» из прокуратуры портили отдельным людям жизнь. А иногда и большим коллективам.

Например, подо Львовом у одного колхоза была большая птицеферма, где производилась разделка куриных тушек, включая и отделение потрошков (печень, сердце, шейка и т. д.). Последние измельчались вместе с пером, в эту массу добавлялось зерно или отруби, и все это шло на корм для птицы. Но колхоз решил потрошки на корм не пускать, а обрабатывать их, варить и консервировать. Эффект получился прекрасный. Стеклянные пол-литровые баночки с застывшими в желеобразной массе-соусе

(типа холодца) потрошками по крайне дешевой цене шли нарасхват. Чем дальше — тем больше спрос. А какое облегчение для хозяйки! Это готовое и первое, и второе, да и просто закуска. В тех магазинах, где колхоз реализовывал продукцию, покупатели первым делом спрашивали: «Потрошки есть?»

И вдруг на колхоз обрушилась прокуратура. Вместо того чтобы заставить правление привести всё в существующие нормы и дать производству потрошков зеленую улицу, служители фемиды все разгромили, закрыли, а колхоз оштрафовали. Львовяне остались без потрошков, а колхозники — с убытком — ведь была построена специальная линия, сделаны затраты, и вот все лопнуло.

Здесь речь шла о колхозной, коллективной собственности. А вот еще более крупный пример, о чем красочно и, естественно, с возмущением Владимир Васильевич Щербицкий рассказал на одном из пленумов ЦК Компартии Украины:

— У нас на Украине сложилась плохая обстановка с производством некоторых культур земледелия. В частности лука и чеснока. Многие крупные города остались без этого вида продукции из-за того, что колхозам и крестьянам невыгодно их производить. Руководители стали принимать меры. А в это время в один из колхозов Полтавщины приехала солидная группа корейцев и предложила дать им в аренду участок земли для производства лука и чеснока. Колхоз назвал им контрольные цифры (заломил, конечно, максимально в свою пользу): сколько корейцы должны произвести лука и чеснока, по какой цене они сдают это колхозу и как рассчитываются за аренду. По этим расчетам корейцы получали минимальную прибыль. Арендаторы согласились, но поставили и свои условия: всё, что будет произведено сверх этих цифр, они имеют право продавать самостоятельно. Колхоз тоже, конечно, согласился, понимая, что произвести то количество, которое было названо, — это на грани фантастики. И что вы думаете? Корейцы сняли урожай в два раза больше, чем им запланировали.

В итоге мы обеспечили буквально все города луком и чесноком, колхоз и корейцы получили солидную прибыль. Все были довольны. Недовольна была лишь прокуратура. Она усмотрела в этой сделке нарушения, разогнала корейцев, отобрав у них выручку, и через суд оштрафовала колхоз. Кому же от этих действий стало хуже? Всем людям. Мы опять остались со старыми проблемами. Может, только этот колхоз (если там не спали) перенял хоть толику их культуры земледелия и сможет самостоятельно частично произвести то, что делали арендаторы — может, это как-то компенсирует этот странный итог.

Эта информация несла в себе многое. Но в том числе и то, что к частному сектору никогда нельзя подходить формально. Если его деятельность приносит пользу обществу, а тем более если она крайне необходима, то к ней надо подходить внимательно и заботливо.

Размышляя обо всем этом, я, конечно, вспоминал и свои действия, свою предприимчивость, направленную на благо людей. Верно говорил Павел Степанович Кутахов, что еще не известно, какую направленность приняла бы наша экономика, если бы Владимир Ильич был в здравии хотя бы 10–15 лет.

Что же касается Главпура в лице его начальника Алексея Алексеевича Епишева, то он всех нас (уверен, и министра обороны) не просто удивил, но даже огорчил. Огорчил своей зашоренностью, схоластическим отношением к марксизму-ленинизму и полным отсутствием элементарной логики, не говоря уже о диалектическом материализме. Ведь всё лежит на поверхности, а он этого «не видит»! С другой стороны, он совершенно безразличен к личным судьбам людей. Когда мне рассказывали об этом, я первоначально ничего не воспринимал, полагая, что это просто навет. Но летом 1975 года я испытал его равнодушие на себе лично. Просто удивительно! В одном человеке, который прожил жизнь и занимал огромный военно-политический пост, вдруг, как в фокусе, сошлись две противоположности — борец за чистый (я бы сказал — стерильный) социализм и до странности флегматичный начальник, для которого судьба человека ничего не значит. А ведь это же главный политработник армии и флота!

Вот с такими думами я прилетел в Москву на правительственный аэродром во Внуково-2. Здесь Андрея Антоновича встречали член Политбюро ЦК КПСС В. Гришин, кандидат в члены Политбюро Б. Пономарев и вся коллегия Министерства обороны, выстроенная в одну шеренгу (порядок должен быть во всем). Непосредственно у трапа Андрея Антоновича встретили В. Гришин и Б. Пономарев, остальные спустились и тоже поздоровались. Затем все направились к строю. Гречко с удовольствием жал каждому руку и отпускал какую-нибудь шутку. За ним шли все остальные. Я не знал, как мне лучше поступить: то ли ретироваться в сторону и стать за строй, то ли идти замыкающим, здороваясь со всей коллегией. Однако последнее, на мой взгляд, выглядело бы некорректно с моей стороны. Но тут кто-то подтолкнул меня, и я вынужден был пройти весь строй.

Здесь же на аэродроме Гречко коротко рассказал, что сделано в ходе визита, после чего все начали разъезжаться. Спросив

разрешения у министра обороны отправиться в округ, я надеялся сразу получить добро. Но он неожиданно остановился. Естественно, все тоже встали.

— Так мы же летели через Львов?! — воскликнул министр. — Павел Степанович, мы через Львов летели?

— Так точно, товарищ министр обороны, — подтвердил Кутахов.

— Что же ты мне не напомнил, что тебя надо было высадить? — обратился ко мне А. А. Гречко.

Несколько обескураженный, я помалкивал. Ведь знал же, что летим в Москву!

— Вот и получается, что мы его затащили в Москву. Сидоров, у нас в самолете парашют есть? — обратился министр к помощнику.

— Никак нет. Есть большой зонт. Он держит не хуже парашюта.

— Ну, вот. В следующий раз напоминай о себе, а сейчас разрешаю лететь во Львов, — «смилостивился» А. А. Гречко.

Министр и остальные попрощались со мною, после чего все уехали, а я остался. Ко мне подошел полковник из Генштаба и доложил, что получили приказ доставить меня на аэродром Чкаловский, где уже стоял наш самолет.

Через три часа я был во Львове.

Приобретя хороший темп в работе, — а к этому нас подтолкнул маршал Гречко еще осенью 1973 года, когда обязал провести учение с двумя армиями, — мы постоянно старались отыскивать пути совершенствования боевой готовности войск округа. Важнейшим разделом была боевая и политическая подготовка. Но не менее ответственным было поддержание должного уровня в мобилизационной подготовке. Всё-таки численность половины соединений округа была сокращенной. Например, численный состав дивизии был: мотострелковой развернутой — 12 тысяч, сокращенной 1700–2200; танковой развернутой— 10 тысяч, сокращенной — 3100. Весь же недостающий до полного штата личный состав в сокращенных соединениях надо было готовить капитально, чтобы каждое из них могло развернуться и полностью провести боевое слаженное учение в отведенное для этого время 3–5 суток.

Но полную готовность дивизий предопределяли не только солдаты и офицеры, приписанные к ним. Мы достаточно много получали от народного хозяйства автомобилей. Приписывались они к воинским частям и автоколоннам (в основном по 100 машин) — так сказать, россыпью, т. е. по две-три машины из различных предприятий. Однако же на дивизию в целом

«россыпью» получалось по 400 единиц. Это усложняло учет, проверку этих автомобилей, их получение и введение в строй той части, куда они предназначались.

В то же время военный округ первого разряда, — в том числе и ПрикВО, по разнарядке Генерального штаба Вооруженных Сил ежегодно получал 1800–2000 новых автомашин непосредственно с автозаводов. Они шли взамен тех, что по нормам выводились из эксплуатации и разбирались на запасные части или списывались в народное хозяйство после нашего участия в уборке урожая (со времен Хрущева участие Вооруженных Сил в этой деятельности, в отличие от всей мировой практики, приобрело уже постоянный характер).

Однажды, проанализировав и взвесив свои возможности, в том числе и ремонтного завода, начальник автомобильной службы округа генерал-лейтенант Василий Федорович Попов выходит на Военный совет округа с предложением: автомобильная служба округа обязуется улучшить техническое обеспечение машин, тем самым можно продлить срок их эксплуатации и уменьшить число автомобилей, списываемых в народное хозяйство после уборки урожая. Поэтому представляется возможность поступающие из промышленности новые автомобили ставить на хранение в части сокращенного состава вместо автомобилей, приписанных «россыпью». Водители, закрепленные за этими машинами, приписываются к части, изучают и поддерживают уже новые машины в должном порядке.

Военный совет округа поддержал это решение и определил для эксперимента 51-ю мотострелковую дивизию 13-й армии и 70-ю гвардейскую мотострелковую дивизию 38-й армии. В результате мы уже в 1974 году смогли одну дивизию обеспечить автомашинами полностью, вторую — на 50 процентов; выделили 600 автомобилей из полученных двух тысяч. После чего приписали водителей, ознакомили их с автомобилями (а во многих случаях они сами участвовали в постановке машин на хранение). Словом, опыт удался.

Понимая значение этой проблемы, я решил при первом удобном случае доложить Генеральному штабу о проделанной работе. Возможно, наш опыт будет приемлем для Вооруженных Сил в целом. Такой случай подвернулся уже в начале 1975 года.

Во времена Гречко существовала такая практика: командующий войсками округа, если у него накопились вопросы к центральному аппарату, мог с разрешения министра обороны выехать в Москву, чтобы уладить свои проблемы. Естественно, такое разрешение получил и я.

Как положено и по установившейся традиции (а я, конечно,

навел предварительно справку), первым делом я отправился к министру обороны. Доложил об обстановке в округе и на западе Украины, рассказал о широко развернувшейся у нас работе по совершенствованию материальной базы (перечислил дивизии, где реконструируются военные городки). И в заключение, как бы между прочим, сказал:

— Есть у округа одна проблема, решить которую без вашей помощи мы не можем.

Гречко поднял брови, как бы говоря: ну, выкладывай.

— У округа все есть, но нет выхода к морю, — сказал я.

— Что вы имеете в виду? — спросил министр.

— Многие европейские военные округа имеют на Черном море свои базы. Даже Ленинградский, хотя и стоит на Балтике, имеет в Ялте санаторий. А у Киевского — две базы в Крыму: санаторий «Жемчужина» и турбаза «Кичкинэ». Вот если бы нашему округу передали турбазу, мы были бы очень благодарны.

— Вообще-то логично, — задумался Андрей Антонович, — но мы, наверное, можем пойти по другому пути.

Тут же звонит недавно назначенному на должность заместителя министра обороны по строительству генерал-полковнику А. В. Геловани. Знаменитый строитель генерал армии А. Н. Комаровский в 1973 году скоропостижно скончался. Знаменитый потому, что он строил еще канал Москва—Волга и был его начальником. А в годы войны руководил Главным управлением оборонительных работ и даже командовал саперной армией. Был начальником Главпромстроя СССР и 10 лет заместителем министра обороны по строительству. Это благодаря ему были построены суперсовременные защищенные командные пункты управления государством и Вооруженными Силами. Это он обустроил все Ракетные войска стратегического назначения. Это он создал современную основу военно-морских баз и баз хранения ядерных боеприпасов. Это с его непосредственным участием решались все проблемы по созданию аэродромной сети для ВВС и ПВО страны. Я уж не говорю о строительстве в военных округах. Вообще за период его работы с Гречко театры военных действий преобразились. На смену ему пришел тоже очень опытный и талантливый строитель Арчил Викторович Геловани.

— Арчил Викторович, — начал министр, — в каком состоянии сейчас дача адмирала Исакова?.. Да, да, та, что в Крыму, около санатория «Фрунзенский». В чьем она ведении сегодня? Хорошо. К тебе по этому вопросу подойдет командующий Прикарпатским военным округом.

Затем Гречко переключился на меня:

— В Крыму есть одно очень красивое место. Там стоит

небольшая дачка с башенкой. Ее Сталин в 1950 году дал адмиралу Исакову, когда тот ушел в отставку и стал заместителем министра Морского Флота СССР. Но за год или два до смерти он передал ее Министерству обороны. Дачка называется «Орел». Не знаю, кто придумал это название, но очень удачно. Дача возвышается надо всем окружающим, и впечатление такое, будто парит орел. Находится она недалеко от санатория «Фрунзенский». Еще когда начинали строить санаторий «Крым», я думал, как бы «приобщить» и эту дачу. Но потом вопрос отпал. А вот округ действительно мог бы там обосноваться. Земли много — 4,5 гектара, для Крыма это отлично. Кругом виноградники. Ранней осенью полно перепелок. Словом, райское место. Немного далековато до моря — наверное, метров 700–750, но зато воздух райский. Дорога туда есть. В общем, надо посмотреть.

«Вот удача!» — обрадовался я. То, что об этом говорит лично министр, да еще так увлеченно, меня весьма заинтересовало и окрылило. Я хотел было уже встать и просить разрешения идти, как вдруг зазвонил телефон, причем особым, приятным тембром. Министр прервал разговор, а я насторожился.

— Я слушаю тебя, Леонид, — сказал Андрей Антонович в трубку.

Слышимость была хорошая, — сидя на моем месте против министра, можно было даже разобрать отдельные слова. Я уловил, например, «…ракеты», «…Дмитрий Федорович». Наблюдая за Гречко, я видел, что он преображается в лице. Наконец, наверное, не выдержав, Андрей Антонович сказал, перебивая собеседника:

— Я еще раз тебе, Леонид, говорю, что это только я могу определить — надо или не надо. Министерство обороны с Генеральным штабом уже четко определились, что им надо для Вооруженных Сил и для обороны страны. И никто другой — ни по своему положению, ни по своей компетенции — не вправе тебе что-то из этой области докладывать. Я уже тебе об этом говорил, но опять начинается прежняя история.

Я сделал попытку встать и уйти, но Гречко решительным жестом меня посадил. Вскоре телефонный разговор закончился. Министр обороны положил трубку, почему-то надел очки и, постукивая пальцами поврежденной правой руки по столу, задумался. Я чувствовал себя прескверно. Мне сразу стало ясно, что звонил Брежнев. Конечно, я обязан был сразу встать и уйти. Но не предполагая, что разговор приобретет такой оборот, я медлил, считал некорректным выходить без разрешения, спрашивать же министра об этом во время его разговора с Генеральным секретарем вообще было бы бестактно. Вот и

просидел весь этот разговор на «свою голову», а теперь вообще не знал, как поступить.

Но министр сам нарушил тишину:

— Леонид Ильич совсем у нас стал плох: зубов нет, говорит поэтому тяжело, память притупилась, со всеми стал соглашаться… А этим пользуются различные технари, лезут не в свое дело.

Я все-таки решился просить разрешения действовать — не вступать же мне в беседу по затронутой министром проблеме.

— Да, конечно. Договорились с Геловани по этой дачке. А когда побываешь на месте — позвони (в хорошем расположении Андрей Антонович, как правило, переходил на «ты»).

Я оставил министра обороны со своими тяжелыми мыслями, но и у самого на душе был камень. Конечно, в то время мне и в голову не приходило, что в Политбюро ЦК могли быть какие-то трения и тем более какие-нибудь интриги. Об этом я узнал значительно позже, когда уже работал в Генеральном штабе. А тогда все воспринял как есть. А скверно на душе было оттого, что я понял: нет единства среди тех, кто окружает Брежнева.

Встретившись с генералом Геловани, я разрешил с ним все свои строительные проблемы. Он пожурил меня за то, я применяю дорогостоящие материалы для внутренней и внешней отделки казарм, солдатских клубов, спортзалов и столовых. Я же ему доказывал, что это многократно выгоднее: во-первых, такие материалы служат дольше (3–5 лет), и, конечно, они эстетичнее, современнее. При моем варианте — сделал и не возвращайся, например, к панелям в казармах или к их фасадам несколько лет. А при рекомендованных методах — надо и то и другое красить дважды в год: весной и осенью.

И все-таки каждый остался при своем мнении, хотя заместитель министра обороны по строительству не мог упрекнуть меня в целом — благоустройство и повышение комфортности военных городков приобрели у нас большие масштабы. Наоборот, похвалил, но усомнился, что все это можно сделать за счет тех средств, которые выделяются округу министром. Разумеется, я не раскрыл ему своих «секретов». И не потому, что не хотел, чтобы он об этом знал. Я был уверен, что ему доподлинно известно все: те же наши строители все это преподносили своему главному начальнику на блюдечке. Не исключаю, что все мои действия по отысканию дополнительных денежных и материальных средств на строительство были известны и министру обороны. Но важно, что я сам не говорил об этом, стараясь не афишировать сложившееся статус-кво. Если же я об этом доложу официально, придется разбираться — нет ли

здесь каких-нибудь нарушений. Тогда любое отклонение от инструкций считалось серьезным нарушением. Следовательно, надо пресечь его на корню. А если не докладывать, но делать благое дело, то оно всеми воспринималось правильно. Поэтому свои «хитрые» сомнения Геловани высказал не столько для того, чтобы побудить меня к откровению, сколько дать понять, что ему все известно.

Обсудили мы с ним все принципиальные вопросы и по даче «Орел». Договорились, что я слетаю туда со своими специалистами и оценю все на месте. Приблизительно через месяц я представил доклад о целесообразности строить одно комплексное здание: по центру — жилую «башню» на 160 мест, а справа и слева примыкающие к ней столовую и над ней клуб, а с другой стороны — лечебный корпус и здание администрации. Получив одобрение, мы приступили к проектированию. Пока копались с документацией, я все-таки начал строить (и за 1975-й и частично 1976-й годы построил) хорошую современную дорогу от основной магистрали к будущему санаторию «Орел» (т. е. как приемник дачи). Однако к строительству самого санатория не приступили — внезапно умер Андрей Антонович. Через полгода говорю Геловани, что надо бы предусмотреть финансирование на следующий год. А он мне: «При этом министре (то есть Д. Ф. Устинове) и не заикайтесь, хотя бы полтора года, ни о каких санаториях».

Я решил ждать. Через некоторое время скоропостижно скончался Геловани. На его место пришел Николай Федорович Шестопалов. Естественно, не будет же молодой заместитель министра по строительству начинать свои первые в новой должности шаги со строительства санаториев. Поэтому на мой вопрос «Как быть?» — он ответил: «Надо докладывать только лично, но при удобном случае, и не по телефону, а тем более не по почте». Такой «удобный» случай мне представился только в 1979 году, но меня вскоре забрали в Генеральный штаб. Мои просьбы и советы, обращенные к новому командующему войсками округа генералу В. А. Беликову, результатов не дали, и этот вопрос «умер». О чем я сожалею по сей день.

Но вернемся к тому времени, когда я еще был командующим и совершал визиты во время пребывания в Москве. В тот раз, после Геловани, я отправился к начальнику Генерального штаба генералу армии Виктору Георгиевичу Куликову. Доложил, как и министру, все по округу, затем все то, что решил у министра обороны и у Геловани, после чего спросил:

— Можно ли округу проявить новаторство?

— Смотря в чем, — уклонился Виктор Георгиевич от прямого

ответа.

— В повышении боевой и мобилизационной готовности, — ответил я.

— Несомненно. За это даже будем поощрять, — сказал генерал.

Тогда я подробно рассказал ему о наших шагах в этой области — закладке на хранение поступаемых из промышленности автомобилей вместо тех, которые мы должны «россыпью» получать из народного хозяйства. При этом подчеркнул, что на общем техническом состоянии автомобильного парка округа это скажется только положительно, ведь приписанные машины из народного хозяйства, как правило, не имеют 100-процентной гарантии.

Виктор Георгиевич внимательно меня выслушал и, не сказав ни слова, позвонил начальнику Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба генерал-полковнику Волкову, приказав ему срочно зайти. Пока тот шел, Куликов, глядя в окно и о чем-то думая, все повторял: «Интересно, интересно…» Через пару минут Анатолий Васильевич Волков был в кабинете начальника Генштаба.

— Тут вот командующий с одной идеей приехал. Послушай его, — сказал Виктор Георгиевич, попросив меня повторить все, о чем только что доложил ему.

Ничего не подозревая, я всё повторяю и даже кое-что детализирую.

— Ну, что скажешь? — спрашивает Куликов.

— Так тут вывод может быть только один, — не задумываясь, отвечает Волков, — то количество машин, которое дает Генеральный штаб Прикарпатскому военному округу, слишком завышено. Надо уменьшить эту цифру.

— Правильно, — решительно поддержал его Куликов, — и уменьшить ровно настолько, сколько округ закладывает на хранение.

Такого оборота я, естественно, не ожидал. Вспылив, я, конечно, весь свой гнев обрушил на Волкова, который, не желая вникнуть в суть проблемы, подсказывает начальнику Генштаба провокационные решения и тем самым подрывает авторитет такого высокого органа. В свою очередь Волков заметил, что я со своей колокольни дальше округа ничего не вижу, а «мы решаем общегосударственные задачи». Так, наверное, продолжалось бы долго, если бы Куликов не принял решение выпроводить нас обоих из его кабинета:

— Ну, вот что, Анатолий Васильевич, забирай командующего к себе и разбирайтесь.

Отчаянно ругаясь, мы вышли. Волков предложил пройти к нему.

— Мне у вас делать нечего, — резко бросил я. — Это вы отправляйтесь в свой кабинет и думайте, как теперь выйти из этого идиотского положения, которое вы сами создали. Но имейте в виду, если только вы посмеете занизить округу количество автомобилей, я пойду на самые крайние меры, вплоть до обращения к министру обороны.

Уходил из Генштаба в расстроенных чувствах. Ведь принес прекрасную идею. Мало того, она уже апробирована. И вдруг в нашем высшем органе все ставят с ног на голову! Да еще намереваются наказать округ — ущемить его интересы. «Этого я, конечно, не допущу», — думал я про себя. Однако позже, поостыв, занимался самокритикой: «Наверное, я погорячился, пригрозив Волкову обращением к министру обороны». Но дело уже было сделано.

Забегая вперед, должен отметить, что, видимо, мое объяснение с Анатолием Васильевичем Волковым было оправдано — никаких санкций к нашему округу по части сокращения лимита машин из промышленности Генеральный штаб так и не предпринял. Поэтому мы могли продолжать начатую линию, не афишируя это и ни с кем не делясь опытом, дабы не навлечь еще раз на свою голову лишней мороки.

Возвращаясь к себе во Львов, я все время полета думал, как многое в нашей службе, да и в жизни вообще, зависит от личности человека, которому доверен высокий государственный пост. Сталин, Молотов, Косыгин, Жуков, Гречко и им подобные — это личности, которые формировали свои взгляды и мнения на основании, в первую очередь, своих личных наблюдений и собственного анализа. Они не пренебрегали и мнением своего окружения, но из всего этого отбирали действительно самое ценное. Однако они никогда не попадали под влияние своего окружения, а тем более никогда не были у этого окружения «в плену» и не служили у него орудием проведения их линии.

А ведь такие были. По причине своей некомпетентности, ограниченных интеллектуальных возможностей, трусости, неспособности взять на себя ответственность эти лица, добравшись до высокого кресла, вынуждены были во имя сохранения своего положения «прислушиваться» (а точнее — угождать) к своему устоявшемуся непосредственному окружению, постоянно соглашаясь с его мнением. Но окружение не способно было делать крупные обобщения, да и не заинтересовано было в этом — каждый старался тянуть «свое» годами устоявшееся направление. Кроме того, у многих это кресло было уже потолком

или даже крышей — пределом их возможностей. И если кому-то удавалось забраться даже на эту «крышу», то дело уже страдало. А такие случаи были не единичны.

Как всегда в своих размышлениях, я от конкретного, частного случая переходил к обобщениям. Безусловно, руководитель с государственным мышлением и особым чутьем к людям мог безошибочно назначать на руководящие посты из числа подчиненных. Взять, к примеру, руководящие посты в Вооруженных Силах того времени.

Бесспорно, главной опорой государства, т. е. Верховного главнокомандующего и министра обороны, были главнокомандующие видами Вооруженных Сил и командующие войсками военных округов и флотов. В бытность Гречко они назначались по представлению его самого или Р. Я.Малиновского. Что это были за фигуры в 1974–1975 годах? РВСН — В. Ф. Толубко, Сухопутные войска — И. Т. Павловский, ВВС — П. С. Кутахов, ПВО — П. Ф. Батицкий, ВМФ — С. Г. Горшков (кстати, был Главкомом ВМФ 30 лет). Или некоторые командующие войсками военных округов (групп войск): Е. Ф. Ивановский, И. М. Третьяк, В.Л.Говоров, А. М. Майоров, И. М. Волошин, И. А. Герасимов, П. А. Белик, В. А. Беликов, В. И. Петров, М. Г. Хомуло, Д. С. Сухоруков, Н. К. Сильченко, Ю. А. Науменко, Н.Г.Лященко, В. М. Архипов, В. И. Сивенок, Ф. Ф. Кривда. Командующие флотами: Г. М. Егоров, Н. И. Смирнов, В.В.Михайлин, Н. И. Ховрин. Все они соответствовали своим должностям не только по формальной оценке, то есть старшего начальника, но и по оценкам со стороны — по оценке офицеров всех уровней. Это были достойные фигуры. Многие из них выросли с самых «низов». Неспроста в этот период наши армия и флот были в расцвете сил.

Как важно внимательно подбирать и назначать на ведущие должности лиц, способных «тянуть» свой участок, а если нужно, то и форсированными темпами! Для каждого из нас уникальным в этом отношении примером, конечно, являлся И. В. Сталин. Всегда при этом вспоминаю беседу первого секретаря Вологодского обкома КПСС Анатолия Семеновича Дрыгина с Алексеем Николаевичем Косыгиным в один из свободных вечеров за чаем. Нас было всего пять-шесть человек. Анатолий Семенович «нажимал» на Алексея Николаевича, чтобы тот рассказал, как Сталин назначил его в 35 лет, всего через 4 года после окончания института, наркомом текстильной промышленности, а уже через год — заместителем Председателя Совета Министров СССР. А ведь в войну Косыгин был еще и заместителем председателя Совета по эвакуации. В 39 лет стал Председателем Совета

Народных комиссаров РСФСР.

Алексей Николаевич в ответ на просьбы рассказать об этом вначале отшучивался. А потом уже серьезно заметил, что у него было несколько встреч со Сталиным перед первым назначением. Потом он выполнял отдельные сложные поручения. И лишь после этого состоялось назначение, и контакты стали частыми. «Но, — добавил он, — я же не один такой. К примеру, Дмитрий Федорович Устинов, другие товарищи. Вообще у Сталина был особый глаз на кадры: пока лично не составит мнение о человеке, окончательного решения не принимает. Вот я расскажу историю с Александром Федоровичем Засядько».

И Косыгин поведал действительно интересную историю. Засядько стал известен Сталину в 30 лет как энергичный, высокого класса специалист-угольщик. Попал в волну — «Кадры решают всё!» — и к этому времени окончил горный институт. Сталин назначает его на должность заместителя министра угольной промышленности в возрасте 32–33 года. А уже в 37 он становится министром угольной промышленности западных районов СССР (была такая должность). А еще через два года — министром угольной промышленности СССР. Но этому предшествовал такой эпизод. Когда на Политбюро встал вопрос о подборе кандидата на должность министра, было названо три кандидатуры. Приступили к обсуждению. Наконец очередь дошла до Засядько, и тут кто-то сказал, что работник-то он хороший, да вот беда — попивает, это опасно. Сталин выслушал всех, но решения не объявил. На следующий день он вызвал Засядько к себе. Они уже были хорошо знакомы. Поскольку время встречи совпало с обедом, Сталин пригласил Засядько в соседнюю комнату — отобедать. Для аппетита Сталин налил себе вина, а у собеседника спросил, что он будет пить. Тот ответил: «Водочку». Сталин взял графин с водкой и намеревался налить ему в рюмку, но Засядько весьма откровенно говорит: «Нет, нет, товарищ Сталин — вот сюда», — и подставил стакан. Сталин налил до краев и, очевидно, вспомнил своих товарищей по Политбюро: «Пьет!» Чокнулись, выпили, съели первое, положили второе (было самообслуживание). Сталин говорит: «Давайте ко второму», — и, налив себе сухого вина, потянулся к графину. Однако Александр Федорович запротестовал: «Нет, товарищ Сталин, — и закрыл ладонью стакан, — Засядько норму знает!» И обед продолжался дальше. При этом шел заинтересованный разговор о проблемах отрасли. Александр Федорович Засядько со знанием дела нарисовал подробную картину состояния угольной промышленности, перечислил основные проблемы и предложил пути их решения. На следующем заседании Политбюро снова

вернулись к кандидатуре на должность министра угольной промышленности. И тут Сталин говорит: «Да, действительно Засядько пьет». И сделал паузу. Все молчат. А Сталин продолжает дальше: «Но Засядько норму знает, когда пьет. А еще лучше знает свое дело. Я в этом убедился». Вот так был назначен министром Александр Федорович Засядько.

Было известно, что перед назначением на крупнейшие предприятия страны Сталин также вызывал к себе на беседу и кандидатов на должность директоров. Эти традиции потом остались, но приобрели формальный характер — в основном беседовали аппаратчики, а главные руководители в лучшем случае встречались, чтобы хотя бы мельком глянуть на эту фигуру. Не было времени, заняты. А у Сталина время было.

Вот так, за мыслями и воспоминаниями, полет прошел незаметно. Во Львове меня поджидали все — и наши, и обкомовцы. Главный вопрос: что привез? Основным моим достижением в этот раз было разрешение министра обороны на строительство санатория на берегу Черного моря. Такой санаторий, конечно, снимал бы многие проблемы с отдыхом офицеров и их семей, поскольку санаторий мыслилось делать семейный, чтобы туда можно было бы приезжать с детьми. Не откладывая дело в долгий ящик, сразу же поручил проектному институту провести предварительные общие расчеты.

Однако генштабовский кульбит с нашей инициативой в отношении того, как избавиться от машин «россыпью» из народного хозяйства, многих огорчил. Но мы все-таки надеялись (и так получилось), что никаких санкций к округу применено не будет. Так и вышло. Количество новых машин к нам в округ занаряжалось в прежних нормах. В зиму с 1974-го на 1975-й год министром обороны проводится довольно известное учение «Севера» с «Югом». В роли Северного фронта выступает Белорусский военный округ. Командует фронтом — командующий войсками Белорусского военного округа генерал-полковник Иван Моисеевич Третьяк. В роли Южного фронта — Прикарпатский военный округ. Командующим войсками фронта, естественно, назначается командующий войсками Прикарпатского военного округа, то есть автор этих строк.

«Боевые действия» проходили в основном в границах Белоруссии. Лишь частично это коснулось северной части Западной Украины (Ровно, Луцк, Ковель). Обе стороны имели задачу: во встречном сражении разгромить противостоящего противника и захватить важные экономические районы и административно-политические центры (перечислялись). Северный фронт наносил удары на юг. Южный фронт —

соответственно на север. Учения проходили в сложных климатических условиях, на пересеченной лесисто-болотистой местности. Частые туманы весьма ограничивали действия авиации. Но полеты руководителей учения, в том числе и министра обороны, как и командующих фронтами, были не ограничены. Скажу без преувеличения: на тех учениях А. А. Гречко летал с очень большим риском для жизни. С одной стороны, это выглядело, мягко выражаясь, ненужным лихачеством! Но с другой — если бы он не летал в сплошном тумане с одного командного пункта фронта на другой, то он не смог бы в установленные сроки лично заслушать решение сторон (то есть командующих) и, следовательно, не смог бы правильно разыграть сражение. Ведь ему надо было учесть плюсы и минусы «Севера» и «Юга» и исходя из этого дать посредникам соответствующие распоряжения, которые бы позволили действовать реально выведенным на учение войскам.

Особую сложность для «Южных» представляло форсирование реки в зимнее время в условиях, когда образовавшийся лед даже легкую бронированную технику не держит, а танки — тем более. Проведение атаки в пешем строю проводить было очень рискованно, так как кое-где на реке зияли черные «окна»-промоины. Лед местами был совсем тонким. Кроме того, прикидывая — а как бы в военное время реально поступил противник, мы пришли к выводу, что в самый опасный для нас момент (когда мотопехота будет в большом количестве на реке) он, конечно, лед подорвет и всех, кто вышел на него, заживо похоронит в ледяной пучине. Поэтому было принято решение: «Подавлять противника огнем артиллерии и ударами авиации, одновременно взорвать несколько участков реки удлиненными зарядами и открыть путь для форсирования реки на боевых машинах пехоты. А в последующем (после захвата небольшого плацдарма) — для строительства моста.

Во время учений случалось много различных эпизодов, некоторые из них были просто захватывающими. Но, на мой взгляд, самым интересным (и в этом проявилась оригинальность мышления А. А. Гречко) было то, что министр обороны на период учений, после выхода войск в исходное положение (всем был указан район и время сосредоточения), подчинил развернутые дивизии «Юга» командующему войсками Белорусского военного округа, а дивизии «Севера» — командующему войсками Прикарпатского военного округа. Выведенные же на учения дивизии сокращенного состава с обозначенными войсками остались в подчинении своих командующих войсками.

Это был уникальный прием, точнее метод. Я не помню его

повторения ни до, ни после этого случая. Такие приемы имели место только в годы войны.

Этим шагом министр обороны достигал нескольких целей: во-первых, командующим военными округами прививал фронтовые навыки принятия в свое ведение в короткие сроки соединений полного состава и организации управления ими; во-вторых, обменом дивизиями вынуждал командующих ставить полученные дивизии в благоприятные условия, имея в виду, что у каждого «своя» дивизия тоже будет в таких же условиях; в-третьих, смешав дивизии, министр тем самым уже заранее снивелировал последствия такого крупного привлечения войск — хоть основные действия проходили на полигонах, но танки есть танки, они летать не могут, и «следы» на дорогах, в населенных пунктах, которые они проходили, конечно, оставались.

После «разгрома противостоящего противника, т. е. по окончании учений, был проведен разбор. А в итоге — Петр Миронович Машеров от имени руководства и народа Белоруссии сделал для командования участвующих войск и руководства Министерства обороны прием, на котором состоялось «братание» Белорусского и Украинского (Прикарпатского) фронтов под знаменами высокого «арбитража» — министра обороны СССР и первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии.

Конечно, как и всегда в большом деле, не обошлось без конфузов. А в зоне моего командного пункта (т. е. КП «Южного фронта») случилось сразу два таких ЧП.

Мне сообщили, что министр обороны вылетел к нам на вертолете. Встречайте. Я попытался сказать, что у нас сплошной туман, а мне: «Он уже вылетел!» От вертолетной площадки (она тоже входит составной частью в КП) до места заслушивания — около километра. Ничего не поделаешь — надо ехать. В установленное время (а министр в полете был уже час — можете себе представить час полета на вертолете в тумане, зимой!) я прибыл для встречи, прихватив две «Волги» и два «уазика». Вертолет приземлился, я доложил министру обороны, и мы отправились к машинам. Гречко, идя к автомобилям и разводя руками, спрашивает меня:

— Так на чем ехать?

— Выбирайте любую, — бестолково ляпнул я.

Но у меня действительно ничего другого не было. «Чайку» я на учения не взял, считая, что на территории Белоруссии транспортом министра обеспечат белорусы. И они это сделали, но только не в полосе действий нашего «Южного фронта». А Гречко — со своим высоким ростом, крупным телом и преклонным возрастом, конечно, не мог свободно разместиться и ехать ни в

«уазике», ни в «Волге». Он в эти машины просто не вмещался.

— Вам надо сюда Павла Федоровича Батицкого с его животом — он бы вам прочел лекции, — проворчал Андрей Антонович и в буквальном смысле полез в «Волгу» на заднее сиденье, а оба передних сдвинул вперед.

Настроение, естественно, у всех было испорчено. Нет, Гречко отнюдь не был вельможей и особых условий для себя никогда не требовал. Просто он был очень крупный человек, и это, естественно, надо было учитывать. Кстати, он любил вместе со всеми ездить на автобусе, особенно на «Икарусе» — хороший обзор и салон просторный.

Несмотря на подпорченное настроение, заслушивание докладов министр провел ровно, интересно. Утвердил мой замысел и поставленные задачи. Выслушав доклады практически всех начальников фронтового звена, он, перед заслушиванием командиров, объявил получасовой перерыв. Во время перерыва министр обороны Гречко, начальник Генштаба Куликов, Главком ВВС Кутахов, командующий ВДВ Маргелов и я прохаживались по дорожке у машин управления и палаток нашего командного пункта. Андрей Антонович все сокрушался, что погода остается пока нелетной и поэтому ставилось под сомнение использование на другой день авиации и воздушно-десантных войск. Во время дискуссии относительно завтрашней погоды Гречко вдруг останавливается и в сердцах обращается к Главкому ВВС:

— Ну, в конце концов, что ваша метеослужба докладывает на завтра?

— Товарищ министр обороны, и наша метеослужба, и метеослужба центральная говорят одно и то же: погода остается такой, как сегодня.

Желая как-то смягчить обстановку, в разговор включается Василий Филиппович Маргелов — фактически родоначальник современных воздушно-десантных войск, всеобщий любимец и авторитет. Он говорит:

— Вы знаете, товарищ министр, я уже пошел на крайнюю меру: сегодня утром собрал в деревне самых дряхлых стариков, лет под семьдесят.

Мы с Куликовым и Кутаховым переглянулись. Дело в том, что Гречко — 70 лет, да и самому Василию Филипповичу уже 66. Получилось некрасиво.

Но потом без всякой задней мысли продолжает:

— Собрал этих стариков и говорю: «Как насчет погоды?» — «Кости ломит». «Ну и что?» — спрашиваю. «А то, что погода еще хуже будет!»

— Тоже мне нашел метеоцентр! — с иронией отрезал

министр. — Ты лучше скажи, как применить десантную дивизию в этих условиях.

Каждый из нас был внутренне благодарен Андрею Антоновичу за то, что он быстро разрядил неловкую ситуацию, которую создал Маргелов по причине своей воздушно-десантной прямолинейности.

Проведенное учение было для всех категорий, несомненно, весьма поучительным. Но в жизни звена фронт — армия — дивизия такие мероприятия, как это учение, оставляют особый след. Мне не известно, как это учение было задокументировано. Но то, что все основные категории офицеров до командующего войсками округа были со временем выдвинуты, — это факт. Эти и последующие учения такого типа, а также другие крупные мероприятия, бесспорно, способствовали созреванию кадров. Разумеется, на развитие и повышение профессионального уровня офицеров, их взросление и закалку влияют и многие другие факторы. Но учения для всех звеньев (от взводного до командующего) и для всех категорий (командир, политработник, штабник, технократ, тыловик, врач, инженер и т. д.) — это высшая форма подготовки войск, органов управления, всех офицеров. И это подтверждали большие и малые войны. Кстати, и в ходе Великой Отечественной войны мне приходилось в периоды затишья в обороне участвовать в учениях. У нас на 3-м Украинском и на 1-м Белорусском фронтах особенно распространены были два вида действий: разведка боем и атака вслед за огневым валом. На малых войнах, типа Афганской или в Анголе, — учения тоже имели место. При этом отрабатывались особо сложные моменты предстоящего боя (операции).

Из всей моей долгой жизни и службы в армии я пришел к твердому выводу: никогда Вооруженные Силы не станут той силой, которая бы гарантировала защиту Отечества, если они не проводят учений и крупных маневров.

Глава II
Особые события

Маневры. В учениях «Карпаты-75» участвуют представители 12 стран Европы. Тяжелые испытания в мире и личные. Гнусный подкоп гнусной партократии. «Исключение» меня из КПСС. Никогда не изменю своим принципам. Предательство было вскрыто позже. Высокие оценки округа — заслуга всех офицеров и солдат.

1975 год был насыщен сложными негативными и позитивными событиями — и в мире, и в стране, и в округе, и у меня лично.

Заключен целый ряд договоров и соглашений, направленных на смягчение международной обстановки и сближение стран. Например, с Англией — о нераспространении ядерного оружия; с Францией — о сотрудничестве в области сохранения внешней среды; с Ираком — об использовании атомной энергии в мирных целях. В Хельсинки состоялось совещание по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе, на котором выступал Брежнев. В Кабуле, с приходом Дауда, был продлен еще на 10 лет договор между СССР и Афганистаном о нейтралитете. Можно назвать еще многие события, касающиеся международных отношений СССР. Но не менее значимыми, особенно для нашей страны, были и достижения в области космической науки и техники. В частности, вывод на орбиту искусственных спутников Венеры — наших межпланетных станций «Венера-9» и «Венера-10», а также передача снимков поверхности «утренней звезды» на Землю аппаратами, спущенными на Венеру нашими станциями-спутниками. Это ли не триумф нашей науки и техники?! Не менее важным событием стала стыковка космического корабля «Союз» с американским космическим кораблем «Аполлон».

Однако жизнь была далеко не безоблачной. Присуждением А. Д. Сахарову международной Нобелевской премии был сделан вызов Советскому Союзу, что, естественно, негативно оценило наше руководство. А того только и ждал Запад — он воспользовался поводом для дальнейшего развертывания кампании обвинения СССР в нарушении прав человека. Все основные страны Запада взвыли одновременно, как по команде. О чем это говорит? О том, что их выступления против Советского Союза были тщательно спланированы и управлялись из одного

центра.

В то же время неординарные события происходили и в масштабе нашего Прикарпатского военного округа.

Приходилось ли вам наблюдать внезапно налетевший вихрь, который обрушивается, когда его не ждешь, и приносит с собой немало неприятностей, а то и беду? Например, снежный заряд с мощным ветром, как в Заполярье, или «афганец», который не только сваливает человека, осла и верблюда, но и несет массу песка и камней? В обоих случаях ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Или, может, вам довелось побывать в центре смерча? Их много бывает летом в пустыне Марго западнее Кандагара в Афганистане. Он затягивает в себя все и вся, и горе тому, кто не успел спрятаться. А возможно, вы попадали в зону шквального огня или штормового ветра? Мне, например, все это испытать пришлось — в Заполярье, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке. Это очень сложное физическое, морально-психологическое испытание. Проба на крепость, на выносливость.

Так вот, действия министра обороны маршала А. А. Гречко частенько носили именно такой характер. Внезапно собрав нужную, по его замыслу, команду, он выезжает на аэродром, предупредив Генштаб, чтобы срочно готовили самолет. Взлетев, он в воздухе говорит командиру корабля, на каком аэродроме приземлиться. За час до прилета дает команду с борта самолета Генеральному штабу, чтобы тот сообщил соответствующему военачальнику, что он летит к нему.

Так произошло и с Прикарпатским военным округом весной 1975 года. Хорошо, что я в это время был не только у себя во Львове, но даже на аэродроме. Я уже шел к самолету — был заказан полет на Житомир (в 8-ю танковую армию). Меня провожал командующий Воздушной армии округа генерал-полковник С. Горелов. Вдруг прибегает дежурный офицер и докладывает: «Через час министр обороны и с ним группа офицеров, в том числе Главнокомандующий ВВС садятся на аэродроме в Мукачеве».

Естественно, я лечу в Мукачево — до прилета министра у меня 20 минут в запасе. Но возникает, кажется, неразрешимая проблема — по инструкции, в районе взлета или посадки литерного самолета (члена Политбюро ЦК) за 30 минут не разрешается ни принимать, ни выпускать самолеты. Лишь своей властью, в нарушение этого положения, я приземляюсь на аэродроме 92-го Гвардейского истребительного авиационного полка в Мукачево. Полком командовал полковник Буравков. Это летчик-самородок. Все летчики учились в военных училищах, различных военных школах, военных академиях. Но не у всех есть

дар летчика высшего класса.

Буравков уже получил сигнал из штаба округа и штаба Воздушной армии о прилете министра обороны в Мукачево. И вообще, штаб Прикарпатского военного округа дал оповещение всем нашим войскам, что появился министр. Он просто так не появляется. Сделано оповещение, как о штормовом предупреждении. Кстати, оповещались и соседние с нами военные округа и группы советских войск.

Самолет министра приземляется точно в установленное время. Что же нам от него ожидать? Какие он привез с собой неожиданности? Но мы готовы ко всему. Все предупреждены.

Самолет подкатил к установленному месту. Наша служба подала своевременно трап. Министр обороны выходит на трап и, сделав удивленное лицо, спускается по ступенькам в сопровождении своих неизменных соратников, в том числе Кутахова. В хвостовой части тоже открылся люк, оттуда выбросили стремянку, и по ней быстро спустились все остальные. Машин мы, конечно, приготовили достаточно, в том числе и «Чайку» из Закарпатского обкома КПСС.

— А как сюда попал командующий? — начал Андрей Антонович.

После официального стандартного доклада-рапорта министру обороны я продолжаю в духе начатого им разговора:

— Чисто случайно! Смотрю в небо — над округом летит самолет министра. Проложил маршрут по карте — получается, что может сесть в Мукачево. Вот и заехал на всякий случай.

— Ну и дела. А мы опять летели в Венгрию. И вдруг Павел Степанович говорит, глядя в иллюминатор: «Смотрите, командующий Прикарпатского расхаживает по аэродрому». Я ему: «Да вроде не он». А Кутахов настаивает: «Он!» Здесь Алексей Алексеевич подключился: «Точно — он». И, видно, замялся: «Неудобно пролетать мимо. Надо уважить». Вот они меня и уговорили сесть. Так что будем делать?

Здесь подошел командир 92-го Гвардейского истребительного полка полковник Буравков и доложил, что полк находится в постоянной боевой готовности, занимается боевой и политической подготовкой.

— Вот и начнем с этого полка.

Министр начал подробно расспрашивать, что за полк, где он воевал, какое состояние на сегодня, сколько летчиков 1-го, 2-го и 3-го класса, какой налет часов. Выяснили, что из этого полка вышел Герой Советского Союза генерал-полковник Мороз — начальник Политуправления ВВС. Андрей Антонович поинтересовался, какие у полка есть проблемы.

— Проблем нет. Полк готов выполнить любую боевую задачу, исходя из возможностей техники, — доложил командир полка без всякого пафоса. Тогда министр так же спокойно и тихо, как он вел с ним беседу, говорит:

— Полк поднять по боевой тревоге в полном составе, в том числе дежурное звено, дополнительно боеприпасы не загружать. Полк вывести в зону для получения задачи в воздухе. Наземный эшелон не двигать.

— Разрешите выполнять?

— Конечно, выполняйте.

Время пошло. Командир полка помчался на командный пункт управления полетами, и уже через несколько секунд были слышны команды о подъеме полка по боевой тревоге. Мы все отправились к домику летчиков, где они обычно собираются перед полетами. Из него выскакивали последние и мчались напрямик по полю к своим самолетам, которые стояли в основном в мощных укрытиях, построенных во всех ВВС в бытность Гречко. Это укрытие может быть разрушено только при прямом попадании бомбы крупного калибра или от бетонобойных бомб и ракет.

Домик летчиков располагался в 100–150 метрах от центра управления полетами и фактически был не домиком, а солидным одноэтажным зданием с плоским перекрытием сверху, которое обрамлено ограждением и приспособлено для наблюдения за полетами и вообще за всей территорией аэродрома. Отсюда видны были все без исключения действия полка. Фактически это была смотровая площадка. Там постоянно действовала громкоговорящая связь, были расставлены столы и стулья. Я приказал принести бинокли.

Через 10–12 минут командир полка по селектору доложил, что полк готов к взлету, взлетать будут парами все три эскадрильи. Это сразу произвело сильное впечатление. Министр внимательно посмотрел на Кутахова, потом на меня, но ничего не сказал.

Все эскадрильи уже вышли из своих аэродромных зон и стояли на своих рубежах. Как только командир полка начал набирать разбег, первая пара истребителей первой эскадрильи уже выруливала на взлетную полосу. И пошли, пошли — пара за парой…

Это было сильное зрелище. Какая выучка! Какая слаженность! Все рассчитано до секунды. Чтобы добиться такого результата, нужен огромный труд. Приблизительно через 20 минут командир полка доложил по радио, что полк вышел поэскадрильно в назначенные зоны и готов к выполнению задачи. Министр

обороны немного помедлил, а затем дал команду на посадку, но предупредил — садиться посамолетно.

Первым сел командир полка. Он подрулил на площадку, которая находилась неподалеку от командного пункта управления полетами, поднялся на площадку к министру обороны и твердо, уверенно доложил, что через несколько минут полк приземлится в полном составе. Истребители садились один за другим так же четко, как и взлетали. Один самолет еще был в конце взлетно-посадочной полосы, а очередной уже садился.

Когда все истребители были у своих укрытий, полковник Буравков доложил, что поставленная задача выполнена.

— А высший пилотаж ваши летчики могут продемонстрировать?

— Так точно! Каждый летчик 1-го и 2-го класса может показать весь перечень фигур высшего пилотажа. У нас в каждой эскадрильи 3–4 летчика 1-го класса и столько же 2-го. Остальные — 3-го класса. Из какой эскадрильи прикажете привлечь? — спросил Буравков.

— По усмотрению командира полка.

Полковник Буравков приказал летчикам 1-го и 2-го класса первой эскадрильи под руководством ее командира выдвинуться в исходное положение для выполнения отдельных задач. Таких оказалось всего 7 человек. Из них пятеро продемонстрировали индивидуальное мастерство (два одновременно: один — в одном районе неба, второй — в другом). Общее руководство прямо от нас осуществлял командир полка. Ему помогал командный пункт. И в заключение одна пара продемонстрировала воздушный бой. Даже если бы описывать всё то, что мы видели, взялся специалист экстра-класса, то, конечно, и он не смог бы передать и часть того, что делали воздушные виртуозы. Командир полка на все реагировал спокойно. Сообщал только, какую фигуру высшего пилотажа выполняет летчик, но никаких оценок не делал. Зато Павел Степанович Кутахов заливался соловьем. Да и как тут удержать Главкома ВВС? Фактически идет проверка на самом высшем уровне, и летчики показывают класс.

Когда все самолеты приземлились, министр обороны спрашивает:

— А командир полка что-нибудь из всего этого может выполнить?

— Командир полка, товарищ министр обороны, может выполнить всё то, что вы видели, и еще кое-что, — доложил Буравков. — Позвольте показать?

— Позволяю, — сказал министр.

Полковник Буравков спустился по лестнице и твердой,

уверенной походкой направился к своему самолету. Уже даже в этом чувствовалась сила и надежность. Через три минуты самолет выкатился на взлетную полосу, немного притих, собираясь с силами, затем взревел и понесся, как вихрь. Проскочив наш дом с площадкой, где стоял министр (это чуть больше половины полосы), самолет отрывается от земли, летчик переводит его в вертикальное положение, включает форсаж — и вот уже стальная птица, как снаряд, летит в синее небо. Все выше, и выше, и выше.

— Это же какие перегрузки! — не выдержал Кутахов.

Все поддерживают, поддакивают, восхищаются. Молчит только министр. Но следит за самолетом, не отрываясь. Казалось бы, надо поставить 5 с плюсом и на этом закончить. Но командир полка показывал всё: «бочки», «петли», «штопор», «свечки» и т. д. Конечно, его мастерство было значительно выше его питомцев, хотя каждый из них был ас. Затем истребитель вроде бы зашел на посадку, и все собрались было его встречать и поздравлять пилота.

Но каково было наше изумление, когда Буравков, ведя самолет над посадочной полосой на высоте около 50 метров, не выпускал шасси. Кое-кто начал беспокоиться. Однако, не долетая около километра до нашего дома — площадки, самолет переворачивается кабиной вниз и «брюхом» вверх и, промчавшись мимо нас на огромной скорости примерно полтора километра, взмывает вертикально вверх, опять включив форсаж. Все были потрясены.

— Вот, паразит, что вытворяет! — не удержался от высшей степени похвалы Павел Степанович Кутахов.

Министр обороны, видимо, весьма удовлетворенный всем увиденным, поинтересовался:

— Он сколько командует полком?

— Пятый год, товарищ министр обороны, — отвечаю я. — Конечно, он давно заслуживает выдвижения.

— Мы эту тему уже и с командующим округом и с командующим Воздушной армии обсуждали, — отреагировал Павел Степанович, — они нажимают, чтобы Буравкова сразу назначили на дивизию.

— Правильно предлагают. Дайте команду, чтобы он шел на посадку, — уже забеспокоился министр обороны. Одновременно приказал Кутахову, чтобы тот собрал летный состав прямо сейчас, пока командир полка садится.

По команде заместителя командира полка летчики трусцой начали собираться на площадке у дома. Буравков прекрасно сел, выпустил тормозной парашют и подогнал самолет на прежнее место. Навстречу ему побежал офицер штаба и, очевидно,

доложил о распоряжении министра обороны. Командир полка подошел к строю, скомандовал: «Равняйсь, смирно, равнение на середину!» — и, подойдя к министру обороны, четко доложил, что летный состав полка по его распоряжению построен.

Министр обороны тепло выступил перед летчиками, поблагодарил их за высокую подготовку, а командира полка наградил памятным подарком. Перед отъездом с аэродрома Гречко говорит мне:

— Полк 128-й мотострелковой дивизии построить в парадной форме. Я буду делать смотр.

А от аэродрома до полка ехать максимум 20 минут. Я к телефону — отдаю распоряжение командиру дивизии (благо все «сидят» на телефонах):

— Немедленно, буквально по тревоге, построить 149-й мотострелковый полк в парадной форме одежды с личным оружием и представить его министру обороны для смотра. Министр обороны выезжает сейчас с аэродрома в полк. Вам — отдать распоряжения, выехать на место и оказать помощь.

Для уверенности сам дозваниваюсь до начальника штаба 149-го полка, передаю ему ту же команду, а сам возвращаюсь к министру обороны и принимаю все меры к тому, чтобы оттянуть его выезд с аэродрома.

— Товарищ министр обороны, прежде чем уезжать от летчиков, прошу вас обратить внимание на один очень важный фактор. Он вызывает постоянные трения с венгерскими государственными службами.

И я начал как можно подробнее рассказывать о том, что, в связи с близостью аэродрома к госгранице, наши летчики, как бы ни старались, частенько при заходе на посадку залетают на территорию Венгрии. Командир полка кратко описал схему посадки на местности. В разговор включился Главком ВВС, который подтвердил, что ненормальное явление надо как-то уладить. Андрей Антонович задал два-три вопроса, а затем с возмущением сказал:

— Вы же можете растолковать своим венгерским коллегам, что самолет — это не велосипед и ему нужно воздушное пространство. Да и аэродром мы не намерены переносить. Мы — союзные государства. О каких нарушениях воздушного пространства может идти речь? Предложите им в порядке исключения завести в этом районе нейтральную воздушную зону — для формальностей, чтобы не было нарушений. А вообще я поговорю с Циниге (министр обороны Венгрии), он всё уладит.

Еще после некоторой «тянучки», которую, думаю, Гречко разгадал, хотя доводы у меня были вполне убедительные, мы,

наконец, отправились в мотострелковый полк. От аэродрома до военного городка, где должен был проводиться смотр, уже были выставлены подтянутые регулировщики. Въехав в расположение полка, машины остановились. Едва Гречко вышел из машины, раздалась команда: «Смирно!» К министру обороны подошел с рапортом командир дивизии генерал-майор Р. Савочкин, который доложил, что 128-я стрелковая дивизия находится в постоянной боевой готовности и занимается боевой и политической подготовкой. 149-й мотострелковый полк дивизии готов для строевого смотра.

Метрах в 100–150 от места, где мы остановились, начинался строевой плац. Полк стоял в парадной форме с оружием и боевым знаменем. Погода была отменная: солнце — яркое, небо — ясное, еле заметный ветерок слегка шевелил полотнище знамени. Полк блистал. Министр обороны постоял, посмотрел, затем двинулся к строю. Мы, сопровождающие, вслед за ним. По мере приближения руководства к плацу командир полка начал подавать команды. Министра обороны он встретил у головы полка и отдал рапорт. Гречко, теперь уже в сопровождении только одного командира полка, подошел к середине строя, поздоровался с личным составом и дал команду «вольно». Затем вернулся к головному подразделению и начал подробно и внимательно со всеми знакомиться и беседовать. Мы присоединились. Солдаты, сержанты, прапорщики и особенно офицеры выглядели очень хорошо. Жалоб и заявлений практически не было. Это не соответствовало действительности. И я, улучив удобный момент, посоветовал командиру полка, чтобы он от имени офицеров и всего личного состава сам заявил, какие в полку проблемы. Что он и сделал, хотя и скромно.

— Товарищ министр обороны, главное для нас — это строительство жилья для офицеров. Остальное мы решим, — сказал он и посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул, чтобы подбодрить, хотя и на ремонт военного городка, и на переоборудование учебного центра тоже нужны были солидные средства.

— А сколько у вас офицеров живут на частных квартирах?

— 30 процентов.

— Да, это много. Надо будет помочь именно этой дивизии и полку, — теперь уже министр обороны глянул на меня.

Конечно, я не стал расшаркиваться, что, мол, меры будут приняты, я «понял» слова министра так, как это было надо мне.

— Спасибо, товарищ министр обороны, — сказал я, давая понять, что имею теперь право просить дополнительные средства для этой дивизии.

Министру обороны полк понравился. Прохаживаясь вдоль строя, он остановился около подразделения, где в первой шеренге стояли солдаты его же роста и даже чуть выше. А у него было под два метра. Остановился и, хитро улыбаясь и обращаясь ко мне, громко, что было крайне редко, произнес:

— Командующий, а кто вам дал право иметь солдат выше министра обороны?

— Разрешено быть такого же роста только отличникам боевой подготовки, как вы требуете! — нашелся я. Разумеется, таких указаний министр не давал, и не мог это дать, смешно, но что-то надо же отвечать.

— Да, да! Только отличникам, — благодушно сказал Гречко и пошел дальше.

Пока он осматривал личный состав, его помощники, как церберы, обегали все казармы, пересчитали всех в строю, сверили со строевой запиской и, успокоившись, доложили Сидорову, что одна рота отсутствует — находится в наряде: в карауле и на кухне.

Министр подошел к концу строя, обошел вокруг и «застрял» в тылу 9-й мотострелковой роты. Подойдя, мы стали свидетелями такой картины: министр обороны тянет за рукав солдатика, а он легонько сопротивляется. Я вызвал командира роты, он повернул последнюю шеренгу кругом и приказал солдату сделать пять шагов вперед и повернуться к нам лицом.

Андрей Антонович обошел вокруг него и, глядя сверху вниз (солдат был немного больше 1,5 метра), спрашивает:

— Ты кто?

— Как кто? Истребитель танков — вот я кто! Все это знают.

На нем были гранатомет и огромная сумка для гранат, которая почти касалась земли, так как ремень не был подогнан. Обмундирование на солдате было хоть и добротное, но не подогнано. Особенно мундир — тонкая шея болталась в воротнике, как спичка!

— Воротник в плечах не жмет?

— Не-а!

— А чего же ты такой…

— Такой худой и маленький? — уточнил солдат. — Меня все в полку спрашивают: «Ты чего такой, Усымбаев?» А я всем отвечаю: «Расту, еще молодой».

— А как стреляешь?

Солдат посмотрел на ротного. Командир роты понял, что солдат просит сказать за него.

— Товарищ министр обороны, Усымбаев поражает цели с первого выстрела и из гранатомета и из автомата.

— Ну, расти, солдат! — С этим напутствием министр обороны закончил осмотр.

Затем опять вышел к середине строя, посмотрел на полк и, отойдя к трибуне, приказал мне подозвать командира полка, который остался перед строем, ожидая, очевидно, команду на прохождение торжественным маршем. Все-таки все в парадном обмундировании, офицеры в белых перчатках, солдаты при белых ремнях и в фуражках. Командир полка, четко печатая шаг, подошел к министру и, остановившись в трех шагах, доложил. Андрей Антонович заговорщически поманил его к себе. Тот подошел вплотную. Тогда Гречко, глядя в глаза командиру, как обычно тихо и спокойно говорит:

— Объявите полку полную боевую готовность и выведите его в запасный район. Никаких ограничений!

Обалдевший командир полка хлопал глазами. Тогда так же тихо министр обороны повторяет задачу еще раз. Только после этого командир полка изо всех сил скомандовал:

— Боевая тревога! Выходим в запасный район. Поротно бегом марш!

Все подразделения бросились в парк боевых машин. Офицеры в белых перчатках садились за рычаги управления боевых машин там, где не было механиков-водителей.

Через 25 минут командир дивизии, вызвавший к себе радийную машину, чтобы управлять полком, получил доклад от командира полка: полк полностью покинул военный городок и движется в район сосредоточения. Министр обороны обошел полк, несколько казарменных помещений, осмотрел парк боевых машин. Еще через 30 минут командир полка доложил, что втягивается в район.

Министр обороны проехал немного по маршруту движения полка, затем развернулся, и мы все опять отправились на аэродром. Выйдя из машины, Андрей Антонович спросил Кутахова: «Самолет готов?» Тот ответил утвердительно. Затем Гречко, уже двигаясь к самолету и отдавая распоряжения на ходу, продолжил:

— Летим во Львов. С львовского аэродрома машинами переезжаем на танковую директрису и там проверяем стрельбу всех офицеров и командиров танков танкового полка «Железной» дивизии. К нашему приезду все должно быть готово.

Как говорят комментаторы о схватке на боксерском ринге: «Удар, еще удар, еще один удар! Как он только еще стоит?» Так и у нас — еще один удар.

Немного приотстав, я продиктовал командиру 128-й дивизии, чтобы он немедленно сообщил начальнику штаба округа генерал-

лейтенанту В. Аболенсу, какие распоряжения надо отдать, а также чтобы генерал-полковник Н. Абашин (первый заместитель командующего округа) выехал на танковую директрису и организовал бы весь процесс стрельбы. Предупредил также, чтобы Аболенс и Абашин звонили по телефону на борт самолета министра обороны и докладывали мне о полученных распоряжениях (у министра обороны аппарат «ВЧ» стоит в трех салонах).

Отправив командира дивизии, я догнал министра обороны, который в окружении своих заместителей уже поднимался по трапу в самолет. На борту все расположились по предписанию. Я подошел к купе помощника министра обороны генерал-лейтенанта Сидорова, у которого тоже стоял правительственный телефон «ВЧ» и которым я, разумеется, мог бы воспользоваться. Только взлетели и набрали высоту — звоню начальнику штаба округа, но он меня пока ничем обрадовать не мог, лишь уточнял вопросы. Но главное сделано — принципиальные команды отданы: генерал Абашин уже подъехал на танковую директрису, танки учебно-боевой группы из полка направлены на полигон, боеприпасы, наряд и лица, предназначенные для стрельбы, заканчивают сбор и подготовку и должны с минуты на минуту тоже выехать. Я сказал начальнику штаба, чтобы он поторопил всех, минимум через 20–25 минут (перед снижением) позвоню…

Выжидая эти 20 минут, я думал обо всем, что уже произошло, и о том, что еще может быть. Относительно летчиков у меня была полная уверенность, что они представили авиацию нашей Воздушной армии умело, на высоком уровне. Что касается мотострелкового полка 128-й мотострелковой дивизии, то проверка еще продолжалась: министр обороны оставил одного генерала и двух полковников, которые без меня там десять раз вывернут этот полк наизнанку. Хотя командир дивизии Савочкин — человек опытный и, конечно, не даст себя охомутать. Начало же у полка было хорошее: строевой смотр, активные беседы и солдат, и офицеров прошли на уровне, личный состав чувствовал себя спокойно, свободно и уверенно. Полк хорошо себя проявил и при подъеме по боевой тревоге и выходе в район сосредоточения. А вот что дальше?

Я не вытерпел и минут через 12–15 снова позвонил начальнику штаба округа. Тот доложил, что танки уже подходят к директрисе, а все остальное выехало. Выставляется оцепление, а на центральную вышку направлен походный буфет с чаем и бутербродами, поскольку ни министр обороны, ни сопровождающие его лица не обедали.

Похвалив Аболенса за смекалку, я попросил его связаться

теперь с командиром 128-й мотострелковой дивизии и выяснить, что проверяющие делают с полком. Результаты через 5–10 минут доложить мне в самолет. Одновременно предупредил начальника узла связи на борту самолета, что мне будут звонить. Мы начали снижаться, и тут генерал Аболенс докладывает мне, что группа офицеров, оставленная министром, в основном считает технику, вооружение и вывезенные запасы. Кое с кем беседуют по обязанностям. Пока серьезных замечаний нет. Проверка идет к концу.

Учитывая сложившуюся обстановку, я приказал Аболенсу прибыть на аэродром, чтобы встретить министра обороны вместе с командующим Воздушной армией (конечно, пригнать необходимые для поездки на полигон машины), и доложить подробно: о ходе проверки полка в Мукачево и о готовности к танковым стрельбам на Львовском полигоне. Что и было сделано. Министр обороны докладом был удовлетворен. Мы пересели на автомобили и отправились на полигон. Вместе с министром в «Чайке» разместились я и генерал Сидоров, который сел рядом с водителем. В остальных машинах ехали А. А. Епишев, заместитель министра обороны по вооружению Н. Н. Алексеев и другие офицеры, сопровождавшие Гречко. Главнокомандующий ВВС П. С. Кутахов остался на аэродроме решать свои вопросы с командующим Воздушной армией генерал-полковником С. Гореловым.

— Командующий на полигон дорогу знает? Или будем ездить весь день вокруг да около и вернемся за проводником и картой во Львов?

— Товарищ министр обороны, во-первых, нет месяца, чтобы командующий на этом полигоне лично не проводил бы какие-нибудь мероприятия; во-вторых, во всех видах транспорта, в том числе и в этой машине, имеются дорожные карты со справками и схемами-картами на все полигоны и аэродромы нашего округа; в-третьих, из Львова в сторону Львовского полигона идет только одна дорога — она же дорога на Яворов, — пояснил я.

— Вот третье обстоятельство — наверное, основное, — заметил Гречко. — Не так давно я с таким же воеводой пытался попасть на Добровольский полигон. Выехали из Риги утром, весь день проездили и вечером вернулись в ту же Ригу. Позор! Я понимаю, что водитель «Чайки» не знает дорогу на полигон, но командующий?!

Я молчал. Действительно, был такой печальный случай. Он стал нам известен через генштабистов (специально сообщили, чтобы еще кто-нибудь не попал в такую историю). Командующие друг другу об этом не звонили, а на первом же совещании у

министра обороны друг у друга ничего не спрашивали. Мало ли что бывает. Но самое главное — министр обороны, выступавший на этом совещании несколько раз, и словом не обмолвился, что в Прибалтийском военном округе был такой случай. Это говорило о благородстве А. А. Гречко, и каждый из нас был ему за это благодарен.

— Ведь получается точь-в-точь как в «Недоросле», — не унимался на этот раз министр. — «А зачем ему изучать географию? Его извозчик всегда довезет!» А здесь и извозчик, и начальник оказались несостоятельными.

Продолжаю молчать. Тогда Андрей Антонович вдруг переходит на другую тему — спрашивает, как у меня сложились отношения с украинским республиканским руководством и с областными руководителями. Я почувствовал себя как рыба в воде. Ведь со всеми, о ком спрашивал Гречко, отношения были просто прекрасными. Вначале я подробно рассказал о киевском руководстве, причем не только о Владимире Васильевиче Щербицком и Александре Ивановиче Ляшко, а и о всех их заместителях, т. е. о всех членах Политбюро и секретарях ЦК Компартии Украины, а также о всех заместителях Председателя Совета Министров Украины. Затем о Львовской области, имея в виду, что штаб округа стоял во Львове, а первый секретарь обкома Виктор Федорович Добрик был членом Военного совета нашего округа. А потом уже обо всех остальных, т. е. еще о девяти областях. Говорил я с вдохновением, иногда прибегая к подробностям, чтобы хорошо и всесторонне представить ту или иную фигуру.

Министр обороны меня не перебивал. Очевидно, от его внимания не ускользали такие моменты, когда я по ходу доклада вдруг обращаюсь к водителю и говорю: «Через 200 метров будет поворот направо. Нам надо свернуть и далее ехать аккуратно, не на повышенной скорости». После чего продолжал повествовать далее. К моменту прибытия к центральной вышке танковой директрисы я и закончил свой доклад.

Сразу же у машины министру обороны доложили вначале первый заместитель командующего войсками округа генерал-полковник Н. Б. Абашин, а затем — генерал из Генерального штаба, что все к стрельбе готово. Гречко решительно направился к вышке, на ходу говоря: «Надо подняться наверх, а там доложите подробности». Я пошел вперед и завел Андрея Антоновича на второй этаж, где была огромная, со всех сторон застекленная комната, откуда прекрасный, на все 360 градусов обзор. Местность просматривалась в радиусе от трех до семи километров. В передней части комнаты находился пульт

управления (такой же пульт был продублирован на третьем этаже, где сидела вся служба). Справа стояли столы и стулья, за которыми можно было бы работать. А слева — стол, накрытый для чая, который должен был заменить обед.

Генерал Генштаба доложил, что из танкового полка «Железной» дивизии прибыли все офицеры и все командиры танков, которые будут выполнять упражнения стрельб. Учебно-боевая группа танков проверена и к стрельбе готова. Боеприпасы подвезены.

— Какая учебно-боевая группа? — возмутился Гречко. — О каких командирах вы говорите? Где танковый полк дивизии?

Я решил немедленно вклиниться в этот разговор, чтобы он не приобрел опасно острого характера.

— Товарищ министр обороны, позвольте доложить?

— Что мне докладывать? Где полк? Я зачем сюда приехал? — распалился не на шутку маршал.

Чувствуя, что тоже начинаю закипать, я уже более твердо и решительно, независимо от того, слушает меня Андрей Антонович или нет, стал громко чеканить:

— Докладываю, товарищ министр обороны: вы мне приказали на аэродроме в Мукачево, чтобы к вашему прилету во Львов на танковой директрисе были сосредоточены все офицеры и командиры танков танкового полка 24-й «Железной» мотострелковой дивизии. Что и выполнено. Для стрельбы приготовлены танки учебно-боевой группы — это мое решение.

— Какие могут быть учебные танки, если к вам приехал министр? — не унимался маршал.

— Сейчас все это поправим. Через 30 минут весь полк будет на полигоне.

А. А. Гречко отвернулся от меня, отошел со своим генералом к противоположному окну и начал «чистить» уже его. Тем временем я звоню в полк, отдаю приказ начальнику штаба — поднять по тревоге весь полк и через 20 минут построить его на танковой директрисе. Начштаба приступил к действиям. Командира полка посылаю на «газике» с полигона в полк — для гарантии, чтобы ускорить дело и лично привести его на полигон. Генерала Абашина направляю на площадку проверки боя оружия — организовать выверку прицельных приспособлений каждого танка перед тем, как его выпускать на боевую стрельбу (у нас в округе на каждом полигоне, артиллерийской и танковой директрисах, на каждом стрельбище имелись такого типа контрольные участки для выверки и проверки боя оружия). Всех своих офицеров закрепил за каждым участковым направлением (а их шесть), поставил задачу проверить, обеспечить готовность

участка и выпускать на стрельбу очередного только при полной готовности стреляющего и материальной части.

Учитывая, что для подхода полка (точнее — его материальной части) еще потребуется определенное время, а учебно-боевая группа уже готова к «бою», да и офицеры штаба танкового полка могут уже выполнять упражнения, я обратился к министру обороны с просьбой начать стрельбу и добавил:

— Офицеры управления и штаба полка, кроме командира, не имеют закрепленных танков, однако все без исключения независимо от профессии — техник, тыловик или химик — могут стрелять из танков. И навык такой имеют.

Министр заинтересовался и дал разрешение.

В первом заезде участвовало три танка. Экзамен в роли стреляющих держали: заместитель командира полка, заместитель командира по технической части и начальник тыла (в прошлом танкист). Руководил стрельбой первый заместитель начальника штаба полка. Стреляющие экипажи построились у танков, загрузили боеприпасы и по сигналу горниста через мощные динамики: «Попади, попади, попади» — бросились в танки, привели их в боевое положение, завели двигатели. Все выполнялось быстро, сноровисто, так как существовали определенные нормативы. Буквально через несколько секунд все три танка, фыркнув, выбросили из своих выхлопных труб сизый дымок, заработали двигатели, а еще через несколько секунд стреляющие доложили руководителю, что они готовы к стрельбе. Все это по системе громкоговорящей связи было отчетливо слышно у нас, на втором этаже вышки. Наконец руководитель дал команду: «Вперед!» — и все три танка почти одновременно двинулись с места. Началась стрельба. Танк должен пройти около 700 метров на второй передаче и за это время поразить две цели из пулемета и одну из орудия. Цели были появляющиеся и движущиеся. Время — весьма ограниченное. Упражнение — сложное.

По нашему визуальному наблюдению нам показалось, что все цели поражены. Однако пульт зафиксировал другие показатели: один выполнил задание на четверку, два — на тройку. Радоваться было нечему. Хорошо, что хоть заместитель командира полка все-таки стрельнул на четверку. Хотелось, конечно, чтобы на пятерку — он как-никак отвечает в полку за боевую подготовку, но не слишком высокий результат можно списать на министра — каждый в его присутствии от перенапряжения вообще мог сорваться. Так что эта оценка была еще высокой.

Мы переживали, а министр никак не комментировал результаты. Тем временем у нас готовился следующий заезд

стреляющих: заместитель командира по политчасти, парторг полка и секретарь комитета комсомола. В это время подошел полк. Его командир поднялся на вышку и доложил министру обороны, что полк в полном составе прибыл для выполнения стрельб штатными снарядами. Гречко приказал следующий заезд делать уже боевыми танками и по всем шести дорожкам. Было принято решение стрелять не всем трем батальонам сразу, а поочередно — батальон за батальоном.

Второй заезд привез нам одну пятерку — ее «завоевал» комсорг, который еще недавно был командиром танкового взвода, одну тройку — ею был отмечен замполит полка. Еще одна оценка была под сомнением: то ли поставят двойку, то ли дадут перестрелять. Дело в том, что во время стрельбы из орудия случилась осечка, о чем стреляющий доложил по радио на вышку. Руководитель приказал: снаряд, давший осечку, извлечь, орудие перезарядить и продолжать выполнять упражнение. Однако экстрактор снаряда не выбрасывал. Пришлось этому танку стрельбу прекратить и с заряженным орудием возвращаться вместе со всеми в исходное положение. Парторг оказался в подвешенном состоянии — между двойкой и перестрелом. Но руководитель сказал, что вопрос будет решен в конце всех стрельб, а сейчас «на старте» уже стоял первый заезд на штатных машинах.

Экипажи этого заезда действовали эффектно, но «привезли» двойку, три тройки и две четверки. Причем двойку привез командир танковой роты, который всегда стрелял только отлично. Оказалось, что экипажи не успели «прогнать» через площадки контроля стрельбы и его танк, и весь заезд, т. е. все шесть танков. Прицельные приспособления лично на его танке были сбиты, что нам чести не делало — в парке стоянки машин танки должны быть в полной боевой готовности, в том числе с выверенными прицельными линиями. В общем, первый заезд на боевых машинах — и первая двойка…

Министр обороны посмотрел следующий заезд. Результаты были получше: одна пятерка, одна тройка и четыре четверки. Уже темнело. Гречко приказал перейти на ночные стрельбы и к утру доложить ему результаты. После чего, забрав Алексеева, Сидорова и меня, отправился прямо на аэродром. Дело в том, что все это происходило в среду. А в четверг на заседании Политбюро ЦК должны были рассматриваться военные вопросы. Поэтому ему обязательно надо быть в Москве.

Мы все уместились в одной «Чайке». Сидоров — впереди, а Гречко с Алексеевым — сзади. Я сидел на откидном кресле перед Епишевым, так что мог вполоборота отвечать на вопросы

министра. Вопросов ко мне было мало. Разговор шел в основном между Андреем Антоновичем и Николаем Николаевичем по проблемам, которые завтра будут затрагиваться на Политбюро. Как я понял, Гречко сокрушался о том, что Устинов — секретарь ЦК КПСС, отвечающий за военно-промышленный комплекс, — хотел «протянуть» на заседании новый вид ракеты, а Гречко был против приобретения Вооруженными Силами еще одной разновидности этого оружия. Он стоял на том, чтобы совершенствовать существующие — и расходов меньше, и оборона гарантированная. Алексеев обосновывал эту позицию министра.

На аэродроме нас встречали Кутахов и Епишев, которые вместе с членом Военного совета округа Фомичевым уехали с полигона раньше — с целью заехать в «Железную» дивизию и познакомиться, как она устроена.

У трапа перед отлетом министр обороны вдруг задает мне вопрос:

— А что сейчас намерен делать командующий?

— Когда я буду убежден в том, что ваш самолет взял курс именно на Москву, позвоню в Генштаб и доложу о вашем вылете. Затем вернусь на полигон и пробуду там до полного окончания стрельб. Завтра утром доложу вам результаты.

— Правильное решение.

Мы попрощались, и министр обороны улетел.

Возвращаясь на полигон, я думал о министре, его методах, его неповторимых способностях всегда схватить главное, принципиальное. Если же вдруг начнет муссировать какой-то частный вопрос, то лишь для того, чтобы повлиять на обстановку в целом. Так было, например, когда командир танковой роты стрельнул плохо.

— Вы представляете — это главный учитель и основной воспитатель всего личного состава роты! Он претворяет теорию в практику и, наоборот, — дает теории пищу для развития. И этот главнейший из главных вдруг на глазах подчиненных из божества превращается в нуль! Кто в этом виноват? Не только он сам, но и командир полка, командир дивизии, которые обязаны буквально лелеять ротных. Да и командующий тоже повинен — он обязан постоянно следить, создают ли эти начальники ротному благоприятные условия для работы, службы и жизни. Предположим, что ротный действительно стреляет, как мне доложили, только на отлично, а оружие на его танке не выверено. Значит, в мирное время это в потенциале — двойка, и он просто не имеет морального права обучать. А в военное время — это погибель! Рота в бою осталась без командира — а это очень

большая потеря, а ведь у нас в каждом полку есть целая служба артиллерийского вооружения, которая обязана, помимо поставок, ремонта и контроля за правильным хранением вооружения, следить, чтобы оно было выверено и пристреляно. Если это не сделано — надо потребовать.

И в таком духе он, казалось бы, по частному факту читал целую лекцию, которая не просто остается в памяти, но и, конечно, подталкивает к активным практическим действиям. Плеяда полководцев типа Жукова, Василевского, Тимошенко, Малиновского, Гречко, которые в разное время были министрами обороны СССР, оказала значительное влияние на строительство и развитие Вооруженных Сил. Она была воспитана Сталиным, и тоже таким же методом. Естественно, если человек тупой, как пуговица, то будь у него педагогом хоть Петр Великий, Карл Маркс, Михаил Ломоносов или Циолковский, а не только Сталин, — все равно ничего не сдвинется. Но в том-то и дело, что Сталин подбирал такие личности, которые в перспективе могли быть и министрами. Ведь Гречко уже в 1945 году, сразу после войны, стал командовать одним из основных объединений — Киевским военным округом. В год смерти Сталина был назначен Главнокомандующим Группы Советских войск е — Главнокомандующим Сухопутными войсками — заместителем министра обороны.

Возможно, читатель упрекнет меня за то, что я частенько возвращаюсь к Сталину. Но он действительно этого заслужил. Ведь он и своих соратников, и полководцев приучил мыслить «по-сталински» — масштабно и глубоко, предвидя последствия на многие годы вперед, маневрируя, исходя из складывающейся обстановки. Взять, к примеру, хотя бы заключительный период Великой Отечественной войны.

Мы вышли на государственную границу с Германией. Вот она, зловещая страна, которая принесла столько горя и страданий нашему народу. Немецкие полчища разрушили наши города и села, разграбили общенародное достояние, национальные святыни и ценности. Погибли миллионы ни в чем не повинных людей. Неспроста перу Ильи Эренбурга принадлежит грозная фраза: «Папа, убей немца!» Это поднимало людей на борьбу с фашистскими захватчиками. Да и призыв: «Воин, отомсти за свою Родину!» — тоже имел мощную движущую силу.

Казалось бы, Сталин мог сказать: «Воин, помни, что сделал немец на твоей земле и с твоим народом. Немец также должен поплатиться». И наши солдаты должны были крушить все на своем пути, не оставляя ничего живого и целого после себя. Имел советский солдат право на священную месть? Безусловно. Ну, а

какие социально-политические последствия были бы у такой политики? Кем бы прослыл наш солдат в мире? И что этими действиями он мог бы вернуть советскому народу?

Понимая все это и глубоко предвидя развитие событий, Сталин накануне вступления на германскую землю говорит нашему народу, нашим воинам и народам всего мира: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается!» Этим самым он спас миллионы немецких жизней, сохранил огромные ценности Германии. Немцы должны быть вечно благодарны Сталину за этот мудрый и великодушный шаг. Но немцы молчали и молчат. Они и будут молчать. А почему мы об этом молчим? Тем самым мы глупо выглядим. Глупцами были, когда поверили Хрущеву в необходимость, так сказать, разоблачения культа личности Сталина, а потом эта глупость по инерции пошла дальше. Вместо того чтобы опомниться и сказать, что с культом личности перегнули, руководители КПСС начали на разных этапах в разной степени обосновывать это решение. Таким образом, долгие десятилетия ничего положительного, сделанного Сталиным, не упоминалось. В общем, как в народе говорят: «Дурью маялись».

Ведь каждый начальник имеет свой культ. Разумеется, своего масштаба. Но разные начальники по-разному относятся к авторитету, общественному весу, словом, к культу своей личности. Одни никаких специальных мер не предпринимают, их авторитет складывается из их поступков и действий. А другие искусственно накачивают свой «культ» посредством дешевого популизма. Хрущев, например, проводя свои неуемные эксперименты, явно хотел прослыть великим реформатором. Но, кроме ущерба государству и народу, ничего доброго не сделал. А вот Горбачев и Ельцин уже без экспериментов, без шараханья в крайности, без метода проб и ошибок, а целенаправленно, прямолинейно и неотступно вели страну к развалу и разрушению. Все процессы доводили до необратимости. Однако все свои геростратовы шаги сопровождали, а точнее, прикрывали вполне приличными лозунгами. Например, Горбачев кричал: «Нам надо больше социализма, гласности и демократии». Народ, конечно, воспринимал это как чистосердечное желание генсека, а потом уже и президента, а не как наглую ложь. А вот Ельцин уже сузил свой лозунг до одной демократии, отбросив гласность и социализм. В социализме он уже «видел» все беды народов, поэтому в одной из поездок в Западную Европу заявил, что «теперь уже не будет бродить призрак коммунизма по Европе». В этих словах, как в фокусе, были сосредоточены и холуйство перед Западом, и предательство своего народа, и измена тем идеалам, которым верил народ и благодаря чему народ избрал его

президентом, и убожество в мышлении. Ведь можно расстрелять коммуниста, запретить и разогнать коммунистическую партию, закрыв ее газеты и журналы, лишить ее общественной трибуны, но нельзя убить идею — идея социализма и коммунизма будет вечно жить в умах и сердцах народов мира, как она жила и до этого…

Так вот, ехал я на полигон и думал об А. А. Гречко. Да, это настоящий министр! Буквально за сутки он смог своей личной проверкой авиационного, мотострелкового и танкового полка по главным вопросам составить полную картину о состоянии дел в округе. И хоть танковые стрельбы меня пока огорчили, но хватка министра, конечно, достойна подражания. Его частная проверка совершенно никого не выбила из колеи программы, но стимулировала нас к более активным действиям, потребовала внесения поправок и дополнений в программу боевой учебы.

Надо заметить, что А. А. Гречко «поддерживал необходимый тонус» во всех Вооруженных Силах. А ведь представьте, какая это махина. Только в Сухопутных войсках 18 военных округов и групп войск, которые размещены от Германии до Чукотки, Камчатки и Сахалина, от Кольского полуострова, порта Тикси и острова Новая Земля до Кушки, Термеза и Даурии. Так это только Сухопутные войска! А еще четыре флота Военно-Морских Сил, а Ракетные войска стратегического назначения (несколько армий, и все разбросаны по всей стране), а округа и армии ПВО, а воздушные армии ВВС центрального подчинения. Свыше сотни военных училищ и военных академий, заводов, арсеналов, баз и складов, более миллиона человек военных строителей. А еще постоянные контакты и взаимодействие с КГБ, МВД и военно-промышленными комплексами.

И везде он должен успеть, все он должен знать, на все обязан влиять. А самое главное — обязан поддерживать Вооруженные Силы на высоком уровне готовности к действиям по защите Отечества. И он везде успевал и все делал превосходно, хотя ему уже перевалило за семьдесят!

На полигон я приехал, когда уже совсем стемнело. Началась ночная стрельба. Из полка отстрелялась приблизительно одна треть. Тянули уже на четверку, хотя и с трудом. Но стрельбы ночью — дело сложное, темнота, конечно, влияла на результаты, хотя личный состав и имел хорошие навыки в этом отношении. Успокаивало то, что в тылу и на фланге, где находилась площадка контрольных стрельб, проводились занятия с заездами по различным вариантам упражнений. И лишь после этого экипаж попадал на огневой рубеж.

Стрельбы продолжались до четырех часов утра. Все

переживания закончились, когда подвели предварительный итог. Выполнение было высокое — 90 процентов. Однако отличных оценок было мало. Поэтому общая оценка вырисовывалась «хорошая». Для внезапной проверки, да еще силами министра обороны и с его личным участием — это результат был, конечно, приличный. И хоть внутри и подсасывало: «Можно было бы лучше», но и с такими показателями отчитаться было не стыдно.

Приказав, чтобы полк отдохнул до утра и после завтрака отправился в пункт постоянной дислокации, я с комиссией отправился во Львов. Оставив всех в гостинице, приехал в штаб, где меня уже ждали офицеры из оперативного управления и управления боевой подготовки. Я им наговорил суть донесения на имя министра обороны и приказал через час представить проект шифровки, а сам стал приводить себя в порядок. Бреясь, глянул в зеркало — оттуда на меня смотрело незнакомое заросшее лицо с синими кругами вокруг глаз. «Да, — подумал я, — не поспал только одну ночь, а уже синяки. А ведь бывало и три, и четыре ночи не спишь, и никаких тебе синяков. Да, как время идет — уже пятьдесят…»

В 7 часов подписал донесение. Оно состояло из трех разделов: проверка авиационного полка — кратко без оценок; проверка мотострелкового полка — подробнее, в том числе с перечислением недостатков, которые отметили проверяющие, однако с примечанием, что полк вышел в назначенный район в установленные сроки в полном составе; проверка танкового полка — подробно. Разумеется, упомянул, что проверяющие дали полку за дневные и ночные стрельбы штатным снарядом хорошую оценку. В заключение перечислил выводы, которые делает для себя округ, и сообщил, что эти вопросы будут рассмотрены на заседании Военного совета.

В 8 утра звоню в приемную министра обороны. Ответивший мне полковник Пушкарев сказал, что шифровка получена и уже в папке на столе у министра, Андрей Антонович ожидается в 8.30 — будет смотреть материалы к заседанию Политбюро ЦК. Сообщил также, что стоящий рядом генерал Сидоров шлет мне привет. Я попросил передать ему трубку и после приветствий задал вопрос:

— Надо ли мне звонить министру, если в шифровке все изложено, тем более что время у него ограниченное.

— Валентин Иванович, я советую все-таки доложить. Коль он вам лично сказал: «Позвонить!» — какой тут может быть разговор. Как только Андрей Антонович подъедет, я сразу дам вам знать и вы позвоните.

Так я и сделал. Во время доклада министру сообщил

фактически то, что написал. Министр обороны спросил, когда закончились стрельбы, не было ли происшествий и чем сейчас занимается полк. В заключение он приказал собрать оставленных генералов и офицеров, передать им, что со своими задачами они справились, и отправить их в Москву. Что мною и было выполнено.

Не успел я поделиться впечатлениями со своими соседями — с командующими войсками Киевского и Одесского военных округов — о том, что министр обороны на нас нагрянул с внезапной молниеносной проверкой (как гром с ясного неба), как вдруг приходит начальник штаба округа генерал-лейтенант В. А. Аболенс и сообщает:

— Товарищ командующий, у нас через месяц предстоят учения, на которых должны присутствовать иностранцы. Замысел и план проведения учения в Генеральном штабе утверждены.

— Когда мы сможем собрать исполнителей и обсудить план?

— Сегодня.

— Хорошо. После обеда собираемся в зале заседания Военного совета. А сейчас прикажите прислать все документы по учению мне — я предварительно с ними поработаю.

И опять всё закрутилось.

Изучение плана и его уточнение. Распределение обязанностей. Рекогносцировка и подготовка местности, где будут проходить основные эпизоды «боев»: строительство смотровых площадок, согласование с местными органами вопросов действия войск за пределами полигонов, привлечение и подготовка войск, которые должны участвовать в учении, и т. д.

Бесспорно, готовить и проводить такого рода учения значительно сложнее, нежели обычные. Ведь надо подбирать такие участки местности, которые бы хорошо просматривались, а приглашенные на учения иностранцы могли бы воочию удостовериться, какова степень подготовки войск, задать вопросы и т. д. И хоть к учениям привлекались всего лишь три развернутые общевойсковые и одна артиллерийская дивизия, несколько специальных бригад и отдельных полков (в том числе авиационных), всего около 70 тысяч человек, — заниматься приходилось с ними очень много. Через тридцать лет после окончания Второй мировой войны мы должны были продемонстрировать, что сила, которая повергла в прах фашистскую Германию и ее вермахт, а также германских сателлитов, не только не угасла, а увеличилась во много крат. Такие учения, в первую очередь, носили военно-политический характер. Гости должны были сделать для себя вывод о том, что если раньше Вооруженные Силы СССР были той мощью, шутить с

которой опасно, то сейчас об этом даже и подумать нельзя.

И нам этой цели удалось достичь.

На учение были приглашены и прибыли представители 12 стран: Англии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Испании, Италии, Норвегии, Польши, Румынии, Чехословакии, ФРГ и Швейцарии. То есть шесть стран от Варшавского Договора и шесть — от НАТО. Швейцария же хоть и не входила в НАТО, но ее представительство выполняло на этом учении поручения ЦРУ США, о чем я получил официальное извещение.

Прилетали приглашенные все вместе на нашем военном самолете из Москвы. Их встретили радушно — к каждому прикрепили переводчика и офицера из оперативного управления округа, легковой автомобиль, разместили в лучшей гостинице Львова. В этот же день командующий войсками округа, он же руководитель учения, дал ориентирование по схемам и картам, как мыслится провести учения. Всем гостям раздали необходимые документы, в том числе блокноты-календари с изложением по дням и часам и схемами эпизодов всех учений на русском и английском языках, а для ГДР и ФРГ — на немецком.

Во второй половине дня руководство Львовской области устроило шикарный прием в своих весьма респектабельных апартаментах. Всем гостям вручили закарпатские сувениры. Вечером организовали культурный досуг. Последующие же три дня были посвящены только учениям.

У приглашенных программа была почти такой же напряженной, как и у войск (исключая ночь). Мы постарались показать им действия практически во всех видах боя: прорыв подготовленной обороны противника (противник, естественно, был обозначен войсками и тоже действовал активно), развитие успеха, преследование отходящего противника, форсирование водной преграды, расширение плацдарма, ввод в бой вторых эшелонов и резервов, высадка воздушного десанта и соединение его с главными силами, встречное сражение, захват выгодного рубежа и отражение массированного налета авиации.

У руководителя учения были в резерве полнокровный мотострелковый полк, который предназначался для использования в особых случаях — для создания обостренной обстановки. Чтобы приглашенные чувствовали заинтересованность в проведении учения, им представлялась возможность иногда вносить предложения по изменению обстановки. Это оживляло общую ситуацию и повышало интерес к учениям, тем более когда гости видели, как реагируют войска на совершенно новую, внезапно родившуюся в группе наблюдателей вводную.

Все эпизоды учений выглядели довольно прилично, а разнос их на гигантской площади от Львовского до Ровенского учебного центра свидетельствует об их масштабности. Группе приглашенных наблюдателей пришлось перемещаться на легковых автомобилях, автобусах и вертолетах. Но во всех случаях они постоянно имели возможность наблюдать за динамикой действий войск.

Все закончилось на Ровенском учебном центре. Там же в полевых условиях был сделан разбор действий сторон.

Что интересно, руководитель умышленно не называл никаких оценок, а предоставил эту возможность приглашенным гостям. Второй разбор, именно для наших войск, было намечено сделать по возвращении частей и соединений в пункты постоянной дислокации.

На завершающем этапе здесь же, в поле, точнее на лесной поляне, был проведен заключительный акт — руководитель учения устроил прием для всех приглашенных. Без преувеличения, он удался на славу. Был построен огромный шатер, накрытый сверху маскировочными сетями, внутри же интерьеры были не хуже, чем в ресторане «Метрополь». Кроме того, вокруг были разбиты бытовые палатки для всех жизненных нужд, в том числе персонально каждому гостю поставлена уютная палатка, где он мог отдохнуть, привести себя в порядок и даже принять душ. Так что приехавшая «Европа» попала не в «каменный век», а в ультрацивилизацию. Такое мы могли позволить только для гостей.

На приеме я постарался создать непринужденную обстановку. Во вступительном слове поблагодарил всех не только за внимательное отношение, но и за активное участие в проведении учения. Отметил, что в действиях войск было всякое, но в целом они старались выполнить поставленную боевую задачу. «Конечно, каждый командир, — отметил я, — имеет свои методы и способы достижения цели, они могут не совпадать с нашими, но, на мой взгляд, принципиально действия участников учения можно назвать положительными. Тем не менее мы надеемся услышать от вас совершенно откровенные, объективные оценки».

Трапеза проходила на фоне легкой, еле слышной музыки, которая затихала, когда кто-то начинал говорить.

Выступали все, за исключением представителя Швейцарии, видно, не получили от своих шефов из ЦРУ необходимых рекомендаций. Первым взял слово представитель Италии.

Со свойственным итальянцам темпераментом он жарко высказывал свое восхищение действиями войск и всем увиденным (хотя нас угощали только сухим вином и лишь в конце, когда

были поданы мороженое и кофе, разлили по небольшой чарочке коньяк). Неудивительно, что ярко, тепло выступали наши братья по оружию — представители стран Варшавского Договора. Но когда нас расхваливали гости из НАТО — это вызывало у меня удивление. Ведь это происходило в 70-е годы — в пору высокой волны антисоветизма. Всем памятны были нападки в США даже на своего президента Форда. Его администрация обвинялась в том, что она якобы слишком много уступает Москве, при этом рекомендовалось стать значительно жестче. А на нашем банкете представители НАТО взахлеб расхваливали войска Прикарпатского военного округа и давали их действиям самые высокие оценки не как знак корректности находящегося в гостях, а, на мой взгляд, искренне. Даже представитель ФРГ генерал Фогель сказал:

— Господин генерал Варенников, господа! Я много прожил на свете и много видел. Я воевал и занимался подготовкой войск в послевоенное время. Мне довелось побывать на многих учениях, почти во всех странах Европы и в США, но мне впервые посчастливилось увидеть то, что было нам представлено. Это было как классическое театральное представление. Разница только в том, что в театре многократно репетируют, а здесь мы видели, как войска мгновенно реагировали на ту вводную, которую мы с вами создавали и вносили в обстановку благодаря благосклонности руководителя учения. Возьмите, к примеру, изменение направления контратаки мотострелкового полка «противника» под основание наступающих войск. Она по плану значилась слева. А мы попросили провести ее справа. Конечно, этому полку пришлось форсированно перемещаться на большое расстояние и развертываться для контратаки в новых условиях. Но удар был прекрасный, а парирование этого удара наступающими войсками было еще более эффективно.

И вот в таком духе генерал Фогель говорил минут десять. Его выступление, как, впрочем, и всех остальных, было поддержано дружными аплодисментами.

В заключительном слове я поблагодарил всех присутствующих за активное участие в учении и за теплые слова в адрес воинов Прикарпатского военного округа. Затем весьма дипломатично заметил, что мы воспринимаем их высокие оценки как аванс и будем предпринимать всё, чтобы приблизиться к тем вехам, которые здесь были обозначены. В заключение пожелал всем всяческих благ в жизни и миротворческих успехов в их деятельности, в сближении всех стран и укреплении мира.

Вечером все вернулись во Львов, а наутро я провожал гостей в Москву. Вслед за улетевшим самолетом в Генеральный штаб

полетела шифровка: «Учения «Карпаты» проведены. Присутствовали представители 12 стран. Замечаний нет. Происшествий не произошло». Всего несколько сухих формальных фраз. А ведь за ними стоят тысячи людей и огромный труд, вложенный ими в подготовку и проведение такого учения. Оно, как и любое другое учение, оставило значительный положительный след в подготовке войск. На своем разборе мы подробно исследовали все эпизоды, отметили отличившихся и в рамках округа наградили их. Наши энтузиасты со временем создали по этому поводу даже хорошую, с богатыми иллюстрациями, книгу. Конечно, это учение было необычное, а потому памятное.

Приблизительно через неделю после него я начал получать от бывших гостей благодарственные письма. Вполне естественно, что их прислали все наши союзники. А из натовцев я получил послание только от немца и итальянца. Кстати, итальянец через два или три месяца прислал большое письмо, уже из Италии. Он писал, что до сих пор, как завороженный, находится под впечатлением от учений в ПрикВО.

Я зачитал это письмо на заседании Военного совета округа, что, несомненно, вызвало у нас чувство гордости. Тем более было видно, что восторженный отзыв был абсолютно искренним.

Жизнь в округе продолжалась. Одни задачи шли параллельно с другими или вслед за решавшимися. А вот проектирование нашего санатория в Крыму на базе дачи «Орел» что-то никак не продвигалось. Заместитель командующего войсками округа по строительству генерал Дятковский очень долго и путано докладывал, что пока не могут найти исходные документы по этой даче и земельному участку. Однако я все-таки поставил задачу форсировать этот вопрос, потребовав, чтобы через пару месяцев мне была представлена проектная документация на строительство полуторакилометровой дороги от основной магистрали до дачи. Я считал, что до начала строительства санатория надо первым делом проложить к нему современную дорогу, а не ездить по ухабам грунтовой узкой дорожки, прорезанной 100 или 200 лет назад.

Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что Дятковский, дабы не иметь лишних забот, умышленно затягивает этот вопрос. Разумеется, прямых доказательств этого я не имел, поэтому высказывал только пожелание поторапливаться. Я увидел, что «выход» нашего округа к Черному морю затягивается. Нужны были срочные, действенные меры.

Но вдруг разыгралось событие, которое наложило отпечаток на всю мою жизнь. Как-то утром звонит мне второй секретарь

обкома Василий Александрович Святоцкий и говорит, что из Москвы от Пельше приехал товарищ и хотел бы со мной повидаться. Естественно, я удивился такому визитеру, но сказал, что сейчас пришлю офицера, который этого посланника сопроводит ко мне. Вызвав секретаря Военного совета округа полковника Григорьева, я ввел его в курс дела и направил в обком. Минут через двадцать ко мне в кабинет входит небольшого роста лысоватый мужчина неопределенного возраста и сообщает:

— Я от Арвида Яновича Пельше. Моя фамилия Соловьев, — и показывает мне удостоверение.

Я предлагаю присесть и рассказать, что его привело в округ.

— В Комитет партийного контроля при ЦК КПСС только за последние полгода поступило несколько анонимных писем на одну и ту же тему — о грубых нарушениях, допущенных при строительстве различных объектов в Прикарпатском военном округе, — пояснил он.

— Во-первых, автор этих писем, на мой взгляд, вводит вас в заблуждение — такого в округе нет. Во-вторых, и это главное, Леонид Ильич Брежнев официально, четко и ясно сказал, что анонимки не могут являться основанием для каких-либо официальных разбирательств!

— Это верно. Да мы и не намерены вести какое-то расследование. Но, понимаете, несколько писем — и все на одну и ту же тему, в разных вариациях, написанные от руки и на машинке… Это, конечно, настораживает. Вот поэтому заместитель председателя комитета Косов решил направить меня, чтобы хоть формально обозначить нашу реакцию. Я считаю, что ничего серьезного здесь нет. Похожу, посмотрю, поговорю с народом, а перед отъездом зайду и все расскажу.

Я поинтересовался, где он остановился, как обеспечен транспортом и нужен ли ему офицер, который мог бы показать ему все объекты и ответить на все интересующие вопросы. Однако Соловьев меня успокоил: он-де пользуется всеми услугами обкома КПСС, а что касается лица, знающего объекты и прочее, то он ему не нужен. «Что мне потребуется — я всё найду. У меня опыт богатый», — заключил ответственный работник комитета и, склонив голову набок, заглянул мне в глаза. У меня что-то ворохнулось в памяти: «Где я уже с таким взглядом встречался?» Неприятный — змеиный — взгляд.

Я вызвал полковника Григорьева, чтобы он проводил гостя, и мы распрощались. Но перед уходом он еще раз сказал мне: «Вы, Валентин Иванович, не беспокойтесь. Все это носит чисто формальный характер». На что я ему ответил: «А я и не

беспокоюсь».

Соловьев ушел, но мое беспокойство все-таки присутствовало и не ушло, осталось. И я слукавил, когда говорил, что я не беспокоюсь. По пустякам Комитет партийного контроля своих гонцов посылать не будет. Чтобы как-то развеять свои подозрения, я позвонил Фомичеву — члену Военного совета, начальнику политуправления округа. Он зашел ко мне, и я подробно рассказал ему о встрече с Соловьевым.

— Что же вы меня не пригласили, когда он появился у вас? — спросил Фомичев.

— Я предлагал ему это, но он категорически воспротивился и хотел, чтобы разговор состоялся между нами.

— Странно, — заметил Фомичев. — И ко мне не заглянул, хотя это всегда практикуется. Ну, да ничего. Я наведу справки, и потом мы посоветуемся.

Фомичев ушел. Звоню Виктору Федоровичу Добрику — первому секретарю Львовского обкома. Рассказываю о нежданном-негаданном визитере.

— Да, я уже слышал. Мне Святоцкий рассказал о его странном появлении: приехал поездом, никого не предупредив, прошел в обком по своему удостоверению, появился сразу у Святоцкого и сказал, чтобы ему выделили машину, устроили в гостиницу и дали работника, который знает Львов. Пока больше никаких требований. Мы предварительно навели хоть и скромные, но справки: работает в комитете уже несколько лет, ничем себя не проявил, до этого был, кажется, вторым секретарем Сахалинского обкома КПСС. В общем, я им займусь, — пообещал Виктор Федорович.

Опять я остался наедине со своими тревожными мыслями. «Где же мне встречался этот взгляд?» — мучился я, пытаясь вспомнить. И наконец, представьте, вспомнил. Даже лоб при этом вспотел.

Было это на Украине в зиму с 1942-го на 1943-й, когда мы выходили из окружения, которое нам организовали немцы южнее Харькова. Наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия вместе с немногими другими соединениями оказалась на острие глубокого вклинивания. До Днепра оставались уже считанные километры, как вдруг нас захлопнули: ударив под основание главной группировки, немецкие войска окружили нас между Днепром и Северным Донцом. Не имея сил к удержанию огромных просторов Левобережной Украины (коммуникации растянулись, боеприпасы были на исходе, потери личного состава не восполнялись), командование Юго-Западного фронта приняло решение об отводе войск на рубеж реки Северный Донец. Нашей дивизии было

приказано выйти в район южнее Балаклеи. Двигались по бездорожью в основном ночью, а к утру выходили на какие-нибудь незаметные деревушки и, выставив охранение, дневали, набираясь сил. Фашистская авиация днем просто свирепствовала, поэтому мы старались уходить в леса и в глухие деревни, куда немцы боялись ходить и тем более стоять гарнизонами, а службу свою они создавали из числа предателей. Вот и нам попался один такой на рассвете. Склонив свою плешивую головенку, он заглядывал мне в глаза и не говорил, а шипел:

— Ну что, хлебнули водицы в Днепре? То-то же! Это все пока цветики. Главное — впереди. Немцы еще покажут «кузькину мать». Сталинград — это эпизод. У Гитлера вся Европа в руках. Это силища! Когда вас вышибли с Украины, там был наведен полный порядок: все, от кого хоть чуть-чуть попахивало коммунистом, — были или расстреляны, или повешены, или зарезаны. И с вами так будет. Вы думаете, что убежите? Нет! Всех вас здесь сложат, как дрова…

— Товарищ лейтенант, что вы этого гада слушаете? Дайте я его хлопну, — не выдержал один солдат.

— Не надо, — успокоил я нашего солдата, — пусть говорит. Ведь от его слов моя ненависть к этим предателям и изменникам растет еще больше.

Но солдат, как-то быстро вывернувшись из-за моего правого плеча, с силой обрушил приклад на голову этого изменника. Тот упал, как сноп. Солдат, не мешкая, схватил его за ноги и поволок в лес. Через несколько минут вернулся и облегченно сказал: «Порядок».

Сейчас, вспомнив этот эпизод, я с омерзением вновь увидел взгляд Соловьева — злобный, змеиный. Тут мне позвонил Фомичев:

— Валентин Иванович, я навел справки: это обычная рабочая поездка с целью проверки или перепроверки каких-нибудь данных. В этом конкретном случае ничего делать не предполагается. Я думаю, нет смысла обращать на все это внимание.

Сообщение члена Военного совета, конечно, несколько сняло напряжение. Я отбросил все мысли о Соловьеве и о том, что он мог преподнести какой-нибудь «сюрприз». Ведь из какого органа прибыл! И люди туда, естественно, подбираются соответствующие. Поэтому мои рассуждения о Соловьеве, а тем более сопоставление его взгляда со взглядом провокатора и изменника, которого я встретил на войне, были по меньшей мере неуместны. Это была ничем не обоснованная крайность. Так я рассуждал тогда.

Приблизительно через неделю ко мне заходит тот же Соловьев и радостно говорит:

— Здравствуйте, уважаемый Валентин Иванович! Работу я закончил. Как сказал вам при первой встрече, так оно на самом деле и есть — никаких криминалов. Мало ли что кому-то покажется. В связи с этим я хотел бы показать вам текст одной из анонимок, чтобы вы были в курсе дела.

И дает мне два листа с плотно напечатанным текстом. Начиналось письмо с глубоких реверансов лично в адрес А. Пельше: только он лично и комитет способны наконец привести в порядок зарвавшегося военачальника (и далее моя должность, звание и фамилия), которому никакие законы и тем более приказы не писаны. И далее по полочкам раскладываются мои нарушения в области строительства. Сразу бросилось в глаза, что автор до тонкостей знает наши проблемы в этой области. Мысленно стал быстро перебирать всех, кто окружал заместителя командующего войсками по строительству генерала Дятковского. Я еще раз прочитал этот пасквиль, хотел было сделать себе пометки, но потом отказался от этой затеи — зачем унижаться?

Замечания анонима сводились в основном к следующему. К строителям предъявляются необоснованные требования в проведении форсированного строительства, что чревато нарушением мер безопасности, а следовательно, возможными травмами и даже человеческими жертвами, а также плохим качеством работ. Строительство ведется без всей необходимой отработанной технической документации (и даже сметы), а по рабочим чертежам, что является грубейшим нарушением существующих положений. Кроме бюджетных средств, утвержденных министром обороны, привлекаются еще какие-то дополнительные, происхождение которых вызывает тревогу относительно их законности. Ряд строящихся объектов, например, гостиницы в учебных центрах и т. д. — это прихоть командующего, их необходимость совершенно не обоснована и не вызвана жизнью. Допускается применение дорогостоящих отделочных материалов (керамзитовая штукатурка зданий, деревянные панели в казармах и т. д.), на что уже указывал заместитель министра обороны по строительству. Командующий и лично в отношении своего быта проявляет нескромность — с заездом в свой служебный дом приказал переоборудовать весь двор (участок).

Прочитав все это, я почувствовал омерзение, мне неприятно было даже дотрагиваться до этих листков, о чем я и сказал Соловьеву. Затем добавил:

— Я не намерен все это комментировать, но последнее, т. е.

переоборудование двора дома командующего, действительно имело место. Дело в том, что особняк стоит в центральной части города, и все знают, кто в этом доме проживает. Изгородь же, выходящая на улицу, представляет собой совершенно прозрачную ажурную решетку, через которую как на ладони видно всё, что делается во дворе. А во дворе до меня были курятники и крольчатники, что, конечно, не украшало жильцов дома. Поэтому я приказал их снести, разбить клумбы с цветами, а внизу двора устроить волейбольную площадку. Вот и все «переоборудование». Что же касается всего остального, то это просто чушь.

— Вот вы и напишите об этом кратко, буквально на одном листке, — посоветовал Соловьев.

— Но ведь вы же сами сказали, что никакого разбирательства не будет. Зачем же предлагаете дать письменные показания?

— Да никакие это не показания! Просто ваше принципиальное к этому отношение.

Препираться с «высоким проверяющим», тем более по таким мерзопакостным вопросам, сопровождающимся его тошнотворной манерой «заглядывать в глаза», мне было крайне неприятно. Я сел, кратко набросал пояснение и, не перечитывая, отдал Соловьеву. Тот не просто взял, а мигом выхватил листок из моих рук. Впечатление было такое, что он боялся вообще ничего не получить, что в последний момент я передумаю и, написав, не отдам.

Соловьев сразу стал раскланиваться, сгребая при этом все свои бумаги в портфель. У двери он сунул мне потную, липкую, вялую ладонь и мы наконец расстались.

— Личность подленькая, — прокомментировал мой рассказ первый секретарь Львовского обкома КПСС Виктор Федорович Добрик, — но я не думаю, что он сделает какую-нибудь пакость, располагая тем, что имеет. И потом, даже самый отпетый подлец хоть малую толику совести, наверное, все-таки имеет! Думаю, что будет все нормально.

Я успокоился, затем пообщался с членами Военного совета округа, и мы решили все-таки обсудить это на заседании совета. Ограничились протокольной записью, что в связи с работой в округе представителя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Военный совет подтверждает, что нарушений в области выполнения плана строительства в округе нет. В то же время отмечает необходимость ускорения строительных работ. На этом, казалось бы, все и должно было закончиться.

Сам факт приезда «московского гостя» стал уже забываться. Однако месяца через полтора «бомба» взрывается. Звонит телефон правительственной связи «ВЧ». Поднимаю трубку,

представляюсь и слышу в ответ голос того визитера:

— Здравствуйте, Валентин Иванович. Это Соловьев из Комитета партийного контроля.

— Слушаю вас, — насторожился я.

— Вы получили извещение о том, что вызываетесь на заседание комитета?

— Какое извещение? Какое заседание? Вы же говорили, что ваш приезд носил лишь формальный контрольный характер и что на этом все будет закончено?!

— Но комитет посчитал, что все это очень серьезно и ваше дело будут разбирать.

— О чем вы говорите? Какое «дело»? Ведь никто со мной по этим вопросам даже не беседовал!

— Как же, как же? А я? Вы ведь даже дали письменные показания! И сейчас стоит вопрос вообще о вашем пребывании в партии. Ваши действия расценены как антигосударственная практика.

Я повесил трубку. В висках пульсировала кровь, сердце стучало, горло схватили спазмы. Внутри все разрывалось от возмущения, боли и негодования. «Какой гад, какой гад! Какой гнусный гад! И еще работает в таком органе! Как можно так лгать человеку, который открыто доверился ему, совершенно ничего не утаивая? Что же это за коммунисты?» — эти тяжелые мысли меня буквально давили.

Опять звонит телефон «ВЧ». Слышу голос Соловьева:

— Что-то произошло на линии.

— Нет, это я положил трубку. Нам не о чем с вами говорить.

— Вы поймите, дело очень серьезное. Через три дня вас будут обсуждать на заседании комитета…

Я вновь положил трубку. Переключил все аппараты на приемную и по селектору предупредил адъютанта, что говорить по телефону не могу. Снял галстук — сдавливало горло. Стал ходить по кабинету, чтобы успокоиться. «Как же так — я в разгар войны вступаю в партию, отдаю всего себя служению Отечеству, а мне через тридцать лет после войны говорят, что мне не место в партии?!»

Зашел Аболенс:

— Товарищ командующий, что случилось?

— Виктор Яковлевич, позвони Фомичеву, чтобы зашел, а я пойду умоюсь.

Пошел в туалетную комнату, снял рубашку, майку, подставил голову под холодную струю и долго гасил напряжение. Потом, приведя себя в порядок, вышел в кабинет. Присели втроем к столу. Я начал:

— Так вот, уважаемый член Военного совета, начальник политуправления, после визита Соловьева командующего войсками Прикарпатского военного округа вызывают на заседание Комитета партийного контроля на предмет исключения его из партии в связи с антигосударственной практикой в строительстве объектов округа.

Фомичев так и подскочил:

— Да не может этого быть!

— Ну, до чего вы наивный человек, — сказал я, — вы и меня этим дезориентировали, и сами никаких упреждающих мер не предприняли. А я десять минут назад получил официальное предупреждение о прибытии к Пельше.

— Надо что-то делать… — вздохнул Фомичев.

— Надо было делать раньше, а сейчас, когда уже назначена дата заседания, поздно об этом говорить. Вот я сейчас в вашем присутствии позвоню Епишеву.

Набираю по «ВЧ» номер телефона начальника Главпура. Как всегда отвечает дежурный. Представляюсь и говорю, чтобы он немедленно соединил с начальником по весьма важному вопросу. Через минуту в трубке голос Епишева:

— Слушаю вас.

— Алексей Алексеевич, здравствуйте. Звоню по необычному вопросу — над моей головой сгустились тучи…

— Говори погромче, а то связь плохая, — перебивает Епишев, но связь хорошая, просто он мгновенно стал физически и морально-нравственно глуховатым.

— Варенников докладывает, Алексей Алексеевич. У меня беда — по непонятным для меня мотивам вдруг вызывают на заседание Комитета партийного контроля. Я прошу вас разобраться с этим вопросом.

— Нет уж, Валентин Иванович, уволь. Я этим делом заниматься не буду. Сам натворил — сам и разбирайся.

— Так в этом и весь вопрос, что ничего не натворил. Это просто недоразумение.

— Нет, нет! У нас так не бывает, чтобы без причины вызывали на заседание КПК. Мы все перед этим органом равны, начиная от генсека.

— У меня больше вопросов нет.

— Вот так. Поедешь и все чистосердечно расскажешь. Покайся, скажи, что был грех, но вывод сделал. Там люди мудрые, поймут.

— О чем вы говорите? Мне не в чем каяться. Я ничего не совершил.

— Ну, тебе виднее. Я тебе советую.

Мы закончили разговор, даже не попрощавшись.

Аболенс озабоченно советует:

— Надо звонить министру обороны. Все-таки член Политбюро!

— Во-первых, мне просто по-человечески стыдно звонить министру, а тем более просить, чтобы он спасал. А во-вторых, уже поздно. Это надо было делать месяц назад, когда все было в зародыше.

Аболенс и Фомичев ушли. Я сижу и никак не могу собраться с мыслями, чтобы как следует проанализировать ситуацию и наметить хотя бы пунктиром свои дальнейшие действия. Звоню в обком Виктору Федоровичу Добрику и подробно рассказываю все, до Епишева включительно. Если бы кто-нибудь слышал его реакцию! Сколько есть на свете нелестных эпитетов — столько он и высказал в адрес Соловьева. В свою бурную речь он вставлял острое народное словцо, что еще более усиливало его возмущение и презрение. Затем его «бушевание» закончилось дельным решением: «Мы не дадим им чинить расправу!»

Я не уточнял, что это значит, но коль сказано: «мы», значит, это может быть вплоть до Щербицкого. Что, кстати, так и вышло. Добрик входил в состав Политбюро ЦК Компартии Украины и, естественно, был близок к Владимиру Васильевичу Щербицкому. Да и вообще Виктор Федорович был активный, с напором человек, весьма целеустремленный и обязательный.

Все оставшиеся до отъезда дни прошли как в тумане. Никуда не выезжал, ни с кем не встречался, никаких крупных решений не принимал, никаких заседаний не проводил, лишь формально (именно формально, потому что не мог себя заставить вдумываться) рассматривал накопившиеся документы.

Оказывается, вместе со мной в Москву вызывался и генерал Дятковский. Только я не мог понять — в качестве кого: ответчика или свидетеля. Когда я задал ему этот вопрос, то он сказал, что сам не знает и что с ним на эту тему вообще никто не беседовал. Я был удивлен: почему главное лицо, которое непосредственно отвечает за эту область, вдруг вообще осталось в стороне? С кем же тогда беседовал Соловьев, кто, как не Дятковский, мог дать ему самые достоверные справки?

Накануне поездки я заказал через Генштаб себе машину на аэродром, собрался с мыслями и, как ни странно, почувствовал себя уже спокойно — видно, обида, возмущение и горечь от несправедливости уже перегорели. Однако в душе затаилась, притихнув на время, злость на людей центрального аппарата, использующих такие «методы работы» для очернения честных, преданных стране людей. А ведь случай со мной далеко не

единственный! Это же самый настоящий гнусный подкоп гнусной партократии, а никак не коммунистов. Эти партийные бюрократы и чинуши никогда коммунистами не были.

Я продумал свои действия. Решил так: если будет грубое, необоснованное давление — отвечаю тем же, но ни за что не изменю своим принципам, что бы меня ни ожидало; если же комиссия будет склонна спокойно, по-деловому во всем разобраться — я готов доложить детально, чем были вызваны те или иные мои решения. А в принципе был готов к самому худшему, поэтому уже прикинул, что, если исключат из партии, значит, придется уходить и с должности. Разумеется, тогда я немедленно напишу рапорт с просьбой об увольнении. И хоть генерал-майора тогда увольняли в запас не ранее 55 лет, а я был генерал-полковником и в возрасте только 51 года, но можно было сослаться на «здоровье» и т. д. На административную работу на Украине меня, конечно, возьмут.

Вот с таким настроением я прилетел в Москву и сразу отправился в грозный комитет. Захожу в соответствующую комнату — там восседают Соловьев, Потапов и еще кто-то. Подхожу к Потапову:

— Вот, Иван Перфильевич, как дико может обернуться дело! И никто не хочет разобраться по справедливости. Ни наш Главпур, ни ваш административный отдел. Всем все безразлично.

Иван Перфильевич молчит. Чувствую, что он тоже переживает, но вида не показывает и, конечно, марку ЦК должен выдержать. Подошел Соловьев:

— Я хочу вас сориентировать, как будет проходить заседание…

— Мне не нужна ваша ориентация! Один раз вы уже это сделали, благодаря чему я и оказался здесь. Я сам разберусь, что к чему. Вот генерала Дятковского ориентируйте, — умышленно грубо отрезал я Соловьева.

— Ну, что вы так?.. — начал было Иван Перфильевич.

— Он заслуживает еще худшего обращения, — сказал я и отошел к окну. — И вообще не трогайте меня и не «разогревайте» до заседания.

Минут через 15–20 нас повели в зал заседания. Он находился этажом выше. Фактически это была большая комната, посередине которой стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На противоположном конце стола на фоне большого окна сидел председатель комитета А.Я.Пельше. Справа и слева стола располагались члены комитета. Приглашенные, как бедные родственники, мостились у стен на стульях. Здесь же посадили и нас с Дятковским, и слушание «дела Прикарпатского военного

округа» началось.

Слово для доклада было предоставлено заместителю председателя комитета Косову. В преамбуле он довольно долго говорил о том, каким должен быть коммунист и что надо этим званием дорожить. Затем сделал переход на Прикарпатский военный округ — как сам командующий войсками округа коммунист Варенников понимает это и дорожит этим. И далее изложил все то, что было написано в анонимке, но более подробно и с «глубокими» выводами. Правда, вначале, как бы оправдываясь, докладчик оговорился, что анонимные письма у нас фактически не разбираются, но в данном случае было сделано исключение, так как буквально за полгода комитет был завален такими письмами, и всё на одну и ту же тему — командующий Варенников нарушает законы. Комитет почувствовал неблагополучное положение в округе и вынужден был проверить состояние дел. И комитет не ошибся — все подтвердилось. Мало того, и коммунист Варенников, судя по его объяснительной записке, не понимает порочности своих действий. И далее Косов, раскладывая Варенникова по полочкам, после каждого эпизода подчеркивал, что это несовместимо с высоким званием коммуниста.

Я понял, к чему клонит докладчик. Когда же по этому поводу выступили почти все члены комитета, дружно говорившие о том, что пора положить конец этим бесконтрольным действиям горе-единоначальников, которым дали большую власть, а они ею не только злоупотребляют, но и наносят ущерб государственным интересам, — я окончательно пришел к выводу, что вопрос уже предрешен и никакого делового разговора здесь, с этими аллигаторами, конечно, не будет. Я смотрел на эти фигуры, и, да простит меня читатель, мне казалось, что у каждого вместо лица было рыло старого крокодила. С раскрытой пастью, готовой схватить и проглотить любого, кто здесь появится.

Когда все высказались, Пельше обратился ко мне:

— Что скажет коммунист Варенников?

Я вышел приблизительно к середине длинного стола и, понимая, что вопрос о моем пребывании в партии уже решен, начал:

— Уважаемый председатель, уважаемый комитет. С большим сожалением я должен заявить, что факты, изложенные в докладе, совершенно не соответствуют действительности (тут сидящие за столом дружно зашипели), а приложенная к делу моя небольшая объяснительная записка — это не недопонимание, как было сказано, а всего лишь попытка уже тогда дать понять, что надо разобраться, а не ссылаться на анонимки и анонимщиков. Тем

более безосновательны выводы выступивших по докладу — им вообще неведомо дело, все стоят на ложном пути. Но я не намерен вступать в полемику и тем более оправдываться — для этого нет причин. Однако я поставлю три вопроса…

— Да вы посмотрите на него! Он еще собирается задавать нам вопросы! — Кто-то из сидящих за столом резко перебил меня, и все его соседи так же дружно враз подхватили эту «песнь». Польше, однако, не прореагировал. Он был непроницаем.

— Успокойтесь, я совершенно не намерен задавать вопросы вам — это бессмысленно, — сказал я. — Я повторяю: поставлю три вопроса и на них отвечу сам.

Первый вопрос: все то, что построено по моим распоряжениям, это строилось для меня лично или для войск? Я считаю, что никто и не подумает, что это могло строиться для меня. Можно перечислить все объекты за два последних года — я их помню наизусть.

Второй вопрос: все то, что было построено по моим распоряжениям, делалось кому-то в угоду и с нарушением финансовой дисциплины? Нет. Ни один объект в угоду какому-то начальнику не строился. А что касается финансирования объектов, то никакая комиссия не сделает нам ни одного упрека. Кстати, и в анонимках тоже об этом не говорится.

И третий вопрос: а все то, что было построено по моим распоряжениям, необходимо было строить для округа или без этих объектов можно было обойтись, как намекает одна из анонимок? Я считаю, что эти объекты крайне необходимы, а методы, которыми я пользовался при их строительстве, прогрессивны. И если мне после этого заседания доверят командовать Прикарпатским военным округом, то я и впредь буду строить именно так. У меня все.

Не ожидая вопросов, я направился на свое место. Но что там началось?! Половина членов комитета повскакивали и начали кричать: «Он не делает никаких выводов!» Другие вторят: «Это неслыханная наглость!» Наконец, угомонившись и успокоившись, начали выступать по второму кругу. Однако ни один «оратор» не затрагивал вопросов по существу: я критиковался главным образом за «неправильное» поведение на комитете и за то, что не раскаялся, не сделал «выводов».

Наконец, когда все утихли, Пельше снова обратился ко мне:

— У вас есть что ответить на вопросы?

— Вопросов по существу обвинения не было. А что касается раскаивания, то для этого нет причин — я совершенно не считаю себя в чем-то виновным.

Тогда вытянули Дятковского. Он, конечно, выступил очень

гибко, тем самым смягчил общую обстановку. Он также заявил, что видит свою вину в том, что несвоевременно докладывал командующему относительно необходимости оформления документов и т. п. Это всех успокоило. Дятковскому задали два-три вопроса, и на этом «пытание» закончилось.

Когда все успокоились, начал говорить Пельше. Он долго и подробно говорил о том, какую заботу партия и правительство проявляют о Вооруженных Силах. О том, что народ во имя поддержания нашей армии и флота на высоком уровне боевой готовности отрывает от себя многое. Что военачальники, которым доверили командовать крупными объединениями, в первую очередь должны это понимать, а выделяемые для строительства средства обязаны расходоваться рачительно. И далее все в том же духе. Чем больше я слушал Арвида Яновича, тем яснее мне становилось, что вопрос об исключении отодвигается. Наконец он закончил и, сделав некоторую паузу, сказал:

— Для полного представления вопроса и окончательного принятия решения я зачитаю… характеристику, которую нам прислало Политбюро ЦК Компартии Украины на члена ЦК Компартии Украины коммуниста Варенникова.

Опять сделал значительную паузу. И далее, не торопясь, начал читать то, что прислал Щербицкий.

За долгую службу я имел немало хороших, ярких характеристик. Но то, что было зачитано, превзошло всё. Меня даже бросило немного в жар. Я достал носовой платок и, быстро смахнув с лица и шеи капельки, посмотрел на сидящих за столом. У всех был понурый вид, кое у кого отвисла челюсть. Никто друг на друга не смотрел. Пельше читал с толком, с расстановкой и, закончив читать характеристику, опять сделал паузу, окинул всех взглядом и добавил:

— Я поинтересовался в Министерстве обороны — как они характеризуют коммуниста Варенникова. Мне ответили, что военный округ, которым он командует, уже два года является лучшим военным округом в Вооруженных Силах и что к Варенникову никаких претензий нет.

В комнате установилась гробовая тишина. Молчал и Пельше. Затем он заключил:

— Я уверен, что проведенное заседание комитета пойдет коммунисту Варенникову на пользу и он обязательно сделает для себя выводы. Учитывая это и все остальные изложенные мной обстоятельства, есть предложение в отношении коммуниста Варенникова ограничиться вызовом. Кто «за»?

И сам первый поднял руку. Все за столом последовали его примеру.

— Кто «против»? Кто «воздержался»? Нет. Коммунист Варенников, учтите все замечания.

Я поднялся и заверил, что все это будет сделано.

Затем Пельше предложил «поставить на вид» коммунисту Дятковскому и указать, что он обязан своевременно докладывать командующему необходимые вопросы с целью недопущения нарушений. Все проголосовали, а Дятковский, естественно, поклялся.

На этом заседание закрылось. Точнее, нас выпустили. Спускаясь по лестнице, Соловьев все бубнил мне в спину: «Надо зайти ко мне». А я ему: «Мне там делать нечего». Тогда вмешался Иван Перфильевич Потапов: «Надо зайти». Я ответил: «Только ради вас».

Когда зашли в кабинет, Соловьев, приняв деловую позу, попытался было растолковать мне и Дятковскому, какие нам надо сделать выводы.

Не обращая никакого внимания на его монолог, я сказал Потапову:

— Иван Перфильевич, если бы вы знали, какую подлость он мне сделал, как он лгал! Я поражен, что такие люди могут работать в аппарате ЦК. Я поехал в округ и буду работать, как и работал.

Распрощавшись с Иваном Перфильевичем, мы с Дятковским отправились на аэродром. Конечно, порядок требовал, чтобы после ЦК я покаялся в Главпуре, но, учитывая позицию Епишева, либерал-социал-демократа в тоге коммуниста, я решил ехать к самолету. По дороге зашли в магазин, взяли коньяк, закуску. Через час взлетели, а во второй половине дня радостные члены Военного совета уже встречали нас на аэродроме. Они уже все разузнали через Потапова и откровенно радовались такой развязке.

Но пока два часа летели до Львова, у нас с Дятковским было о чем поговорить. Конечно, первую чарку мы выпили за то, что все закончилось благополучно. Вторую — за добрых и честных людей, которые обеспечили такой итог. А третью — за новые успехи.

Однако меня все время мучил вопрос — кто же является той паскудной личностью, которая строчит лживые анонимки в Москву? Но сколько версий мы ни строили, ничего определенного не получилось. Но, как говорится, нет ничего тайного, что бы не стало явным. Все разъяснится позже, через несколько лет.

Дятковский, которому было уже за шестьдесят, вскоре уволился. Я добился через правительство Украины, чтобы ему дали в центре города Киева трехкомнатную квартиру. Устроил

там же его на работу. Позаботился, чтобы он приобрел «Волгу». Из Львова ему посылали кое-что для обустройства. На очереди стоял вопрос, чтобы я походатайствовал о выделении ему под Киевом садового участка под дачу или чтобы ему дали госдачу в аренду.

Но однажды ко мне вдруг приходит Николай Викторович Грязнов — новый заместитель командующего войсками по строительству (вместо Дятковского) и говорит:

— Вы знаете, кто был тот самый анонимщик?

— Кто?

— Дятковский.

— Не может быть! Он сам возмущался и искал этого подлеца.

— Да, возмущался и одновременно строчил всем московским начальникам.

И Николай Викторович поведал мне гнусную историю этого гнусного анонимного доносчика.

Вот так бывает в жизни.

Но жизнь в округе продолжала бить ключом. Войска Прикарпатского военного округа были на высоте. И это была заслуга наших офицеров.

Глава III
Последние годы с А. А. Гречко

Антисоветская кампания набирает обороты. Внезапная проверка министра обороны. Последнее стратегическое командно-штабное учение министра обороны. Личные откровения Гречко. В. Щербицкий в нашем округе. Кончина и похороны Андрея Антоновича Гречко. Но жизнь и служба продолжаются.

Середина 70-х годов характеризовалась новым всплеском конфронтации Запада и Востока. Волну антисоветизма, как всегда, подняли в США. Американские ястребы набрасывались на Советский Союз по любому поводу. Одновременно от них доставалось и тем своим политикам, которые, по их мнению, либеральничают с Советами.

Несомненно, в то время огромное значение имела встреча Брежнева с президентом США Фордом во Владивостоке, состоявшаяся в конце ноябре 1974 года. Фактически это был первый принципиальный разговор глав двух великих держав по проблемам сохранения мира на планете. Разумеется, основное место в этих переговорах было отведено стратегическим наступательным вооружениям, точнее, выработке мер по их ограничению.

Главную роль в этом событии играли дипломаты, сопровождающие Брежнева и Форда. Однако созданию благоприятных условий для этой встречи побочно способствовали и местные (дальневосточные) органы — партийные и советские, органы КГБ и МВД и, конечно, Дальневосточный военный округ Вооруженных Сил СССР. Командовал им в то время генерал Василий Иванович Петров. Задолго до встречи округ получил задание на проведение различных строительных и других работ, с чем, кстати, справился успешно. Естественно, об этом никто и никогда не говорит, но нам, военным, это было хорошо известно, и мы четко представляли, что это был за труд и какая мера ответственности возлагалась на округ в целом и лично на командующего войсками Петрова. Поэтому, когда через несколько месяцев после этих событий Василий Иванович Петров был выдвинут на должность первого заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил, то все мы эту весть встретили с одобрением, хотя, на мой взгляд, он заслуживал большего.

Уже значительно позже, получив назначение в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР, я по долгу службы отвечал за их развитие и строительство, боевую готовность, боевое дежурство, за оснащение армии ультрасовременной боевой техникой и введением ее в состав действующих войск, а также за выработку для военного и политического руководства страны в целом предложений по военно-политическим аспектам, в том числе и в первую очередь по вопросам ограничения и сокращения стратегических ядерных сил. Разумеется, чтобы действовать в этой области свободно, мне пришлось по стратегическим наступательным вооружениям изучить все, начиная с первого шага.

Встреча во Владивостоке была, как и у всех, в центре моего внимания, и я мог видеть, как трудно складывались первые шаги с обеих сторон.

Форд переживал кризис исполнительной власти, унаследованный еще от Никсона — с его Уотергейтского дела. Поэтому президент США был вынужден оглядываться на конгресс, на правые круги, которые требовали: «Никаких уступок Советскому Союзу!» Эту кампанию в США возглавлял Рейган — представитель правого крыла республиканской партии, а также группа сенатора-ястреба Джексона. Для них чем хуже отношения с Советским Союзом, тем лучше. Они совершенно не задумывались о реальных негативных последствиях такой политики для мира в целом. Мало того, они заявляли, что именно в интересах мира надо сломить Советский Союз.

У Брежнева тоже было много проблем. Они объяснялись многими причинами. Во-первых, Леониду Ильичу пришлось впервые лично выступать в роли главного специалиста в этой ракетно-ядерной области и отстаивать интересы страны. Во-вторых, здоровье у него к этому времени уже было не весьма. В-третьих, в руководстве страны (в первую очередь в Политбюро ЦК) не было единства взглядов на общую линию в переговорах с США. Одна группа во главе с Гречко и Подгорным стояла на позиции — не допустить уступок американцам, вести переговоры на принципах равной безопасности. Другая, во главе с Устиновым и Андроповым, была склонна идти на уступки ради общих интересов, интересов, так сказать, народов мира. К этой группе, по просьбе Брежнева, склонялся и Косыгин. Почему? Потому что это, как он считал, был, к сожалению, единственный вариант, который мог сблизить СССР и США. Но важно отметить, что Леонид Ильич не позволял себе самоуправства, тем более во внешней политике, как это делал, к примеру, Хрущев, Горбачев или Ельцин. Он понимал высокую ответственность перед

народом, страной, и поэтому при принятии решений он старался заручиться мнением большинства нашего руководства.

Понимая сложность положения Форда, а также необходимость все-таки продвижения проблемы сокращения ядерных вооружений, Леонид Ильич приходил к выводу, что никакого прогресса здесь не будет, если в очередной раз не пойти на уступки. В этот раз она выглядела весьма внушительно: мы соглашались с тем, чтобы ядерные средства передового базирования США, а также ядерные средства Англии и Франции не учитывались в общем зачете. Американцы же в обмен на это снимают свои претензии по ограничению наших тяжелых ракет, в том числе оснащения их разделяющимися головными частями (РГЧ).

Договоренность глав государств во Владивостоке по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) заложила основу переговоров на эту тему в Женеве (январь 1975 года). Тем не менее общая ситуация в мире не улучшилась, а советско-американские взаимоотношения даже ухудшились, хотя советской стороной предпринимались все меры к смягчению обстановки. Однако конгресс США принял дискриминационные законы в отношении СССР в области торговли. Это сказалось на политических отношениях между нашими странами и нанесло ущерб разрядке.

Несомненно, на все это накладывалась тень приближающихся выборов президента США. Экстремистские силы Америки были не заинтересованы в улучшении отношений между СССР и США. Наоборот, они открыто выступали с лозунгом об изменении разрядки в пользу Соединенных Штатов. Спрашивается, что же это за разрядка, если она должна быть в пользу одного государства? Скорее, это намеренное обострение отношений между двумя великими державами. Особенно свирепствовала в этом отношении центральная пресса США, консерваторы, продажная профсоюзная верхушка и, конечно, сионистские организации.

Американская общественность была также раздражена итогами войны во Вьетнаме. В апреле 1975 года войска США покидали эту страну, и Советский Союз предпринимал шаги (по просьбе Форда), чтобы северовьетнамцы позволили им без проблем уйти из Вьетнама. Но данные потерь в этой войне, несомненно, производили впечатление на американского обывателя, а пресса США связывала их с Советским Союзом, который всячески помогал Вьетнаму в борьбе за его независимость. Особо весомая помощь проявилась в поставках средств ПВО. В принципе это так и было.

В конце июля — начале августа 1975 года в Хельсинки завершилась знаменитая и поистине историческая встреча представителей 35 государств. В ее итоге были подписаны соглашения, по которым страны принимали на себя обязательства: по вопросам поддержания безопасности в мире, в том числе о признании законности послевоенных европейских границ; по экономическим вопросам и по правам человека.

И если в Советском Союзе Хельсинкские соглашения были восприняты всем обществом действительно единодушно и положительно, то в США и консерваторы, и либералы, разжигая антисоветизм, критиковали администрацию Форда за мягкость и уступчивость Советскому Союзу, хотя ни то, ни другое не просматривалось. В США начали устраивать шумные, крикливые пропагандистские кампании по поводу эмиграции из СССР тех или иных одиозных личностей, стали поднимать настоящую истерику вокруг небольшой кучки диссидентов, хотя и школьнику ясно, что это чисто внутреннее наше дело. Мы же не вмешиваемся в действия Ку-клукс-клана или политику окончательного уничтожения индейцев на территории США, хотя они являются коренным населением этой страны.

Тупые фигуры в руководстве государства хоть и не часто, но попадаются во всех странах, в том числе и в должности министра обороны. К сожалению, кое-кого мы можем назвать и у нас. А в те, 70-е, годы таким редким экземпляром в США был Шлесинджер. Не задумываясь о последствиях, он ляпнул, что возможно применение ядерного оружия Соединенными Штатами против Советского Союза. К сожалению, этот не политик и даже не современный военачальник не мог представить, что при этом останется от самих США? А что произойдет с миром вообще?

Нельзя администрации США давать волю своему бешенству даже потому, что Советский Союз — мощная, великая держава с колоссальным экономическим, политическим, интеллектуальным и военным потенциалом, а также несметными природными богатствами. Мало ли где сталкиваются интересы СССР и США. Но это не значит, что проблемы решать надо только путем обострения отношений.

Ближний и Средний Восток в то время тоже были накалены и они тоже привлекали внимание наших стран. Даже далекая Ангола, о которой позже мы будем говорить более подробно, явилась объектом изучения позиций СССР и США. С одной стороны, американцы вроде резонно ставят вопрос — какие могут быть интересы Советского Союза в стране, отстоящей от него за тысячи километров и даже в другом полушарии? С какой целью СССР участвует в военных операциях в стране, где идет

междоусобная гражданская война?

Но с другой — такой подход далек от объективных позиций. Дело в том, что в этой стране, кроме гражданской, идет еще и национально-освободительная война. ЮАР, используя хаос в стране, решила прибрать к рукам Анголу, используя для этой цели не только свои регулярные войска, но и отряды мятежного Савимби, который стремился сесть в кресло президента. Руководство Анголы перед лицом реальной угрозы оккупации обращается к Советскому Союзу и Кубе с просьбой о помощи. Куба при содействии нашей транспортной авиации перебрасывает из Эфиопии свою группировку войск в количестве 37 тысяч человек и ставит свои части гарнизонами в жизненно важных районах (городах). А Советский Союз помогает военной техникой, оружием и, конечно, военными специалистами, в задачу которых входило создание национальной армии.

Кстати, в этих крупных делах довелось поучаствовать и нашим товарищам. Помню, звонит мне министр обороны маршал Гречко:

— Мне нужен смелый, умный, очень энергичный полковник с отличными организаторскими способностями. Завтра ему необходимо быть в Москве, а послезавтра он улетит вместе с дивизионом «Град» (сороказарядные реактивные пусковые установки) в Анголу, где в течение нескольких дней должен кардинально изменить обстановку.

Для решения этой задачи, поставленной лично министром, мы выделили заместителя командира 70-й Гвардейской стрелковой дивизии полковника Колесниченко, и он с честью выполнил поставленную задачу, за что получил большой орден и звание генерал-майора.

Таким образом, наше руководство тоже было по-своему право. Если бы не было агрессии со стороны ЮАР, а это, конечно, зависело и от США, то Советскому Союзу нечего было бы делать в Анголе, тем более что и просьб от руководства этой страны не могло последовать. А в том конкретном случае другого выхода не было — мы обязаны были протянуть руку помощи.

Нет слов, организованный нами мощный воздушный мост Москва—Луанда с регулярной и объемной поставкой военного имущества в Анголу впечатлял, но и раздражал американцев. Наблюдая большие возможности Советского Союза, они испытывали явное беспокойство. Однако Л. И. Брежнев их успокаивал и говорил, что события в Анголе ни в коем случае не должны рассматриваться с позиций противостояния и противоборства США и СССР. Хотя именно с этих позиций американской стороной и рассматривались все эти действия. Кто

же был прав? На мой взгляд, в ангольском вопросе не было правых. Там совершалось очень много ошибок. И ошибки совершали все.

Таким образом, в середине 70-х годов обстановка в мире была сложной. Запад, в первую очередь США, умышленно и активно накалял обстановку вокруг СССР.

А внутри СССР царила атмосфера ожидания чего-то, каких-то свершений. Прежде всего люди ждали улучшения международной обстановки, снятия напряженности. Народ был готов на все, чтобы не допустить войны. Везде, где в те годы мне довелось встречаться с каким-нибудь коллективом, первым делом спрашивали: «Война будет?» А нужна ли нашему народу война?» На этот вопрос хорошо отвечала очень кстати у нас появившаяся в то время песня «Хотят ли русские войны?».

Приблизительно в нач але февраля 1976 года мне позвонил начальник Генерального штаба ВС генерал армии В.Г.Куликов и предупредил, что в марте месяце на базе нашего округа (точнее, на базе Львовского учебного центра) министр обороны будет проводить стратегическое командно-штабное учение. Предупредил также, что продлится оно неделю, а на учение привлекаются Генеральный штаб, главнокомандующие видами Вооруженных Сил с оперативными группами, тыл, главные и центральные управления ВС, а также все командующие войсками с оперативными группами, но только европейской части страны до Урала включительно, в том числе и все группы войск. Виктор Георгиевич ориентировал, что подробный расчет будет направлен через неделю. Если же потребуется какая-то помощь, то я обязан доложить.

Я ответил, что пока мне все понятно, но чтобы все хорошо осмыслить, необходимо время. Во всяком случае было уже ясно, что фактически все руководство Вооруженных Сил страны до командующего войсками округа сосредоточивается на учение у нас. Это, конечно, накладывало большую ответственность на округ — нам предстояло создать необходимые условия для проведения такого учения. А поскольку мы сами выступаем в роли его участников, то капитально готовиться надо уже сейчас.

Для меня было только не совсем ясно, почему министр обороны избрал именно наш ПрикВО? Ведь учения такого масштаба и характера лучше всего проводить на базе Генштаба или на базе Группы Советских войск в Германии. Может, министр опасался, что в Москве его, как и других начальников, будут отвлекать? А от Группы войск он, возможно, отказался, так как проведение учений такого масштаба в ГДР потребует больших расходов. Однако мне было совершенно ясно, что в сложившихся

условиях учение крайне необходимо. ЦРУ, конечно, пронюхает об этом учении. Это и хорошо. Пусть знают, что наши Вооруженные Силы постоянно совершенствуются и на их шаги в военной области мы ответим соответственно. Антисоветская же истерия просто обязывает нас трезво оценивать ситуацию и быть готовыми к любому развертыванию событий.

Учение проводилось в первой половине марта. Оно охватывало Северо-Западное, Западное и Юго-Западное стратегические направления. По вполне понятным причинам содержание учения я опущу, лишь подчеркну, что в ходе его весьма эффективно были отработаны методы ликвидации стратегических ядерных средств передового базирования противника, а также нанесение поражения его главной группировке (вначале отражался удар агрессора, а затем проводилось наше контрнаступление).

При этом было отработано огромное количество карт, схем, графиков. И по каждой позиции — расчеты, доказательства, предложения, убедительные доводы. У Гречко просто так не «прокатишься» — задает такие вопросы или подкидывает в ходе действий такие дополнительные вводные, что надо думать капитально и в то же время быстро и принимать безошибочное решение. Но если он видел, что подопечный оказался в тупике и сразу отреагировать не сможет, то говорил: «Вы подумайте, а мы пойдем дальше». В то же время министр обороны мог «спровоцировать» такую горячую дискуссию и так наподдать жару, что ее участники даже забывали ранги и служебное положение. Но зато какое исключительное удовлетворение испытывали все потом, когда приходили к общему знаменателю. Это была настоящая «мозговая атака», и проходила она творчески, а не формально.

В ночное время основная масса людей отдыхала (правда, по 5–6 часов), поэтому вся неделя проходила в плодотворных занятиях. Бодрствовали ночью только лица, которые к утру должны были подготовить документы, и дежурная служба.

В нашем учебном центре смог разместиться только Генеральный штаб вместе с главными и центральными управлениями Министерства обороны. Всем остальным были отведены расположенные поблизости военные городки, санаторий «Шкло», районы сосредоточения штаба управлений округа. Министр обороны базировался на озере Майдан. Обычно утром к 7.30 я заезжал за ним, и мы отправлялись в учебный центр, где дислоцировалось все ядро. Однажды я, как обычно, еду за министром и вдруг вижу — навстречу движется «Чайка». Я, конечно, остановился, вышел из машины. Министр, подъехав,

пригласил меня в «Чайку». Он был один, поэтому я расположился рядом, и мы тронулись в путь.

— Что-то я сегодня плохо спал после вчерашнего позднего разговора с Леонидом Ильичом, — посетовал вдруг Гречко.

Я посмотрел на Андрея Антоновича — он действительно выглядел уставшим. Во всяком случае не таким бодрым, как обычно. Но промолчал.

— Из Москвы хоть не выезжай! — сердито говорил между тем Гречко. — Казалось бы, определились по всем вопросам. Нет, опять надо им вносить поправки в сокращаемые ракеты! И все это Устинов со своей компанией. Двадцать раз ему говорил, — продолжал возмущаться Андрей Антонович, — с какой стати мы должны холуйски склоняться перед требованиями американцев? Почему мы не идем на сокращения на равных? Почему должны постоянно уступать? Ведь у нас в основе всех переговоров должен быть принцип равной безопасности.

Выслушает ОН нашу позицию — и вроде соглашается. Пройдем с ним все контрольные цифры — все нормально. Стоит мне уехать, как на НЕГО начинают наседать, и он тут же соглашается уже с другой позицией.

Совсем ОН ослаб. А эти… пользуются его слабостью. Конечно, если бы это шло на пользу нам. Или хотя бы было не ущербно. Но ведь мы во вред своей обороне все это делаем! И специалистами этого вопроса почему-то становятся технари, а не военные, которые по своему предназначению именно за безопасность страны и отвечают. У нас же есть Генеральный штаб, есть главнокомандующие видами Вооруженных Сил, а у них в свою очередь главные штабы. И везде офицеры-специалисты. Это же ведь наше общее мнение! Нет, у НЕГО, видите ли, Устинов первый знаток по всем проблемам — и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в науке, и в культуре, и, конечно, в военном деле. Был уже у нас такой мастер на все руки… Постоянно идти американцам на уступки — значит обречь себя. Ну, как это не понять?

И вот в таком духе Андрей Антонович продолжал высказываться до самого учебного центра. В принципе А.А.Гречко был по характеру человеком малоразговорчивым и обнажал далеко не все, что было у него на душе. И уж тем более он почти не посвящал свое окружение в те вопросы, которые разбирались на Политбюро ЦК, кроме военных. Но сейчас, видно, у него так накипело, что он, не удержавшись, выговорился даже в моем присутствии.

Как всегда, министра встречали в городке учебного центра начальники Генштаба, Главпура и главнокомандующие видами

ВС. Обычно всегда он приезжал в приподнятом настроении, шутил, чем сразу настраивал всех на хорошую работу. На этот раз Андрей Антонович вышел из машины мрачный, молча поздоровался и, ничего не говоря, двинулся в сторону конференц-зала, где должно проходить заслушивание решений о действиях войск и сил флота на последнем этапе стратегических операций. Все уже собрались. Пока мы шли в зал заседаний, Виктор Георгиевич Куликов тихо спрашивает у меня:

— Что случилось?

— Да вроде ничего… Может, что-нибудь в Москве? — предположил я.

— Это не исключено. — Мне показалось, что Виктор Георгиевич понял, на что я намекаю.

Доклады шли нормально. Особо ярко прозвучало решение Главнокомандующего Группой Советских войск в Германии генерала армии Евгения Филипповича Ивановского, который выступал в роли командующего войсками одного из фронтов. Министр задавал вопросы редко и очень тихо. В основном неясные вопросы разбирал Куликов.

В один из перерывов я зашел в комнату отдыха к министру обороны уточнить некоторые вопросы на завтра — это был последний день учения. В комнате сидели и пили чай Гречко, Епишев и Кутахов. Меня тоже усадили за стол. Павел Степанович любил побалагурить. И на этот раз, чтобы вывести министра из подавленного состояния, он начал:

— Товарищ министр, вот Валентин Иванович хорошо обустроил учебный центр. Но в гостинице установили такие унитазы, что сядешь на него — и… все в воде.

Я немедленно парировал:

— Товарищ министр, маршал авиации несправедлив. Унитазы у всех стандартные. Это у него при посадке на унитаз выпускаются не обычные, а маршальские шасси — вот они и… плавают.

— Я это подтверждаю, — вмешался Епишев, — я с ним бывал в парилке.

— Так что же делать? — повеселел Андрей Антонович. — Одно из двух надо заменять…

— Товарищ министр, ну какой летчик ринется в бой, если он не уверен в надежности и добротности шасси и в том, что он способен удачно приземлиться? Нет, эта сторона вопроса не должна вызывать сомнения, — продолжал в своей манере Кутахов.

Видя, что Павлу Степановичу удалось поднять настроение Гречко, я перевел разговор на другую тему — уточнил время и

место разбора учений на завтра, обговорил вопрос о товарищеском обеде и испросил разрешения на проведение небольшого концерта — все-таки суббота. Разговор прошел нормально, все вошло в привычную рабочую колею.

Но меня все эти дни, с того момента, как начались учения, не покидала одна мысль — как подойти к министру, чтобы попросить его назначить меня на Дальневосточный военный округ, поскольку генерал Петров переходит в центральный аппарат и место освобождается. Я проявлял нерешительность по двум причинам: во-первых, никогда не просил за себя, тем более когда речь шла о должности (правда, просился-то я не на «теплое» место); и во-вторых, в Прикарпатском округе я был всего лишь три года. Но все-таки надежд на такую беседу не терял.

Вечером по окончании занятий министр обычно уезжал к себе сам или с адъютантом. В этот раз, прощаясь со всеми, он сказал, чтобы я поехал с ним и по дороге еще раз рассказал, как будет организован завтрашний день до отъезда всех участников учения включительно…

Мы поехали. Пока я собирался с мыслями, министр вдруг начал сам:

— В прошлом году вас вызывал Пельше. Почему вы мне об этом не доложили?

— Во-первых, для меня самого это было полной неожиданностью. Во-вторых, когда мне стало известно о вызове, я доложил о нем начальнику Главпура, считая, что он доложит вам. В-третьих, когда вызов состоялся и все закончилось благополучно, то я посчитал, что докладывать об этом эпизоде уже ни к чему.

— Это неправильно. Командующий войсками приграничного военного округа подчиняется непосредственно министру обороны, и вы обязаны мне немедленно докладывать о таком событии. Это не рядовое дело. Я знаю этих… крючкотворцев. Хорошо, что все так обошлось. Епишев действительно мне доложил, но только тогда, когда я его об этом спросил. А спросил потому, что мне звонил Пельше — интересовался округом, командующим и сказал, что они «рассматривают сегодня дело». Я поинтересовался, что за дело. Мы обменялись мнениями. Кстати, он сказал о мерах Владимира Васильевича Щербицкого.

Помолчав, Гречко заметил:

— В округе все строится добротно, современно. Конечно, эту линию надо продолжать и дальше. В хороших условиях воин и служит хорошо. Надо обратить особое внимание на жилищное строительство для офицеров. Кстати, а как со строительством санатория в Крыму на базе дачи адмирала Исакова?

Я доложил ему, что вопрос несколько затянулся в Москве — с

отысканием документов на этот участок. Министр сказал, чтобы я позвонил Геловани и чтобы тот в понедельник доложил ему.

Потом неожиданно Андрей Антонович вдруг перешел на другую тему:

— Василий Иванович Петров долго служит на Дальнем Востоке. Вырос там. Много сделал для войск округа. Теперь вот переводим его в Москву. А туда направляем тоже хорошего созидателя и хозяина — Третьяка.

У меня всё так и оборвалось. Я не стерпел и выпалил:

— Счастливый Иван Моисеевич, как говорят в народе, в рубашке родился. Дело теперь уже прошлое — я сам хотел проситься у вас на Дальневосточный округ.

Министр внимательно посмотрел на меня, задумался, а потом спросил:

— Это в связи с разбирательством у Пельше?

— Нет, нет! Мне нравится этот округ. Много войск, просторы, масштабы.

— Ничего, у вас еще многое впереди. Третьяк не вечно будет занимать это почетное место, — засмеялся министр. — Давайте поговорим о деле.

Я подробно доложил, что мы наметили на заключительный день учений. Уточнил, что начать работу (фактически разбор учений) планируем в 10.00. Андрей Антонович согласился, но поправил: начало — в 9.00, концерт в 12–13, обед в 13–14, разлет в 14.00. Приказал доложить об этом В. Г. Куликову. А потом сообщил, что завтра прилетает маршал Советского Союза Якубовский.

— Я пригласил Ивана Игнатьевича на разбор, чтобы он сориентировал наших союзников во взглядах. С ними тоже надо проводить подобное учение. Это и сближает, и взаимное понимание проявляется, и оперативное мышление не засыпает.

Расставшись с Гречко, я помчался в учебный центр. Ехал и думал о Дальнем Востоке и Иване Моисеевиче Третьяке, о Якубовском, о завтрашнем дне и, разумеется, о министре. Зря, конечно, Андрей Антонович пренебрегает охраной. Приказал, чтобы его никто не сопровождал, чтобы машин-мигалок и близко не было и чтобы я на 50 процентов сократил регулировщиков и охрану дома, где он живет. «Вообще, чтобы ближе 100–150 метров я не видел никакого часового!» — категорически заявил Гречко в первый же день. Зря, конечно. Береженого и Бог бережет. Ведь кругом лес. Живут одни бандеровцы… Бывшие, конечно.

Занятый мыслями, я не заметил, как приехал в учебный центр. Доложив Виктору Георгиевичу об указании министра, спросил:

— Что, с Третьяком вопрос решен?

— Да, его можно уже считать командующим войсками Дальневосточного военного округа, — ответил он.

Позвонив во Львов Абашину — первому заместителю командующего округа (начальник штаба был здесь, в учебном центре), я сказал ему, чтобы попросил в обкоме «Чайку» и завтра утром встретил Якубовского.

— Николай Борисович, — популярно объяснял я Абашину, — скажи Виктору Федоровичу Добрику, что обязательно нужна «Чайка», потому что в «Волгу» Якубовский не влезет. И это надо решить сегодня, буквально сейчас. Если вдруг у них машина будет неисправна — решайте сегодня этот вопрос с Ивано-Франковским или Тернопольским обкомом. Кроме того, к 8.00 три вертолета (два министерских и один наш) должны сидеть на вертолетной площадке учебного центра. Во второй половине дня все руководство на вертолетах перелетит на аэродром во Львов.

— Так, может, мне маршала Якубовского лучше доставить вертолетом? — обрадовался Абашин.

— Во-первых, он только прилетает в 8.00, а во-вторых, от вертолетной площадки до учебного центра его все равно надо подвозить. Поэтому надо делать так, как я сказал: встретить, представиться, привезти в учебный центр к гостинице номер один. Я здесь его встречу.

Договорившись с Абашиным, пошел к Третьяку. У него сидело несколько человек.

— Иван Моисеевич, что же ты молчишь? Такое событие! Тебя перебрасывают с крайнего Запада — на крайний Восток, а ты ни гугу! — сказал я ему, обнимая и поздравляя.

— А что мне кричать? Служба есть служба. Куда поставят — там и будем работать.

Я почувствовал, что Иван Моисеевич не в восторге от такого назначения. Возможно, он и прав — к этому времени он уже девять лет командовал Белорусским военным округом. Прекрасно его отстроил, чем вправе был гордиться. Пользовался в Вооруженных Силах большим авторитетом и, очевидно, законно мог претендовать на выдвижение. Он был одним из самых опытных командующих. Первым среди нас законно мог считаться генерал армии Петр Алексеевич Белик. К этому времени он уже десять лет командовал округом. И не просто округом, а Забайкальским. Всего же Петр Алексеевич этим округом прокомандовал двенадцать лет, чем не только установил своеобразный рекорд, но и оставил о себе великую память — именно он заново возродил округ, обустроил его и создал необходимые условия для жизни и службы.

Вообще военный округ — это такой организм, что если наведешь порядок и придашь жизни и деятельности необходимое движение, разогнав все до необходимой скорости, то сила инерции еще долго будет поддерживать установленный порядок, традиции, дух. Вот такое великое дело Петр Алексеевич и сотворил с Забайкальским округом. Да и Иван Моисеевич Третьяк с Белорусским тоже, хотя по всем параметрам здесь, как и в Прикарпатском, что-то сделать было гораздо проще, чем в Забайкалье. Оба они — и Белик, и Третьяк — это командующие самородки. Заботливые и самоотверженные военачальники. Хотя в то время многие командующие по праву назывались сильными: Е. Ф. Ивановский, И. И. Тенищев, Б. П. Иванов, Ю.Ф.Зарудин, А. М. Майоров, А. И. Грибков, И. М. Волошин, И.А.Герасимов, В. Л. Говоров, И. К. Сильченко, С. Е. Белоножко, Н. Г. Лященко, М. Г. Хомуло, да и другие. А на флотах были такие яркие фигуры, как Г. М. Егоров, В.В.Сидоров, Н. И. Ховрин, В. В. Михайлин. Кстати, Иван Моисеевич Третьяк тоже установил особый рекорд — военным округом он командовал в общей сложности семнадцать лет: девять — Белорусским и восемь — Дальневосточным. Причем все годы прекрасно командовал. Я не знаю еще хоть одного такого примера. Но я знаю другие случаи, когда некто, прокомандовав округом всего лишь полтора-два года и ничем себя не проявив, попадал на высокий пост в министерство обороны. Таковы гримасы нашей военной жизни.

…На следующий день у всех было хорошее настроение. Да и денек выдался теплый, солнечный. И вот последний этап учения — разбор, после чего небольшой отдых и совместная трапеза. Иван Игнатьевич Якубовский был вовремя доставлен на учебный центр и двигался среди участников учения, как тяжелый танк.

Глядя на него, я вспоминал, как он мастерски рассказывал о жизни птиц. Никогда никто не может и представить, что эта махина имеет такую тонкую душу и способна преподнести птиц в таком розово-голубом ореоле, что будешь слушать с открытым ртом и поверишь, что умнее существа, чем птица, на свете нет.

Вскоре приехал министр обороны, и сразу же начался разбор. Первым доложил начальник Генерального штаба — об оперативно-стратегической обстановке, о задачах, стоявших перед фронтами и флотами, перед видами Вооруженных Сил, о принимавшихся решениях, их сильных и слабых сторонах. Оценки остались за министром обороны. В 10.10 сделали 20-минутный перерыв. Затем полтора часа выступал А. А. Гречко. Он подробно обрисовал сложившуюся военно-политическую обстановку в мире. Очень убедительно показал устремления и цели НАТО и особенно США. Перечислил их конкретные шаги, в том числе

постоянно проводимые учения и гонку вооружений. Предупредил, что мы обязаны проявлять максимальную бдительность, высокую боевую готовность и качественно проводить все мероприятия. Все виды Вооруженных Сил, военные округа, группы войск и флота, находясь в постоянной боевой готовности, должны быть действительно боеспособны.

Особое внимание министр обороны уделил вопросам ограничения и сокращения вооружений. «Нет никакого сомнения в том, что гонке вооружений должен быть положен конец, — сказал он, — огромное перенасыщение оружием и боевой техникой, конечно, может привести к трагедии. Особенно это касается ядерного оружия. Но чтобы у нас не было заблуждений и самообмана, необходимо четко определиться в главном: ограничения и сокращения вооружений должны организовываться и проводиться, исходя из принципа равной безопасности. И если кто-то подталкивает наше политическое руководство к односторонним уступкам, то наносит нашей безопасности и суверенитету огромный ущерб».

Как видим, Андрей Антонович довольно прозрачно высказался по этой проблеме, так что все те деятели, которых он не назвал, должны были, несомненно, понять, что это касается их персон. Далее министр сказал, что проведенное стратегическое командно-штабное учение носило плановый характер. Поставленные цели достигнуты. Все задачи решены. Подчеркнул наиболее яркие этапы и удачные решения. Поблагодарил участников за проявленные внимание и старание, пожелал успехов.

Затем состоялся концерт — короткий, но яркий. Выступали «звезды» Украины, в том числе София Ротару, Анатолий Соловьяненко, Дмитрий Гнатюк. И, конечно, блеснули Львовщина и ансамбль Прикарпатского военного округа — всё в темпе, четко, красиво.

Обед проходил действительно в товарищеской обстановке. Было очень спокойно и свободно. Высказалось несколько человек, в том числе — главнокомандующий Группой Советских войск в Германии Евгений Филиппович Ивановский. Он подчеркнул важность таких учений, внес предложение проводить их ежегодно и от имени командующих войсками и флотами поблагодарил Прикарпатский военный округ за гостеприимство и хорошие условия.

После чая министр встал, попрощался со всеми и быстро пошел к выходу. Было ровно 14 часов. Я, конечно, за ним. Все засуетились. «Чайка» и три «Волги» стояли прямо у здания. Остальные — поодаль.

Вместе с министром в его машину сели начальник Генштаба и начальник Главпура. Я с помощниками министра — в «Волгу», и — вперед! «Чайка» — за нами. Главкомы попрыгали в две другие «Волги» и тоже отправились на вертолетную площадку. В первый вертолет село десять человек, втиснулся я. Министр, не ожидая остальных, дал команду на взлет, и вертолет взял курс на Львов.

Немного неудобно получилось с маршалом Якубовским — пока он разворачивался, вертолет с министром улетел, и ему вместе с другими заместителями министра обороны пришлось догонять его на втором вертолете. На третьем (т. е. на нашем окружном) летели остальные начальники. Главная же масса участников, не торопясь, отправилась на аэродром на машинах.

С учебного центра всех провожал генерал-полковник Абашин с оперативной группой, а на аэродроме их встречал генерал-лейтенант Аболинс — начальник штаба округа вместе с командующим Воздушной армией генерал-полковником С. Д. Гореловым. Затем подлетел и я.

Самолет министра обороны уже был на подогреве. Поэтому Гречко со своими спутниками поднялся на борт и улетел, разумеется предварительно попрощавшись со всеми, кто был на аэродроме. Хорошо, что два других вертолета успели долететь и приземлиться до запуска двигателей министерского самолета.

Якубовский и остальные товарищи вылетали другим самолетом. Иван Игнатьевич спокойно расхаживал по аэродрому и вспоминал все, что было на разборе, комментировал, привлекая к беседе и нас. На мой взгляд, он это делал не только для того, чтобы лучше все уяснить самому, но и для того, чтобы прикинуть, а что и как можно было бы провести и в рамках Варшавского Договора. Но мне уже тогда было ясно, что он мог только, переговорив с каждым министром обороны стран Варшавского Договора, получить их согласие на участие в таком учении. Организовать же их и провести могут только министр обороны и Генеральный штаб Вооруженных Сил Советского Союза.

Наконец мы отправили всех, кто летел в Москву, а затем и всех командующих войсками. Нам было очень приятно, что каждый из них не просто ради приличия, а совершенно искренне говорил теплые слова благодарности за хорошие условия, которые были созданы на занятиях.

Слушая их, я невольно вспоминал август 1973 года, когда мне пришлось проводить совместные учения наших войск и войск армий Болгарской и Венгерской Республик. Тогда все мы переживали чувство стыда перед офицерами и генералами этих армий за то, что у нас на учебном центре нет приличного крова, где бы можно было их разместить. Но то было в прошлом и уже

поправлено. Конечно, мне в связи с этим пришлось немало попереживать. Один вызов в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС чего стоил! Но зато теперь мы готовы ко всяким неожиданностям. Что же касается наших внутренних мероприятий, то они всегда обеспечиваются на самом высоком уровне материально-технического обслуживания.

В начале апреля 1976 года во Львове проводился областной партийный актив. Ожидался приезд Щербицкого. Я переговорил с первым секретарем Львовского обкома партии В. Ф. Добриком, и мы условились, что в программу визита будет включено посещение одной из воинских частей. Через два-три дня мне звонит из Киева Владимир Васильевич Щербицкий и говорит: «Желательно, чтобы эта часть находилась или во Львове или где-то поблизости, чтобы не терять время на передвижение. Минут 30–40 мне будет достаточно, чтобы познакомиться с армейской жизнью».

Я сказал, что это будет мотострелковый полк в центре города. Он удивился: «Как? В центре города есть полк? Ну, что ж, это отличный вариант».

Мы перезвонились с Виктором Федоровичем. Оказывается, Щербицкий ему звонил тоже. В общем, окончательно утвердили этот вариант и в день приезда (а Владимир Васильевич прибывал за сутки до актива) повезли его в полк.

С первого шага поведение Владимира Васильевича во время знакомства с жизнью военнослужащих было непредсказуемым и интересным. Он по своей инициативе вышел из машины, не доезжая до контрольно-пропускного пункта, хотя ворота уже распахнули. «Сопровождающие его лица», естественно, — за ним. Потом прошелся вдоль красивой металлической изгороди по тротуару, заглядывая в военный городок, а он был как на ладони, и только после этого вошел в городок. Приняв рапорт командира полка подполковника Воробьева, поздоровался с ним и долго молча стоял на месте, рассматривая все вокруг. А потом почему-то вздохнул и сказал:

— Прекрасно… Я много раз бывал во Львове, но мне почему-то не показывали эту воинскую часть, этот военный городок.

— Так его же тогда не было, — вмешался Виктор Федорович Добрик. — Все это фактически заново построено только в прошлом году. Раньше здесь существовал небольшой военный городок, обнесенный крепостной стеной в три метра высотой и два метра толщиной. Под стать этой стене было несколько зданий. Сейчас все это кануло в Лету, а взамен родился новый современный городок, который украшает город. Львовяне гордятся этим полком.

— Это верно — украшает, — согласился Владимир Васильевич. — Ну, показывайте все по порядку!

Командир полка, как и подобает хозяину, приступил к своим обязанностям. Пропустив огромный контрольно-пропускной пункт, он повернул в штаб полка. Мне было немного жаль, что не зашли на КПП — там было что посмотреть. Одни только места для свидания родителей со своими детьми-солдатами чего стоят! Естественно, никто не собирался обходить все здания.

Группа остановилась в просторном вестибюле, представлявшем собою зал с мраморной отделкой и мощной чеканкой, демонстрирующей батальные сцены. По центру у главной стены возвышался пьедестал, на котором было установлено боевое знамя полка, а рядом стоял часовой с автоматом. Просто красавец-солдат — рослый, плечистый, румяный, чернобровый и черноглазый. Намеренно напустив суровость на свое юное лицо, он смотрел куда-то мимо нас.

Обстановка была торжественной и поневоле обязывала каждого отдать честь знамени. Из этого вестибюля можно было попасть к командованию полка. Командир полка пояснил, что у штаба есть еще один вход, которым пользуются в том случае, если надо попасть в какую-нибудь службу, техническую часть или к начальнику тыла полка. Но Владимир Васильевич как завороженный смотрел на солдата.

— Конечно, с часовым разговаривать не положено, — блеснул он знанием воинских уставов, — а хотелось бы с ним поговорить.

— У нас таких возможностей будет много, — успокоил его командир полка.

Далее мы прошли к полковому солдатскому клубу. Название «клуб» к этому зданию абсолютно не подходило — оно его обедняло, принижало и даже обкрадывало. Внешне оно являло собой настоящее произведение современного архитектурного искусства: широкая, величественная, отделанная под мраморную крошку триумфальная лестница выводила к большой площадке перед застекленным, на ширину лестницы, входом под огромным нарядным козырьком. Слева на глухой стене в красивом обрамлении — фигура солдата в каске, плащ-накидке, с автоматом в руках, выполненная из гнутого толстого металлического четырехгранника. А поверху разместились на равном расстоянии выполненные из особых материалов цветные ордена диаметром 2–2,5 метра каждый: орден Ленина, два ордена Боевого Красного Знамени, орден Октябрьской революции и орден Суворова. Это ордена дивизии.

Зайдя в здание, попадали в просторный холл с зеркалами и люстрами. Здесь же большие гардеробы, курилки и другие

подсобные помещения. Отсюда два прохода ведут в зрительный зал и еще два — к лестницам на второй этаж. В зрительном зале можно фактически разместить весь полк сразу, а в полку без малого две тысячи человек. Зал — театрального типа, с огромной сценой и оркестровой ямой. За сценой — целый набор артистических комнат. На втором этаже — библиотека, читальный зал, многочисленные комнаты для различных кружков, радиостудия, киноаппаратная и музыкантские комнаты для полкового оркестра.

Осмотрели мы только зрительный зал. Об остальном командир полка рассказал по схеме, сделанной специально для ориентации личного состава. Здесь же была и доска объявлений, где размещался месячный план работы клуба.

Владимир Васильевич обратил внимание на то, что клубом пользуются уже более года, а он выглядит так, будто лишь вчера введен в строй.

За клубом начинались учебные объекты — тир, полоса препятствий, учебный корпус с множеством различных классов, затем комбинат бытового обслуживания и все склады полка за исключением продовольственного, который размещался с тыльной стороны столовой.

В комбинате бытового обслуживания было всё: солдатская баня, индивидуальная прачечная, парикмахерская, сапожная и портняжная мастерские и т. д.

Вернувшись назад, мы попали в медицинский пункт с небольшим стационаром. Наибольшее впечатление произвел зубоврачебный кабинет.

— У нас в Киеве не в каждом районе найдешь такую поликлинику, — восхищался Щербицкий.

Много времени он потратил на осмотр музея дивизии, который размещался здесь, на территории полка. И в нем действительно было что посмотреть. В нескольких залах имелись прекрасные экспонаты времен гражданской войны, в том числе портреты многих командиров и бойцов. Была фотография и знаменитого комдива Гая. Кстати, забегая вперед, замечу, что среди фотоснимков комсостава этой дивизии будущий министр обороны СССР Д. Ф. Устинов нашел и своего брата. Но только почему-то ничего о нем не рассказал…

С немалым интересом В. В. Щербицкий знакомился с солдатским бытом, придирчиво изучал казармы. В помещениях было чисто, уютно. Кровати размещались в один ярус. Имелся набор всех необходимых для каждой роты комнат. В одной из ленинских комнат попали на политзанятия. С приходом Щербицкого тема политзанятий сразу изменилась. Он живо

привлек к себе внимание солдат и «развязал им языки». Солдатики хоть и таращили глаза на гостей, но с большим удовольствием вступали в беседу на любую тему. Говорили не как надо, а как лично думали. Это подкупало, поэтому Владимиру Васильевичу просто не хотелось уходить. Добрик уже несколько раз показывал ему на часы, а он все не мог распрощаться с так понравившимися ему молодыми воинами.

За казармами, медпунктом и музеем располагалась парковая зона — место стоянки боевых машин и артиллерии. Мы только заглянули туда. А вот уж в столовой Щербицкий отвел душу — осмотрел все подробно. Его поразили не столько два уютных обеденных зала и все новенькие цеха с современным технологическим оборудованием и оснасткой, как огромный зимний сад, который располагался между обеденными залами. Цветники, декоративные кусты, несколько больших деревьев, а посередине фонтан — не сад, а одно загляденье. Сверху над садом опрокинулась коническая стеклянная крыша. Вид, конечно, был весьма привлекательный.

В это время уже накрывали столы к обеду. Разносили хлеб и закуску. Владимир Васильевич попробовал добротную жирную селедку с огурцом и спросил заведующего столовой:

— Вы нас покормите?

— Сейчас несут, — и прапорщик бросился отдавать распоряжение.

Но тут взмолился Добрик:

— Владимир Васильевич, мы уже опоздали на час. Там же ждут!

Щербицкий согласился. Вся группа перешла в спортзал, точнее, в здание спортивных занятий — там было все, кроме бассейна. Вокруг здания — множество волейбольных площадок и, что очень важно, — масса спортивных снарядов типа турников и брусьев. В хорошую погоду на этих снарядах все могли заниматься полностью или одновременно.

Украшением городка, конечно же, был строевой плац с трибуной и наглядной агитацией.

Когда мы вышли из спортзала, командир полка сказал:

— Вот и всё. У нас еще есть стрельбище, но оно на учебном центре.

Щербицкий еще раз все окинул взглядом, а потом повернулся ко мне и говорит:

— А у нас зато лучше футбольная команда.

Все рассмеялись. Дело в том, что Владимир Васильевич был членом Военного совета Киевского военного округа. Поэтому говоря: «у нас», имел в виду: «у нас, в Киевском военном округе».

Он тепло поблагодарил командира полка за все, что было представлено.

Я подтвердил, что действительно футбольная команда Киевского военного округа очень сильная и является одной из лучших среди военных команд. И добавил:

— Жаль только, что она проиграла позавчера нашей команде.

— Это ж надо?! — удивился Щербицкий. — И здесь обошли. Но будем принимать меры.

Все направились к машинам. Владимиру Васильевичу понравилось все, что увидел, и он этого не скрывал. Особое впечатление на него произвел дух личного состава, открытый и добрый разговор офицеров и солдат. Конечно, опытный человек, тем более политик, быстро делает для себя вывод — чем «дышит» личный состав. Стоит ему разобрать две-три темы — и все станет ясно. Но мудрый Щербицкий понимал, что блестящие дела в одной роте не означают, что так обстоит дело и у остальных. А вдруг в эту роту его специально привели? Вдруг это та же «потемкинская деревня», только в военном исполнении? Поэтому он сам шел туда, куда хотел, и к тому, с кем хотел встретиться. Но результат был один — действительно морально-боевой дух личного состава был на уровне.

Проводив Щербицкого, все разъехались. Настроение было нормальное. Я отправился к себе в штаб округа. И, конечно, с думами о 7-м мотострелковом полку, который сейчас посетил первый секретарь ЦК Компартии Украины.

Безусловно, всё, что было сделано в полку для создания благоприятных условий жизни и быта, — это заслуга в первую очередь его личного состава и строителей округа. До этого полк делился на две части: одна находилась в этом военном городке, а другая — во втором, вместе с артиллерийским полком. И мотострелковый полк, и артиллерийский влачили жалкое существование. Имея за плечами опыт командования несколькими полками, я понимал, и это полностью разделяли все члены Военного совета округа, что полк в армии, как и корабль на флоте, является фундаментом всей военной иерархии. Поэтому руководство округа силами каждого полка с подключением, где это возможно, строителей, решительно заставляло всех максимально благоустроиться и, лишь сделав всё, что требуют уставы, приступать к плановой стабильной учебе. Причем тогда отклонение от расписаний уже рассматривалось как чрезвычайное происшествие.

Вот и 7-й полк тоже был таким объектом. Даже больше — особым объектом, потому что он входил в прославленную «Железную» дивизию и, кроме того, располагался во Львове

рядом со штабом округа. Мы задались целью сделать его образцовым, буквально эталоном для всех. Для этого первым делом собрать полк в один военный городок, а затем создать такую базу, которая обеспечивала бы только отличную боевую и политическую подготовку.

Естественно, все заботы и хлопоты легли в первую очередь на плечи командира полка. В то напряженное время обустройства полка и налаживания в нем строгой, жесткой уставной жизни и боевой учебы сыграл большую роль командир подполковник Эдуард Аркадьевич Воробьев и начальник штаба полка майор Игорь Евгеньевич Пузанов. Дивизией в это сложное время командовал Константин Алексеевич Кочетов, затем — Игорь Николаевич Родионов. Оба они, несомненно, помогли полку.

Вспоминая сегодня все это, я, конечно, искренне благодарен всем офицерам — выходцам из этого полка за тот труд, благодаря которому полк действительно стал образцовым и был известен всем Вооруженным Силам СССР.

А сколько было препятствий на нашем пути! Их надо было преодолеть, и мы делали это, применяя проверенный уже на практике принцип строительства. Во-первых, не хотелось (да и не по-хозяйски было бы) разрушать то, что есть, следовательно, то новое, что мы создавали, должно с ним гармонировать. Во-вторых, старое здание необходимо было осовременить, чтобы и внутреннее содержание, как и у новых, отвечало современным требованиям культуры и эстетики и было на уровне современных стандартов. В-третьих, объекты должны быть построены такие и столько, чтобы они максимально обеспечивали жизнь, быт и боевую учебу офицеров и солдат. В-четвертых, строить так, чтобы, поддерживая в порядке все здания, можно было годами их не ремонтировать. В-пятых, в целом военный городок должен быть украшением для города, тем более что он находится в центре. И в-шестых, учитывая, что полк — это боевая часть, он должен в случае боевой тревоги действовать по-боевому, но не нарушать ритм жизни и спокойствие жителей города (речь идет в первую очередь о маршрутах выхода полка из города).

Процесс реконструкции и нового строительства требовал моего постоянного внимания. Бывало, после очередного капитального посещения этой стройки приходилось ехать домой и тоже капитально приводить себя в порядок.

Когда строительство было завершено, а помещения сполна оснащены необходимой мебелью, имуществом и аппаратурой, когда можно было приходить и пользоваться всем этим, командир полка по моей рекомендации подготовил и провел со всем личным составом специальные занятия. Дело в том, что на время

переустройства военного городка весь личный состав был переведен в другое место и пребывал все это время в сложных стесненных условиях. Естественно, это отрицательно сказывалось на настроении личного состава. Но сейчас начиналась новая жизнь — жизнь только по уставу. И надо было научить всех — от солдата до офицера бережно относиться к своему городку, умело и рачительно пользоваться имуществом, поддерживать высокую культуру быта, взаимоотношений, помогать друг другу в этом. Вначале были проведены методические занятия с офицерами, а затем уже они провели конкретные занятия на каждом объекте полка с подробным инструктажем, как им пользоваться, со всеми солдатами.

Накануне новоселья личный состав привели в порядок, помыли в бане, провели необходимую информацию, затем подразделения перешли на новое место только с личным оружием и имуществом. Всех построили на плацу. Перед офицерами и солдатами полка выступило руководство. Было сказано, что народ делает всё для того, чтобы обеспечить воинов всем необходимым, и поэтому мы обязаны ответить на эту заботу отличной учебой, высокой организованностью и крепкой воинской дисциплиной. Выступившие офицеры и солдаты обещали беречь свой военный городок как самый дорогой подарок.

Так полк стал жить компактно в одном уже новом городке. Теперь можно было решать другие, более сложные задачи, непосредственно связанные с воинской службой. И здесь главную роль играло командование полка, а также командиры подразделений — рот и батальонов. Подавляющее большинство справились с поставленными задачами. Их подразделения относительно недолго «болели», привыкая к строгим рамкам уставной жизни. Особенно хотелось бы отметить батальон капитана Калашникова, который, пожалуй, быстрее остальных адаптировался и лучше других проявлял себя в поддержании порядка и организованности, в боевой учебе. Лично Калашников внешне и внутренне всегда был безупречен. Вполне понятно, что и служба у него в дальнейшем шла прекрасно.

Сейчас с полной уверенностью могу сказать, что возможности и способности офицера выявляются уже на первых этапах — в должности взводного и ротного командира и просвечивают его дальнейшую перспективу, тем более если он служит в благоприятных условиях, когда ему в основном приходится заниматься своим прямым делом — обучением и воспитанием солдат. Хотя и решение других задач ему не должно быть чуждым. Большинство выходцев из «Железной» дивизии вообще и

в том числе из 7-го мотострелкового полка командовали в последующем и полками, и дивизиями, и армиями, и были командующими войсками военных округов или их заместителями. А отдельные занимали должности и выше. Потому что и «Железная» дивизия, и 7-й полк были настоящей кузницей военных кадров.

Понятно, что не у всех все получалось гладко, где офицеры (особенно командир роты) оказывались не на высоте — там солдаты жили по старинке: не поддерживали порядок, имущество и само помещение не берегли. Одной роте понадобился всего месяц, чтобы донельзя запустить свое место расположения, чем она резко стала отличаться от других. Командир предупреждался, и не раз. Однако положение не только не улучшалось, а ухудшалось. Тогда было принято решение: здесь же, в военном городке, разбить на роту палаточный лагерь (благо стояло лето, да и место для этого было), выселить туда личный состав, из расположения роты вынести все имущество и мебель. Затем силами личного состава роты с помощью специалистов службы (КЭУ) округа заново провести ремонт помещения (категорически запрещалось проводить ремонт помещений и одновременно жить личному составу в этом помещении).

Мера была неординарная, может, даже суровая, но весьма эффективная. Тем более что это решение было объявлено на общем построении полка.

Личный состав полка посмеивался над солдатами этой роты — мол, им объявлен карантин, коль не могут жить, как все нормальные люди. Это, несомненно, оказало сильное воздействие. И вот эти «провинившиеся», проживая в палатках, в течение двух недель привели казарму в блестящее состояние и в последующем всегда поддерживали в ней образцовый порядок.

Обстановка вынуждала меня появляться в этом полку чаще, чем в других. Я хотел убедиться в том, что полк «переродился» и полностью отдается боевой и политической подготовке, а поддержание образцового порядка — для него не в тягость, а обычное, жизненно необходимое требование, которое, безусловно, надо выполнять в первую очередь. Если нет порядка, то какие могут быть занятия. А если нет занятий, то это вообще уже ЧП.

Наконец наступил момент, когда мне стали докладывать (да я и сам уже наблюдал это) о том, что взводные, ротные и батальонные командиры вступают в пререкания со штабом полка по поводу дополнительного выделения личного состава в наряд на работы (разгрузка вагонов ит.д.) к тому наряду, который определен для дежурного подразделения. Тут я почувствовал, что

офицеры «загорелись» боевой учебой, хотя к ней надо и готовиться, и умело и захватывающе проводить. И тогда я изменил тактику — решил, что приезжать в полк надо изредка, но капитально. Мне памятны были годы, когда я командовал 56-м стрелковым полком в Мурманске: штаб дивизии располагался за забором, а штаб армии — в одном квартале, и поэтому в полку каждый день кто-то «сидел». Это отвлекало меня от дел. Если бы они хоть в чем-то помогали! Фактически же мешали. Учитывая это, при очередном посещении полка я завязал с его командиром такой разговор:

— Товарищ командир (всех офицеров, занимающих должность командира, я называл именно так, а остальных — по воинскому званию), не кажется ли вам, что командующий войсками округа слишком часто посещает полк?

Конечно, смешно и наивно было думать, будто умный человек ответит, что ему действительно «кажется». Поэтому, как и следовало ожидать, Воробьев сказал:

— Да нет. Мне это не кажется. Наоборот, посещения командующего войсками или его заместителя приносят пользу полку, поскольку они носят конкретный характер.

— И все-таки в условиях, когда у командующего полно других проблем, приезжать в ваш полк чуть ли не через день — наверное, это слишком?!

Воробьев слушал молча, но в глазах его застыл немой вопрос: он хотел понять — куда я клоню.

— Поэтому я внесу определенные поправки в свои действия, как и другие руководители из округа, — сделав паузу, сказал я. — Мы видим, что командир и командование полка в целом правильно руководят полком. Поэтому с этого дня посещение полка руководством округа будет редким. Что касается действий командующего в последние месяцы в отношении вашего полка, то до конца вы сможете их понять, когда сами станете командующим войсками округа.

Через многие годы мы с Эдуардом Аркадьевичем вспоминали этот разговор.

На протяжении всех лет службы в Прикарпатском военном округе вместе с Военным советом и штабом округа я периодически концентрировал усилия и внимание на определенных частях, когда мы решили создавать им, как и 7-му мотострелковому полку, образцовые условия жизни и деятельности. И у нас это получалось.

Мы успели улучшить положение (правда, в разной степени) практически всех соединений. Мало того, капитально разрешили проблему с созданием основных и запасных защищенных

командных пунктов — от окружных до дивизионных и полковых. Мы даже успели привести в порядок здания штабов армий, штаб же 13-й армии в Ровно мы отстроили заново. Много было настроено жилья для офицерского состава. Большие изменения к лучшему произошли на основных учебных центрах — Львовском, Ровенском, Игнатпольском, Бердичевском, Мукачево-Ужгородском, во Львовском политическом и Хмельницком артиллерийском училищах, а также в училище ПВО в Житомире, на всех аэродромах, главных ремонтных заводах округа и, конечно, на всех арсеналах и базах хранения тактического и оперативно-тактического ядерного оружия для ракетных войск, артиллерии и авиации округа.

Если разобрать дивизии отдельно, то в первую очередь мы капитально изменили обстановку в отношении 24-й, 70-й, 66-й и 128-й мотострелковых и 23-й, 30-й и 117-й танковых дивизий. Значительные шаги были предприняты в интересах 26-й и 81-й артиллерийских дивизий, трех авиационных дивизий и десантно-штурмовой бригады в Хырове. Все остальные дивизии смогли только поправить отдельные объекты, однако проектная документация на переустройство всех остальных военных городков у нас уже имелась. «Не дошли руки» лишь потому, что я был переведен служить в Москву.

26 апреля 1976 года я приехал в штаб округа в 7.30 с намерением встретиться с генерал-лейтенантом Николайчуком, разобрать за полчаса все поправленные документы по строительству окружного инженерного центра. А в 8 часов планировал вдвоем выехать во Львовский учебный центр, на территории которого мыслилось создание этого объекта. Некоторые его фрагменты уже существовали, но мы решали задачу комплексно с целью придать центру завершенный ультрасовременный вид. И мы такой центр создали. Он был лучшим в Вооруженных Силах, о чем не только говорил, но и неоднократно отмечал в соответствующих документах министра обороны и Генерального штаба начальник инженерных войск Министерства обороны СССР маршал инженерных войск Сергей Христофорович Аганов. В этом центре могли проводить занятия все роды войск сухопутных войск и армейской авиации. Здесь отрабатывались все операции — от минирования и разминирования до форсирования различными способами водных преград, а также установка и снятие ядерных фугасов и мин.

Генерал уже ждал меня. В течение 15–20 минут мы рассмотрели исправленные документы, и я отправил его в машину. Сам же намеревался позвонить по делам службы и вскоре спуститься вниз, после чего отправиться в учебный центр,

где у нас в 9.00 должны состояться занятия с исполнителями.

Только Николайчук вышел из кабинета, как вдруг звонит телефон «ВЧ». Звон от него шел «густой» и частый. Я, удивленный ранним для такого телефона звонком и одновременно предчувствуя что-то недоброе, подошел к аппарату, снял трубку, представился и услышал взволнованный голос Сергея Федоровича Ахромеева:

— Дорогой Валентин Иванович, у нас большое горе — умер министр обороны Андрей Антонович Гречко…

Я не верил тому, что услышал… Как же так? Ведь прошел всего месяц с небольшим, как он уехал от нас, проведя крупное оперативно-стратегическое учение, и был при этом совершенно здоров.

Сергей Федорович, видимо, представляя, что именно в этот момент пришло мне в голову, сказал:

— Сердце. Нашли его сейчас в своей комнате на даче сидящим бездыханно в кресле, а рядом на столе пузырек с рассыпанными таблетками нитроглицерина. Видно, он пытался принять лекарство, но не успел. Вот такая свалилась беда.

Не дождавшись от меня ни слова, Ахромеев добавил:

— Я еще позвоню, — и повесил трубку. В ней еще долго раздавались короткие гудки. Наконец, я положил ее на рычаг, но сам все еще не мог прийти в себя. Смерть министра не укладывалась в голове. Как это всё же странно! Три дня назад Гречко звонил мне и высказал слова удовлетворения за полковника, направленного от округа в Анголу с дивизионом «Град». Сказал буквально так: «Он спас положение и на всех нагнал страху». А затем отметил: «Звонил Николай Григорьевич Лященко (министр его глубоко уважал) и хвалил зенитно-ракетную бригаду, которую прислал Прикарпатский военный округ к нему в САВО. Сказал, что сейчас в Среднеазиатском военном округе это самое лучшее соединение». И говорил министр нормально, даже с подъемом. Никаких признаков болезни. Естественно, мне было приятно все это слышать. Впечатлениями от разговора с министром я поделился со своими товарищами.

Придя в себя, позвонил по внутренней связи своим первым заместителям Абашину и Аболинсу — они тут же пришли (Фомичева еще не было). Я объявил им печальную весть. Они тут же, кроме сожаления, выразили удивление. Вошел Николайчук и спросил, как быть. Я попросил Абашина, чтобы он поехал вместо меня, тем более что проблема ему хорошо известна.

Мы остались с Аболинсом. Включили радио и телевидение. Через некоторое время было передано официальное

государственное сообщение о внезапной кончине А. А. Гречко по причине сердечной недостаточности. Ничего не хотелось делать. Позвонил В. Ф. Добрик:

— Вы слышали?

— Конечно.

— Так он же у нас был совсем здоровым.

— В том-то и дело.

Перебросились еще несколькими фразами. Аболинс и я стали названивать в Москву второстепенным лицам (основным начальникам, конечно, было не до нас) в надежде что-то прояснить дополнительно, хотя это ничего не меняло. Наши московские «каналы» сами были растеряны и ничего, кроме того, что сообщили по радио и телевидению, сказать не могли.

Не верилось в естественную смерть А. А. Гречко и всё! И это неверие осталось по сей день. Мало того, оно усилилось. И вот почему.

Когда по определенным причинам меня перевели для прохождения дальнейшей службы в Генеральный штаб, я, не занимаясь каким-либо специальным своим расследованием, а встречаясь с людьми, которые были близки к Андрею Антоновичу, невольно открывал все новые и новые обстоятельства, приводящие к одному и тому же выводу.

Конечно, очень мне помог в этом Николай Васильевич Огарков, который и личными наблюдениями, и через помощников Л. И. Брежнева знал многое. Не менее ценную информацию я приобрел у секретарей ЦК КПСС Олега Дмитриевича Бакланова, Андрея Николаевича Гиренко, Константина Федоровича Катушева. Кстати, Олег Дмитриевич и Константин Федорович и сейчас подтверждают, что отношения между Гречко и Устиновым были прескверными и что инициатором ухудшения этих отношений был Устинов. Интересные высказывания довелось услышать и от такого мощного независимого министра, как Ефим Павлович Славский. Мое знакомство с ним произошло при интересных обстоятельствах. Ефим Павлович прилетел во Львов осенью 1973 года (я только что закончил учение по плану Варшавского Договора). Мне позвонил первый секретарь Львовского обкома (тогда еще Куцевол):

— Валентин Иванович, с вами хочет поговорить министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский, — и передал ему трубку.

— Я сейчас к вам приеду, — сказал Славский. — Чего это мы будем по телефону!

Я ответил, что жду. Предупредил, чтобы машину пропустили в наш внутренний дворик. Не успел я спуститься вниз, чтобы

встретить, как он уже въезжает. Тепло поздоровавшись, поднялись ко мне, расположились удобно и… разговорились. Он поведал мне многие эпизоды своей жизни, начиная с времен гражданской войны. Оказывается, он служил у комкора Виталия Марковича Примакова, героя гражданской войны. Он создал на Украине кавалерийский полк Червонного казачества, затем командовал 1-м конным корпусом Червонного казачества и вместе с Первой конной армией ходил в поход на Польшу.

— Эти места, — говорил Ефим Павлович, — мне памятны.

Он многое тогда мне рассказал и как бы между прочим дал понять, что намерен посетить поселок городского типа Славское в Сколевском районе Львовской области. Меня, конечно, подмывало спросить — название поселку дано в его честь? Но воздержался. Подарил мне свой фотопортрет — трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, трижды лауреат Государственной премии, награжден десятью орденами Ленина и другими орденами.

Это была мощная фигура нашего государства. Славский внес огромный вклад в оборону нашей страны, в развитие военно-промышленного комплекса. В октябре 1973 года собирался отмечать 75-летие, а перед этим решил посетить дорогие своему сердцу края.

В последующем у меня изредка бывали встречи с ним в Киеве и в Москве в Генштабе, когда министр обороны Устинов проводил совещание по военно-техническим проблемам. Мы с ним сблизились. Однажды после небольшого моего столкновения на таком совещании с Устиновым вдруг у меня в кабинете появляется Ефим Павлович.

— Валентин Иванович, я зашел к тебе на минутку с небольшим советом, — начал он без обиняков. — Учти, что Устинов пользуется непоколебимым авторитетом у Леонида Ильича. Но он очень опасный, злопамятный человек и действует, как волкодав. Поэтому тебе не стоит с ним препираться. Лучше находить другие способы убеждать его. Я у него был сейчас. Мы кое-что разобрали, и я дал понять, что в твоем предложении есть рациональное зерно. Но ты сам должен иметь в виду особенности натуры министра и проявлять максимальную осторожность. Договорились? Вот и хорошо. Ну, будь здоров, тороплюсь.

Я был благодарен Ефиму Павловичу и за визит, и особенно за предупреждение. Хотя в последующем не всегда следовал его рекомендациям.

Но ориентация Славского как нельзя лучше просвечивала прошлое, т. е. времена, когда А. А. Гречко был еще жив. А рассказы других товарищей показывали, что отношения между

Гречко и Устиновым были не только не нормальные, но даже враждебные. Больше того, Устинов частенько и на заседаниях Политбюро ЦК, и на совещаниях в узком составе руководителей провоцировал Гречко своими предложениями на взрывную реакцию. А вся суть разногласий сводилась к тому, что Гречко настаивал на одном: промышленность должна производить для Вооруженных Сил то, что надо армии и флоту, а не то, что им сейчас насильно навязывают. А если промышленность сама, без заказа Министерства обороны, создаст какое-то уникальное оружие, то его надо прежде как следует испытать в войсках и только потом уже принимать решение о принятии на вооружение. Устинов же старался внушить всем, что только новые техника и вооружение (независимо от их эффективности) определяют эффективные способы борьбы и движение военного дела вперед, а такие консервативные взгляды, как у Гречко, могут, мол, привести к застою, утрируя тем самым известное на эту тему высказывание Ф. Энгельса. Гречко тут же «закипал» и говорил, что разновидность одного и того же оружия, большой ее типаж не является новым оружием. Это только усложняет его эксплуатацию — обучение личного состава, техническое обслуживание и т. д. Кроме того, это напрасно выброшенные деньги.

И «схватка» шла и дальше в таком же духе, пока генсек, наконец, не требовал прекратить свару. Но иногда вопрос голосовался и верх брал Устинов. Почему? Да потому, что он до начала заседания (как рассказывали секретари ЦК) обрабатывал ряд членов Политбюро, вот его предложение и проходило. Он не скрывал своего торжества над Гречко. Это, конечно, подтачивало и здоровье Андрея Антоновича, и особенно его морально-психологическое состояние, осложняло его положение в Политбюро. Неспроста последнее время (перед своей смертью) он не раз говорил: «Вот станет Устинов министром обороны, вы еще вспомните меня». Видно, у Гречко были основания к таким высказываниям. Он видел, что Устинов рвется на этот пост и для этого всячески старается оттеснить Андрея Антоновича от Брежнева. И это ему удавалось.

Эти две фигуры — Гречко и Устинов — были полярно противоположными по своим этическим взглядам и действиям. Если А. А. Гречко был последовательным в своих действиях, не склонялся перед авторитетами, вел свою линию честно и открыто, но был независим, то Д. Ф. Устинов изо всех сил старался показаться генсеку в лучшем свете и ради этого мог изменить любому своему взгляду, но добиться главного — утопить противника, чего бы это ни стоило.

В последнее время Устинов, находясь постоянно около

Брежнева, затравил Гречко, и тот в порыве гнева и обиды мог принять значительно большую дозу нитроглицерина, что и привело к смерти. Он не видел выхода из сложившегося положения, а унижаться даже перед генсеком не мог. Вот и ушел из жизни.

В этом я убежден.

Конечно, многие детали их отношений я узнал позднее. Пока же мы сидели с начальником штаба округа В. Я. Аболинсом и сокрушались по поводу кончины Андрея Антоновича. Настроение было как во время смерти и похорон Сталина. Совершенно не мог собраться с мыслями. Единственное, что мог сделать, так это сказать члену Военного совета Фомичеву, чтобы в обед везде были проведены политинформации о смерти дважды Героя Советского Союза маршала Советского Союза Андрея Антоновича Гречко. А на другой день чтобы в каждом подразделении прошли политзанятия о боевом пути Гречко.

Через два дня были похороны. Я распорядился, чтобы все в округе смотрели телепередачу из Москвы. Вообще-то на похороны могли пригласить командующих войсками военных округов и флотов. Но этого сделано не было. Думаю, что при причине незаинтересованности определенных лиц.

Абашин, Фомичев и Аболинс собрались у меня, и мы вместе смотрели, что происходит в Москве. Церемония похорон напоминала мне похороны Сталина. Очень много народа. А для Гречко было еще и «море» цветов.

Позвонил В. Ф. Добрик, тоже смотревший трансляцию из Москвы:

— Валентин Иванович, обратите внимание, кто впереди вышагивает под носилками, на которых установлена урна с прахом. Это же Устинов. Секретарь ЦК, член Политбюро. Надел генеральскую форму. То, что он председатель похоронной комиссии и идет впереди, — особый знак. Он может стать министром обороны.

Виктор Федорович как в воду глядел — его пророчество подтвердилось. А мы-то после его звонка никак не могли согласиться с таким предположением. Вообще единодушно сходились на том, что министром обороны станет Иван Игнатьевич Якубовский. Все-таки дважды Герой Советского Союза, командовал Группой Советских войск в Германии, уже почти 10 лет маршал и первый заместитель министра обороны — Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора. Конечно, это не Гречко, но достойный кандидат. Вторым кандидатом у нас шел генерал армии В. Г. Куликов. Командовал Киевским военным округом и

тоже Группой войск в Германии и уже четыре года начальник Генерального штаба ВС. Не исключали мы и варианта, что на пост министра могут рассмотреть генерала армии С. Л. Соколова. Он командовал Ленинградским военным округом, девять лет был первым заместителем министра обороны СССР. Других кандидатов мы не видели. Да их и не было. Как крайний вариант, мог быть кто-то рассмотрен из числа главнокомандующих видов Вооруженных Сил или командующих войсками военных округов (как П. А. Белик или И.М. Третьяк). Наконец, могли назначить из КГБ или МВД, но только не технократа. Но с нами никто не советовался.

Конечно, было невыразимо тяжело и жалко расставаться с А. А. Гречко — умным, сильным министром обороны. Но жизнь продолжалась. И надо было смотреть вперед.

Глава IV
Новые веяния

Неожиданность в назначении Устинова министром обороны. Реформы. Два лагеря. Беспомощность Устинова. Сомнения Брежнева имели основания. Посещение Устиновым войск. Прикарпатский военный округ остается в лидерах. Получаю генерала армии — как это было. Вырывают из родного округа и насильственно внедряют в Генштаб.

Мы оторопели: министром обороны назначен Дмитрий Федорович Устинов! Одновременно ему же присвоили воинское звание «генерал армии» и он был избран членом Политбюро ЦК (переведен из кандидатов в члены). Через несколько месяцев ему присваивается звание маршала Советского Союза. А еще через два года он получает Героя Советского Союза (к двум Золотым Звездам Героя Социалистического Труда). В общем, звания и награды на него посыпались как из рога изобилий. Кстати, воинское звание маршал Советского Союза согласно статусу присваивается президиумом Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в руководстве войсками. Но Дмитрий Федорович видел эти войска только в кино или на парадах на Красной площади. И самое главное, мы не представляли, как технократ будет руководить такой гигантской, сложнейшей военной машиной? Ведь он ничего не смыслил ни в военной теории, ни в военной практике.

Это назначение прозвучало среди офицерского состава (особенно старшего звена) как взрыв бомбы. Во-первых, Устинов совершенно неизвестен Вооруженным Силам; во-вторых, он сугубо гражданский человек. Ну, как может директор завода (даже оборонного) руководить Вооруженными Силами, в которые входят Ракетные войска стратегического назначения, Сухопутные войска, Военно-Воздушные Силы, Войска противовоздушной обороны страны, Военно-Морской Флот, множество других родов войск? Да никак. Руководить станет другой, а он будет при сём в мундире со звездами. Поэтому надо было реформировать систему управления Вооруженными Силами (по принципу, например, Запада). Но и этого не делалось.

У нас уже была неудачная практика, когда полугражданского полуполитика Николая Александровича Булганина назначали министром обороны СССР. Но он до этого хоть как-то натерся

военному делу: во время войны был членом Военного совета Западного, 2-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Он видел и слышал, как готовятся операции, в том числе, как готовятся войска, как ими управляют в ходе операций и т. д. Кроме того, он работал заместителем наркома обороны и был членом Государственного Комитета Обороны. И при всем при том его дважды назначали на должность министра обороны (первый раз при Сталине, второй — при Хрущеве), и оба раза он себя не проявил, а потому находился в этой должности непродолжительное время.

Казалось бы, этот отрицательный опыт должен послужить уроком на будущее. Увы! Случай с Устиновым — еще более показательный пример неудачного назначения: Дмитрий Федорович вообще не имел никакого представления о военном деле (как, кстати, и о большой политике, о чем свидетельствует хотя бы Афганистан).

Но, как мне стало известно позже, Устинов стремился во что бы то ни стало занять пост министра обороны, используя покорность Брежнева и сметая всех и всё на своем пути к облюбованной им цели. Уверен, что он и сам понимал, что никогда не станет настоящим министром обороны. Видимо, рассчитывал на Генеральный штаб, заместителей министра, на главнокомандующих видами Вооруженных Сил, на командующих родами войск, войсками военных округов (групп войск) и флотов, а также на руководителей центральных и главных управлений. Оно, собственно, так и получилось. Правда, в отличие от Булганина, который ни во что не вмешивался и никому ни в чем не мешал (в том числе А. Василевскому, а при повторном назначении — В. Соколовскому — оба были начальниками Генштаба и тянули главную ношу), Устинов лез во все и, естественно, только портил дело. В какой-то степени он напоминал Хрущева.

Тот тоже был с превеликим гонором, а потому с напором лез во всё. Но, будучи человеком невежественным, он, как известно, во всех областях жизни государства и народа оставил о себе недобрую память, особенно в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, Вооруженных Силах, в системе управления страной. Хрущев успел поссориться со многими ближними и дальними соседями, в том числе и с Китаем, с которым 14 февраля 1950 года при Сталине был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Вот и Устинов, фактически являясь невеждой в военных вопросах, но подталкиваемый окружением, лез во всё и везде, принося не пользу, а вред. Так что во времена его назначения не

только военные, но и многие гражданские деятели были поражены таким решением.

Да и сам Брежнев, у которого Устинов буквально выдавил это решение, до последней минуты сомневался в целесообразности его назначения. Но категорически отказать Устинову он в 1976 году уже не мог. Ему в то время была дорогб любая точка опоры, тем более Вооруженные Силы. Хотя эта опора была бы еще надежнее, если бы министра обороны назначили из числа военных или знающих военное дело.

Леонид Ильич, подписав необходимые документы на утверждение Устинова, позвонил начальнику Генштаба ВС генералу армии Куликову и сказал, что коллегия Министерства обороны должна собраться в зале заседания, а сам он, т. е. Куликов, должен приехать к нему.

Вспоминая этот эпизод, Виктор Георгиевич рассказывал:

— Приехал я в Кремль, захожу в кабинет Брежнева. Там сидит в военной форме Устинов. Я сразу всё понял — предупреждения Гречко о том, что министром обороны может быть назначен Устинов, сбылись.

Затем они втроем поехали в Генеральный штаб, где в зале заседания собрались все члены коллегии Министерства обороны. Машины въехали во дворик Генштаба и остановились у подъезда, которым пользуется министр обороны. Вошли в здание, подошли к лифту. Тут Брежнев не выдержал:

— Слушай, Дмитрий Федорович, ну какой из тебя… министр обороны? Может, пока не поздно, передумаем и вернемся?

Устинов засуетился, залепетал, что он с помощью Генштаба и других заместителей справится с задачами и Вооруженные Силы будут на должной высоте и т. п.

— Ладно, — махнул рукой Леонид Ильич, — решено. Поехали.

Подошел лифт, они поднялись наверх и сразу пошли в зал заседания. Все встали, приветствуя Верховного главнокомандующего. Брежнев объявил, что состоялось решение Политбюро ЦК и Совмина о назначении товарища Устинова Дмитрия Федоровича министром обороны СССР.

Итак, у нас появился министр обороны, как говорили среди офицеров, — со стороны.

Поначалу все шло по инерции. Никаких особых проблем. «Видно, изучает военное дело», — думали мы. Но ничего подобного Устинов и не думал делать. Он был полностью поглощен кадровыми вопросами. Ему надо было окружить себя лицами, преданными только ему лично. И в первую очередь поставить на Генштаб того, кому веришь, как себе. Им мог быть

только Николай Васильевич Огарков, с которым он сблизился по делам службы, как с заместителем министра обороны, отвечающим за электронную безопасность. Николай Васильевич до этого шесть лет был первым заместителем начальника Генштаба и, конечно, прекрасно знал эту область.

Но во главе Генштаба стоит Куликов, а это протеже Брежнева, и он моложе Огаркова, уже имеет большой опыт, просто так его не сковырнешь. Надо искать должность, которая была бы для Виктора Георгиевича Куликова соблазнительной. Пожалуй, таким может быть пост первого заместителя министра обороны СССР — Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора, с одновременным присвоением воинского звания маршала Советского Союза. Однако в этой должности уже много лет служит настоящий маршал и прославленный человек — И. И. Якубовский. Значит, его надо во что бы то ни стало убрать, хотя ему только недавно перевалило за 60 лет и он значительно моложе нового министра обороны.

Расчет был верный, и Устинов начинает действовать. Он собирает на Якубовского все возможные компроматы (большие и малые) и начинает Ивана Игнатьевича буквально давить. Чем дальше — тем больше. Наконец, Устинов вызывает Якубовского и объявляет ему:

— Вы не только не дорабатываете, вы не выполняете своих функциональных обязанностей. Вы совершенно не соответствуете занимаемой должности и наносите ущерб нашему союзу с государствами стран Варшавского Договора. Вы не можете больше пребывать на своем посту.

И далее Устинов приводит различные примеры, приукрасив их и придав им трагическую и чуть ли не преступную окраску. Удар был смертельный. Иван Игнатьевич не вынес этого и свалился. На почве нервного потрясения у него сразу развилось несколько болезней. Они то наступали, то затухали, то опять наступали. Так он из госпиталя и не вышел. В ноябре того же, 1976 года его не стало…

В общем, освободилось место. Приблизительно через месяц (сразу после смерти Якубовского делать назначения было неудобно, да и надо было провести согласования с руководством стран Варшавского Договора), точнее — в январе 1977 года основные фигуры были назначены: В.Г.Куликов — на Главкома ОВС стран Варшавского Договора, а Н. В. Огарков — на Генеральный штаб ВС СССР. Оба получили воинское звание маршала Советского Союза. Остальные заместители особой тревоги у новоиспеченного министра не вызывали. С С. Л. Соколовым работать можно без сомнений и опаски.

Дальнейшие прикидки были таковы. Начальнику тыла Куркоткину со временем можно было дать маршала и Героя Советского Союза, и этим его честолюбие будет удовлетворено. Заместителя по вооружению Н. Н. Алексеева, конечно, надо со временем менять (как сторонника Гречко) на В. М. Шабанова, что и было сделано через год с последующим присвоением генерала армии и Героя Социалистического Труда — видно, за прошлые (нам неизвестные) заслуги в промышленности.

С главнокомандующими видами Вооруженных Сил было сложнее. Однако с присвоением Героя Социалистического Труда Владимиру Федоровичу Толубко был снят вопрос о Главкоме Ракетных войск стратегического назначения. На Сухопутных войсках — уже 10 лет Иван Григорьевич Павловский. Но по характеру он спокойный и поэтому пока терпим. А вот на Военно-Воздушных Силах Павел Степанович Кутахов — натура бурлящая, к тому же имеет звание главного маршала авиации и Герой Советского Союза еще с войны. И хотя он последователь Гречко, но надо терпеть — слишком авторитетная личность. Можно со временем пообещать вторую Звезду Героя (кстати, позднее ему все-таки было присвоено звание дважды герой, но в те же дни он скончался). Главком ПВО Павел Федорович Батицкий — уже маршал Советского Союза и герой, да ко всему совершенно независимый. С этим будет очень сложно, хотя… по возрасту и болезни его можно «затолкать» в группу генеральных инспекторов (что и было сделано ровно через год). Наконец, Главком Военно-Морского Флота Сергей Георгиевич Горшков. Тоже уже имеет высшее звание — адмирал флота Советского Союза, герой. Двадцать лет командует флотом. Относительно не стар — моложе нового министра обороны. Последователь Гречко, но и его придется пока терпеть. Возможно, стоит и ему посулить вторую Звезду Героя (что и было сделано), и он будет работать в мире.

Такова была кадровая «стратегия» нового министра.

Что касается округов, групп войск, флотов, а также начальников центральных и главных управлений, то Устинов уже положился на нового начальника Генштаба Огаркова и первого заместителя министра обороны Соколова, с кем с первого дня нашел общую платформу.

Итак, кадровая, так сказать, реформа по основным параметрам в течение 1976–1977 годов была проведена. Для Устинова главным было то, что он добил и лично похоронил вначале Гречко, а затем низвел к нулю и лично похоронил Якубовского. Среди нашего брата на него уже повесили ярлык: «Могильщик маршалов».

Однако развитие науки и техники, появление новейших

достижений требовали преобразований, переустройства и изменений в Вооруженных Силах в целом. У нас и у вероятного противника появились новые виды оружия и боевой техники. Повышалась точность и мощность нанесения ударов обычными средствами, максимально сокращались временные показатели нанесения этих ударов.

Следовательно, требовалось максимально приблизить исполнительское звено к управлению силами и средствами — то есть к тем категориям командиров и начальников, которые первыми встретятся с агрессивными действиями вероятного противника. Я считал, что командующий войсками приграничного военного округа обязан нести личную персональную ответственность за отражение внезапного нападения противника на его стратегическом направлении. Но чтобы справиться с этой задачей, ему должны быть в полном объеме подчинены все силы и средства, расположенные в оперативных границах округа. В первую очередь средства ПВО и ВВС. Исключением могли быть лишь стратегические ядерные средства, управление которыми должно осуществляться только из центра.

Вступив в должность начальника Генерального штаба в январе 1977 года, Николай Васильевич Огарков уже к лету этого года разработал целую серию существенных преобразований. Министр обороны души не чаял в начальнике Генерального штаба. И полностью на него опирался, везде и всячески поддерживал.

Пришло время проводить эти идеи в войска. Перебравшийся к этому времени в Генеральный штаб генерал В.Я.Аболинс, назначенный на должность начальника Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба, ориентировал нас по закрытым каналам связи о всех предстоящих изменениях.

Многое из новых веяний в основном совпадало с нашими взглядами. Но не все. Например, мы не приветствовали, чтобы войсковые средства ПВО централизованно замыкались на Главкоме войск ПВО страны. Также считали нецелесообразным объединять военкоматы с органами гражданской обороны, так как у них совершенно разные функции.

Находясь во Львове, мы чувствовали, что руководство Министерства обороны по вопросам реформирования раскололось на несколько группировок: Генштаб — за решительные и кардинальные изменения; первый заместитель министра обороны — против всех изменений; главкомы видов ВС — за изменения, но чтобы из их подчинения силы не выводились (особенно ПВО, ВВС и ВМФ). В этих условиях министр обороны не

мог даже в общих чертах высказать своей позиции, потому что его помощники генерал-майор И. В. Илларионов и контр-адмирал С. С. Турунов ориентировались в то время приблизительно, как и министр. А принять чью-то сторону он, естественно, не мог. Нужен был выход.

Н. В. Огарков предлагает провести на двух военных округах (Прибалтийском и Прикарпатском) исследовательские фронтовые командно-штабные учения, на которых опробовать все эти нововведения. Министр соглашается, и Огарков едет в Прибалтийский округ, а Соколов — в Прикарпатский. Вместе с Соколовым к нам приезжает бывший начальник штаба нашего округа генерал Аболинс.

В течение недели проводятся фронтовые учения. Я выступал в роли командующего войсками фронта, все остальные начальники — тоже в соответствующих ролях. Но странный, на мой взгляд, метод был избран руководителем учения — мы все, как подопытные, совершенно не имели возможности высказать свое мнение. Даже по окончании учений, когда подводились итоги и делались принципиальные выводы, генерал армии С. Л. Соколов не пригласил ни командующего войсками округа, ни начальника штаба, ни других знающих дело и заинтересованных в определенных выводах. Я передал через Аболинса руководителю учения, что мы считаем это ненормальным явлением. Однако никакой реакции не последовало.

Итак, исследовательская группа, сделав втихую от нас свои выводы, уехала в Москву. А что же мы? Безгласные нули? Нет, мы обязаны высказать свое мнение. Я пригласил начальника штаба округа М. А. Тягунова, первого заместителя командующего войсками округа Н. Б. Абашина и члена Военного совета — начальника политуправления округа Фомичева. Поставил вопрос — как быть: докладывать свое мнение или воздержаться? Позиции разделились: Тягунов и Фомичев предлагали не втягиваться в «борьбу верхов», но Абашин поддержал меня, сказав, что для нас это не борьба, а мысли тех, кто на своих плечах испытал и продолжает испытывать реальности жизни. Учитывая, что наши выводы по всем принципиальным вопросам были едины, я и послал соответствующую шифротелеграмму в Генеральный штаб, полагая, что она будет докладываться министру обороны и заместителям министра. В частности, было сказано, что Воздушная армия должна входить в состав округа, а командующий армией должен быть одновременно заместителем командующего войсками округа — командующим ВВС округа (имея в виду, что в округе еще должна быть армейская авиация — вертолеты и самолеты-штурмовики). Все средства ПВО страны на

территории округа (у нас это был корпус ПВО) также должны оперативно подчиняться командующему войсками округа и управляться с объединенного командного пункта. (Против двух этих положений возражал генерал армии Соколов.) В то же время мы считаем нецелесообразным войсковые (флотские) средства ПВО подчинять главкому ПВО, а также объединять военкоматы с органами гражданской обороны (это уже предлагалось маршалом Огарковым).

Реакцию Москвы долго ждать не пришлось. Буквально на второй день позвонил С. Л. Соколов и с возмущением высказал свое негативное отношение к моей телеграмме. «Это совершенно не ваше дело, — поучал меня Сергей Леонидович, — это мы, а не вы проводили исследования». Я не стал с ним пререкаться, но сказал, что мы тоже имеем свое мнение и не намерены его утаивать или изменять.

Учитывая важность проведенного учения и накал ситуации, я для ясности сориентировал в обстановке В.Ф.Добрика, а потом позвонил В. В. Щербицкому. Последний мне ответил:

— Спасибо за информацию. Конечно, военная наука, как и военное дело в целом, на месте стоять не должна, так же как и экономика. Все находится в постоянном движении, и наша задача состоит в том, чтобы в интересах развития и обеспечения поступательного движения максимально использовать все достижения. И тот, кто консервативно встречает эти идеи, он или не понимает значения всего этого, или умышленно хочет, чтобы мы приотстали. То, что вы высказали свое мнение, — это очень правильно. Военный совет округа — это же не пешки. Тем более это мнение всего вашего коллектива управления округа.

А потом Владимир Васильевич вдруг перешел на другую тему:

— Валентин Иванович, у меня на днях состоялся в Москве личный разговор с Леонидом Ильичом. Я его просил, чтобы командующему Киевского и командующему Прикарпатского военного округа присвоили воинское звание генерала армии. Он пообещал. Но сказал, что одновременно двум командующим на Украине делать это неудобно. Мы в этом году присвоим командующему войсками Киевского военного округа, а к 23 февраля следующего года — командующему войсками Прикарпатского. Так что имейте в виду.

Я поблагодарил Владимира Васильевича за заботу и внимание, но в душе не верил, что это сбудется в отношении меня. Дмитрий Федорович Устинов проводил очень жесткую линию практически ко всем тем, кто Андреем Антоновичем Гречко отмечался положительно. Странно это все — ведь служили

не Гречко, а Отечеству, но было такое кривое необъективное отношение. Приведу один пример.

В 1975 году после гибели в авиационной катастрофе маршала инженерных войск Виктора Кондратьевича Харченко на должность начальника инженерных войск Министерства обороны был назначен такой же блистательный офицер Сергей Христофорович Аганов. Он так же, как и его предшественник, пользовался всеобщим уважением за высокий профессионализм, мощные организаторские способности и исключительную активность. У Гречко он пользовался особым уважением, и это было заслуженно. Естественно, после смерти Гречко он попал в сферу «особого внимания» нового министра. Когда наши войска были введены на территорию Афганистана и оперативная группа Минобороны под руководством С. Л. Соколова и С. Ф. Ахромеева периодически выезжала в эту страну, то вместе с ней выезжал и вместе с ней возвращался в Москву С. Х. Аганов. Министр обороны Устинов возмущался — почему он возвращается? Однажды проводилось заседание коллегии Министерства обороны. На эти заседания, как правило, кроме членов коллегии приглашаются и все начальники родов войск и служб, начальники главных и центральных управлений. Был на заседаниях и Сергей Христофорович. Заметив его, министр спрашивает:

— Аганов, а вы что здесь делаете?

Мы все вначале подумали, что Дмитрий Тимофеевич шутит. Ведь из Афганистана вернулась вся оперативная группа МО во главе с С. Л. Соколовым.

— Я приглашен, как и все, — ответил Аганов.

— Вы же должны быть в Афганистане!

— Я приехал оттуда вместе со всеми позавчера.

— Зачем вы приехали? Ваше место там. Надо обучать войска, как минировать и разминировать, а вы здесь будете по заседаниям шастать, — отчитывал его Устинов.

— Товарищ министр обороны, но у меня и здесь очень много дел. А там есть начальник инженерных войск 40-й армии с аппаратом, в округе такой же начальник, в каждой дивизии, бригаде и полку тоже есть такая служба, которая и призвана этим заниматься.

— Пока наши войска в Афганистане — вы обязаны быть там.

На следующий день Аганов вылетел. Через два месяца прилетел с разрешения начальника Генштаба и генерала армии Соколова и опять попался на глаза Устинову.

И опять между ними произошел диалог, похожий больше на выволочку министра.

— Вы что здесь делаете? — раздраженно спросил Устинов.

— Да я… — начал было объяснять Аганов, но министр резко оборвал его:

— Я же вам уже разъяснял, что вы обязаны быть в Афганистане!

И пока Устинов был жив, Аганов большую часть времени находился в Афганистане, хотя необходимостью это не вызывалось.

Таким образом, я с полным основанием считал, что новое звание мне не светит. Кстати, я и не думал об этом. К таким мыслям меня подтолкнул Щербицкий.

Однако в тот год к 7 ноября командующий Киевского военного округа звание получает. Естественно, я искренне поздравляю его. И опять мне звонит Щербицкий. Поздравил с праздником, спрашивает:

— Ивана Александровича поздравил?

— Конечно. Мы рады такому решению.

— К 23 февраля будем еще одну радость отмечать.

И действительно, в феврале 1978 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне воинского звания генерал армии. Кстати, одновременно Сергей Леонидович Соколов получил маршала Советского Союза. На радостях он позвонил мне и поздравил, а я, естественно, тепло и искренне поздравил его с ма ршалом — все-таки более 10 лет он был на чисто маршальской должности.

Но первый звонок я сделал Владимиру Васильевичу Щербицкому. Поблагодарил его от всей души. Вообще этот человек сыграл в моей жизни огромную роль. Во-первых, спас меня от «партийного повышения», как фигурально говорил Абашин в отношении дела, которое рассматривал Пельше. Во-вторых, именно благодаря его ходатайству я получил генерала армии. И, в-третьих, он активно оказывал округу материальную помощь в строительстве. Владимир Васильевич Щербицкий навечно сохранится в моей памяти, и я всегда буду чувствовать, что при жизни я его недостаточно отблагодарил.

Но жизнь между тем продолжалась. Я позванивал в Москву своим друзьям-товарищам: интересовался, как идет служба под руководством нового министра. Они посмеивались: «Адаптируется», «Изучает военное дело», «Едва ли к концу своей службы что-нибудь поймет». Наиболее откровенные высказывания были у Аболинса. Как-то позвонив, он сообщил, что начальник Генштаба намерен вывозить министра в войска — надо ему хоть с кем-то повидаться. Не исключено, что побывает и в Прикарпатском военном округе.

Однако накануне такого визита на базе Прибалтийского

военного округа Н. В. Огарков провел совещание. Он подводил итоги исследовательским учениям. Вывод был такой: внесенные Генеральным штабом предложения являются приемлемыми, и это «подтвердило» исследовательское фронтовое командно-штабное учение, проведенное на базе Прибалтийского военного округа. А вот учения такого рода в Прикарпатском военном округе по причине неорганизованности командования округа не привели к должным результатам. «Командование округа даже не удосужилось побывать на подведении итогов и разборе, который проводил генерал армии Соколов», — заявил Огарков.

Я вынужден был резко выступить и внести ясность. Кроме того, я повторно вынужден был высказать свою точку зрения (точнее, точку зрения Военного совета округа) по поводу нововведений — что мы приветствуем и поддерживаем, а что считаем неприемлемым.

Во время перерыва мы с Николаем Васильевичем Огарковым более 30 минут прохаживались по дорожкам военного городка, где проходило совещание, и я безуспешно доказывал ему верность своих выводов. Он же упрекал меня в том, что я не мог доказать Соколову даже то, за что сам голосую. Странно было слышать это от него, но все было именно так.

— Сергею Леонидовичу Соколову в его положении и возрасте трудно что-то доказать: он уже сформировался и выйти из своей колеи не сможет, так же как и другие, — сказал я в заключение нашего тяжелого разговора. Огарков многозначительно посмотрел на меня, когда я произнес последние слова, и мы молча отправились на совещание, естественно, недовольные друг другом. В конце совещания начальник Генерального штаба сообщил, что будет соответствующая директива по внесению изменений и дополнений в существующую структуру и систему управления войсками и силами флота.

Наконец, состоялся визит министра обороны Устинова в наш округ. Его сопровождал и начальник Генерального штаба, Главком ВВС и, конечно, начальник Главпура Советской Армии и Военно-Морского Флота. Очевидно, для того, чтобы округ представить в какой-то динамике, управление округа, а также управления четырех армий (двух общевойсковых, одной танковой и одной воздушной) до приезда министра обороны были подняты по тревоге и выведены на запасные командные пункты. Им поставили задачу: оценить оперативную обстановку (задание было вручено), принять решение и быть в готовности доложить его руководителю проводимой командно-штабной тренировки, т. е. министру обороны.

Все мы, конечно, прекрасно понимали, что фактически

руководителем тренировки является начальник Генштаба, а министр просто получает первые навыки и общее представление о таком методе подготовки управлений. Вместе с тем решалась главная задача — знакомство с руководящим составом, т. е. со всеми нами. Меня удивили и новые веяния руководства: было приказано всем (в том числе командующему войсками округа) находиться на командных пунктах, никому на аэродром не выезжать — ограничиться только направлением одного офицера с транспортом для министра и сопровождающих его лиц. Понимая в связи с этим нелепость своего положения и учитывая, что и министру, и начальнику Генштаба потребуется что-то доложить об округе или пояснить, я все-таки поручил первому заместителю командующего войсками округа генерал-полковнику Н. Б. Абашину встретить и сопроводить министра. Что и было сделано. Однако когда уже я встречал Устинова у себя на командном пункте, то заметил, что Абашина среди сопровождавших не было, но был генерал Аболинс, который прилетел вместе со всеми. Я понял, что Николай Васильевич Огарков, очевидно, решил воспользоваться знаниями Аболинса, недавно переведенного из нашего округа в Генштаб.

Я доложил. Министр терпеливо выслушал, неловко держа руку под козырек, и деловито сказал: «Хорошо». И вопросительно посмотрел на Огаркова. Тот тоже поздоровался за руку и, делая вид, что не замечает взгляда министра, дал мне команду вести на рабочее место. Я пошел вперед, все двинулись за мной.

Наземная часть командного пункта, и особенно подземная (защищенная), были построены по последним требованиям и зеркально повторяли друг друга. По ходу движения, а я умышленно провел всех по верхней части (наземной), мною давались пояснения, как построен командный пункт. Затем мы спустились в защищенную часть, где находился весь состав нашего управления. Добравшись до основного зала управления, я предложил министру и остальным лицам разместиться поудобнее и выслушать наши доклады. Предложение было принято. А дальше все пошло по обычной схеме: начальник разведывательного управления доложил выводы о противнике, начальник штаба округа — о наших войсках и свои предложения, командующий войсками округа сделал обобщение, доложил замысел действий, решение и какие намерен поставить задачи войскам; начальники родов войск и служб доложили, как обеспечено решение командующего войсками и поставленные задачи. Естественно, перед докладом каждый представлялся. Некоторым министр обороны задавал вопросы — давно ли находится в занимаемой должности, давно ли служит в армии,

где еще служил, кроме Прикарпатского военного округа? А начальник Генштаба интересовался всеми аспектами штабной тренировки. Затем он переговорил по телефону с командармами, каждый раз подчеркивая, что министр обороны, маршал Советского Союза Устинов Дмитрий Федорович заслушал на защищенном командном пункте командование округа и дал необходимые указания, которые сообщит им командующий округом. Под конец Огарков кратко подвел итог и спросил у министра, будут ли еще замечания. Тот, конечно, ответил: «Нет!»

После этого вся группа министра обороны поднялась наверх и, сев в машины, отправилась во Львов. Дорогой у меня состоялся следующий разговор с Огарковым:

— Позвольте узнать план дальнейших действий.

— Почему вам министр обороны должен докладывать свой план?

— Извините, мне никто ничего докладывать не должен, но я командующий войсками округа, на территории которого находится руководство Вооруженных Сил. Я по уставу обязан и встречать, и сопровождать министра обороны и вас, но вы меня этого права лишили. В этих условиях я должен хотя бы знать, в какие части округа вы поедете или что намерены посетить. В конце концов я обязан знать — где вы будете ночевать, чтобы отдать распоряжение?

— Ничего вы не обязаны. Мы сами во всем разберемся, а вот то, что вы обязаны, согласно отдельным распоряжениям Дмитрия Федоровича, поставить задачи армиям — это верно. Вот этим и займитесь.

Присутствовавший при нашем разговоре министр обороны пожал мне руку и, пожелав успехов, пошел с Огарковым к «Чайке». Я глянул на Аболинса, потом на Кутахова — они пожали плечами и тоже сели в машину. «Кавалькада» отправилась в путь, а я сел к телефону и начал названивать. Сначала узнал, что время вылета точно не определено, но, возможно, это будет сегодня вечером. Потом навел справки в обкоме — оказывается, руководство области никто даже не поставил в известность о прилете и возможном визите члена Политбюро ЦК министра обороны. Предупредил командующего Воздушной армией, что руководители могут появиться у него на командном пункте, так что пусть авиационная служба следит за самолетом министра. Оперативному дежурному округа дал задание найти местонахождение министра обороны и сообщать мне о его действиях через каждые полчаса. На всякий случай сказал, что министр может появиться в штабе округа, поэтому кабинеты командующего, начальника штаба и других руководителей на

этом этаже надо открыть, а столовая Военного совета должна быть готова принять гостей в любое время.

Продолжая работу по плану командно-штабного учения под общим наблюдением одного представителя, оставленного у нас начальником Генштаба, я держал в поле зрения группу министра.

Через два часа мне стало известно, что вся команда приехала во Львов, затем в гостиницу Военного совета, которая была закрыта, поскольку там никто никого не ждал. Мы-то для всех приготовили место для работы, для отдыха и питания в учебном центре, т. е. вблизи от нашего командного пункта. Никто не думал, что при проведении учения группа министра обороны будет базироваться в городе. Но Огарков привез всех именно туда. И вот началась целая эпопея с открытием гостиницы: сами ничего не смогли сделать, естественно, послали Аболинса за начальником квартирно-эксплуатационного управления округа, который разыскал начальника гостиницы, и последний, наконец, открыл здание. Затем началась операция по организации ужина — тот же Аболинс помчался в штаб округа в столовую Военного совета. Загрузил поваров, официантов и готовые блюда в машины и доставил в гостиницу. Конечно, это выглядело бестолково и глупо. Ведь всё могло бы быть прилично, и не надо было бы тратить время на пустяковые вопросы, взвинчивая их до уровня проблем.

Не выдержав, я позвонил по «ВЧ» в гостиницу. Телефонист сказал, что по этому аппарату говорят из гостиницы с Москвой, а по окончании этого разговора он должен соединить их с Одессой. Звоню по нашей армейской закрытой связи ЗАС. Трубку на мое счастье взял Кутахов:

— Слушаю, Кутахов.

— Павел Степанович, это Варенников. Прошу вас, сориентируйте меня, что происходит?

— Да сейчас, после ужина, страсти, кажется, улеглись. Вначале мы штурмовали вашу гостиницу, потом ждали, когда приедет столовая, а сейчас вот Николай Васильевич говорит с Генштабом, дает указания по Одесскому военному округу. Министр с Епишевым смотрят в гостиной телепередачу. Остальные бродят в ожидании команд.

— От меня что-нибудь требуется?

— Стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы, — и Кутахов рассмеялся. Думаю, чтобы в первую очередь поднять мне настроение. Я поблагодарил Павла Степановича и продолжил заниматься учением.

Через несколько минут после разговора с Кутаховым мне звонит Огарков:

— Министр обороны, действуя по своему плану, через полчаса улетит за пределы Прикарпатского военного округа (не сказал куда). Он приказал, чтобы вы, получив от каждого командующего армией донесение шифртелеграммой с изложением замысла действий согласно полученной задачи и утвердив этот замысел, по своему усмотрению закончили учение и всех участников вернули в пункты постоянной дислокации.

— Обстановка ясна, задачу понял.

— Никого на аэродром не присылать. И Абашина — тоже. До свидания.

— До свидания.

Действительно, через некоторое время группа министра обороны улетела, а мы, завершив учение-тренировку, начали возвращать органы управления на свои постоянные места. Командармам я поставил задачу самостоятельно провести разбор этой тренировки.

Итак, новый министр обороны побывал у нас в округе. Он увидел командный пункт округа «под землей» с командованием, штабом и службами округа (точнее — с их начальниками) и побывал в гостинице Военного совета. И всё. Правда, спросил меня о структуре округа, численности личного состава и обеспеченности. Но сами войска, условия их жизни, быта и боевой учебы посмотреть не захотел или не успел, а мы так надеялись на это. Да и, на мой взгляд, министру обороны знать все это крайне необходимо вообще, а такому, как Д. Ф. Устинов, тем более. В общем, после его визита на душе было невесело.

Закончился 1976 год, прошел 1977-й. Оба года были до краев заполнены напряженной боевой учебой и совершенствованием нашего обустройства, созданием более комфортных условий службы и быта. И в итоге наш округ так же, как и в прошлом, отмечается как лучший военный округ в Вооруженных Силах СССР. Для нас это было очень важно — округ остается в лидерах, хотя руководство Вооруженных Сил и обновилось. Ведь как бы объективно ни оценивали различного рода комиссии, все-таки субъективизм всегда имеет место. Когда же негласно новым руководством Вооруженных Сил проводится переоценка всего, что было при Гречко, удержать лидерство целому округу не так-то просто. Мало того, что новые министр обороны, начальник Генерального штаба и их помощники не питали к округу и лично к командующему теплых чувств, так в это время охладели отношения и со стороны некоторых других руководителей, например С. Л. Соколова — первого заместителя министра обороны.

Однако интерес к округу со стороны командующих войсками

военных округов, командующих флотами, отдельными армиями был несомненный. Многие из них лично сами или их заместители (особенно заместители по боевой подготовке и по строительству) прилетали в округ и несколько суток разъезжали по войскам, учебным центрам, базам, аэродромам, заводам (в частности, интересовались ремонтным автомобильным заводом) и даже заглядывали в санатории. Мы, конечно, всех любезно принимали, обеспечивали транспортом, выделили для сопровождения офицеров-специалистов и, как могли, открыто, без утайки показывали все, что их интересовало. А командующий войсками Одесского военного округа приезжал даже дважды.

Так же благополучно окончился для округа и 1978 год. Однако в этом году были особые события для меня лично. Как уже было сказано, к 23 февраля мне было присвоено высшее генеральское звание «генерал армии». В этом же году, взяв отпуск в августе, я на 10 дней улетел на Дальний Восток. Дома объяснил жене эту поездку тем, что вопрос о моем назначении на Дальний Восток вроде не отпал. Поэтому я должен предварительно, хотя бы в общих чертах, ознакомиться с этой махиной. Довод выглядел убедительно еще и потому, что я командовал Прикарпатским военным округом уже шестой год и надо, мол, уже менять обстановку. А с командующим войсками Дальневосточного военного округа генералом армии Иваном Моисеевичем Третьяком мы договорились, что он обеспечит мне поездки во все основные районы до Камчатки и Чукотки включительно. Кстати, и Третьяк в это время тоже был в отпуске, но никуда не выезжал, а отдыхал в военном санатории во Владивостоке.

Получив разрешение на отпуск, я сообщил в Генеральный штаб о том, что десять дней буду находиться в границах Дальневосточного военного округа и штаб этого округа будет постоянно знать о моем местопребывании. А затем на двадцать дней поеду по путевке в санаторий «Крым».

И вот наконец долгожданная дальневосточная земля! Прилетел я, конечно, в гражданском костюме. В Хабаровске меня встретили тепло, по-братски. Иван Моисеевич Третьяк организовал торжественный ужин в домике санатория, где я буду жить в период своего пребывания в округе. Пригласил Иван Моисеевич на ужин первого заместителя командующего войсками округа генерала Дмитрия Тимофеевича Язова, которому поручил быть куратором, а также начальника штаба округа и члена Военного совета. Поговорили о службе, о жизни, вспоминали историю славного Дальневосточного военного округа. Разобрали по косточкам всех командующих, которые были до Ивана Моисеевича: Блюхера, Пуркаева, Крылова, Малиновского,

Пеньковского, Крейзера, Павловского, Лосика, Толубко, Петрова. В подавляющем большинстве это были яркие, известные всей стране личности. Они многое сделали для укрепления наших восточных рубежей. А сейчас эта высокая честь выпала И. М. Третьяку.

Затем мы наметили конкретный план моих действий на десять дней. Принципиально предполагалось, что я облечу все — от бухты Провидения и Петропавловска-Камчат-ского до Южного Сахалина и Владивостока. Прилегающие к Хабаровску районы проеду на машине, а по Амуру — на катере.

Чтобы создать мне максимум удобств, Иван Моисеевич выделил свой воздушный командный пункт, который, как и в других приграничных военных округах (в том числе и в Прикарпатском), был смонтирован на транспортном самолете АН-8. Эти командные пункты не реже одного раза в месяц в течение нескольких дней обязаны летать по разработанной программе и решать две принципиальные задачи. Первая — оперативная группа штаба округа через узел связи, расположенный на борту, занимается передачей учебных распоряжений на наземные КП, сбором и обобщением данных, ведет радиообмен с центральными командными пунктами. Вторая — экипаж самолета, оперативная группа штаба округа и экипаж узла связи проходят постоянную тренировку и поддерживают свою подготовку на должном уровне. То есть идет боевая учеба, направленная на поддержание высокой боевой готовности. А это — основа всей нашей деятельности. Такая вот тренировка совпала с моим приездом. Поэтому, как говорится, полезное сочеталось с приятным.

На следующий день утром я улетел на Камчатку, где самолет должен был дозаправиться и далее лететь на Чукотку, а И. М. Третьяк отбыл в санаторий во Владивосток. Там же мы условились встретиться, когда я вернусь с Севера. Полет проходил на высоте от 8 до 10 тысяч метров. Небо было чистое, поэтому земля была прекрасно видна. Буквально через час мы были уже у океана, а дальше весь полет проходил вдоль берега. На земле отлично просматривались населенные пункты, а в океане — суда и военные корабли.

Оперативная группа округа включилась в свою работу и проводила обмен информацией с командными пунктами на территории округа. Я решил попытаться связаться с наземным командным пунктом Прикарпатского военного округа, который, как и все, был в режиме дежурства. И это, к моей радости, удалось сделать. Переговорил с оперативным дежурным, а через него и с начальником штаба округа. Это, конечно, впечатляло —

летишь над Тихим океаном и говоришь со Львовом.

Как и планировалось, сделали посадку в Петропавловске-Камчатском, точнее, в Елизово, где был наш военный аэродром первого класса. Нас встретили и доложили, что на Чукотке нет погоды, надо ждать до утра. В связи с этим предложили ознакомиться с городом, побывать у военных моряков, к вечеру переехать в Паратунку — принять там знаменитые бромовые терминальные ванны и переночевать в местном санатории. А с утра, если будет погода, продолжить полет на Чукотку.

Выхода не было — пришлось согласиться.

Осматривая город, ловил себя на мысли, что мой взгляд все время обращается к чудесному заливу, на берегу которого гнездами расположился Петропавловск. И не просто к заливу, а к «Трем братьям» — трем скалистым утесам, которые стояли, как часовые, у входа в бухту. Неповторимая картина! Можно стоять часами, рассматривая этих «братьев», и, уверен, это не надоест. Понравилась мне и рыбалка, на которую меня буквально затащил командующий флотилией подводных лодок вице-адмирал Иван Матвеевич Капитанец. В принципе я — охотник, и рыбалку ни при каких условиях не мог признать ни спортом, ни развлечением, ни отдыхом. Уважал тех, кто выходит в океан на акулу или кита, но это уже не рыбалка, а тоже охота, и тоже с риском, как, допустим, и на медведя. Но в данном случае я обязан был подчиниться «хозяевам» и выполнять их рекомендации. На меня, конечно, произвел впечатление не столько улов, сколько архиерейская уха — ароматная, густая, с дымком. Сразу вспомнил Рыбачий, где мастером высшего класса готовить уху был начальник тыла полка Гривко. А здесь таким же мастером слыл мичман, видно, адъютант адмирала. Меня удивила молодая картошка — откуда? Оказывается, мичман развел огородик у термальных вод, и там произрастает все, что и в Полтавской области (сам он родом из Полтавы).

Рыбачили мы во вторую половину дня в пятницу, когда рабочее время уже окончилось. К вечеру меня отвезли в Паратунку. Я «прошел» все три ванны — бассейн с температурами 36, 40 и 45 градусов (в каждой по 5–7 минут), затем отправился в санаторий. Сразу после ужина лег отдыхать и спал беспробудно, как младенец, до 8 утра. Проснувшись, не поверил, что уже так много времени. В темпе привел себя в порядок и в 8.30 спустился к завтраку, извиняясь перед товарищами за опоздание (завтракать условились в 8.00). Но они меня «успокоили»: «Можно было бы и еще отдохнуть — на Чукотке погоды нет и лететь нельзя. Да и на ближайшее время ничего хорошего не обещают — в смысле летную погоду». Иван Матвеевич Капитанец предложил полететь

в долину гейзеров. Это около 170–180 километров на север, северо-восток от Петропавловска. Долина располагалась в границах заповедника Кроноцкого.

«Вертолет готов, хозяин гейзеров по радио предупрежден и будет ждать. Погода в нашем районе предполагается ясной и стабильной, час туда, два там и час обратно. Обедать будем в Петропавловске. Побывать в наших краях и не посетить долину гейзеров — это значит никогда их не увидеть. Сегодня суббота, поэтому и мы сможем с вами полететь, если нет возражений», — заключил Капитанец. А ведь действительно интересно! 160 вулканов, 28 из них — действующие, долина гейзеров, — просто дух захватывает! Я принял приглашение.

Еще до долины гейзеров мы получили прекрасную возможность наблюдать и «уснувшие», и «дышащие» вулканы. В том числе один из самых больших вулканов в мире высотой 4750 метров — Ключевскую сопку, а также Авачинскую, Корякскую, Корынскую, Мутновскую сопки. Некоторые из этих вулканов дымили и сейчас. На мой вопрос — а нельзя ли заглянуть внутрь хотя бы одному вулкану? — вертолетчики замахали руками: «Что вы! Свалимся в кратер!»

Но покорила нас не только эта экзотика. Одно время мы летели вдоль неширокой, метров семьдесят — сто, реки. Берега пологие, песчаные. На подступах к ней местность заросла высокой травой, кустарником, в том числе различным ягодником. И вдруг я увидел невероятное — рыбу ловят медведи! В нескольких местах огромные рыже-бурые звери зашли по брюхо в воду и занимались промыслом. Вот один из них бросается вперед и пастью или лапой захватывает большую рыбину, выходит на берег, прикусывает ее и оставляет в общей кучке. Затем идет в воду обратно. А некоторые, захватив добычу, проглатывают ее на месте. Мы наблюдали эту картину, барражируя на вертолете на почтительном расстоянии от места «рыбалки». Чтобы получше рассмотреть детали, пользовались биноклями.

Особо заинтересовала нас одна пара медведей (все остальные охотились в одиночку). Видать, это была медведица и ее годовалый малыш, который по размерам немного отставал от мамаши, а по поведению был совсем еще дитя. Он стоял на берегу у самой воды, а медведица вошла в реку неподалеку от сынка и ловила ему рыбу. Медведи привыкли к пролетающим вертолетам и на них особо не реагировали (все-таки заповедник). Только при близком подлете начинали беспокоиться. Так произошло и с нашей парой. Едва мы к ней подлетели, как медведица быстро вышла из реки на берег, села и стала лапой отмахиваться от нашего вертолета, как от осенней мухи, а медвежонок все это

время прятался за мать, выглядывая из-за ее морды. Но никто из зверей — ни эти медведи, ни другие по соседству покидать свои места и не думали. Как мы все сожалели, что не прихватили кино — или телекамеру! Медведи буквально нам позировали, как цирковые артисты.

Не долетев до озера Кроноцкое, мы приземлились в долине. Я вышел из вертолета и оторопел: она вся дышала и клокотала. Это было неописуемое зрелище. Я полностью разделяю мнение тех, кто считает природу непревзойденным и художником, и зодчим, и дизайнером. Долина, расположенная между двумя грядами гор, была буквально насыщена гейзерами. Их было множество различной величины, силы и формы. Ими была покрыта вся равнинная часть и особенно предгорье Восточного хребта. Это был парад природных фонтанов. Каждый пульсировал по-своему, и создавалось такое впечатление, будто он старался превзойти других, особенно соседей. Причем не способностью выше или дальше забросить свою кипящую струю, а в первую очередь своим пульсированием. Можно часами стоять у каждого источника, желательно, конечно, на безопасном удалении, и смотреть, как он собирается с силами, как вначале лунка-чаша наполняется кипящей водой, а потом почти в точно установленное время, словно надув свои щеки и набрав полные легкие воздуха, гейзер с силой выбрасывает струю вместе с паром. Каждый выброс следует через равный промежуток времени, будто под гейзеры заложены электронные устройства.

Хозяином этой долины был Виталий Николаенко. Среднего роста, атлетического сложения, рыжеватый молодой мужчина лет тридцати, с голубыми глазами. Он давно уже обосновался в этом удивительном месте. И сейчас продолжает там проживать. Николаенко уникальная личность. Он вел научные наблюдения и за гейзерами, и за животным миром. Его знаниям нет цены. Каждый гейзер-фонтан имеет свое имя. На каждый заведено «досье». И по каждому к исходу года подводятся итоги. Они сопоставляются с предыдущими годами и делаются выводы. Виталий посвятил нас в свои исследования.

Столь же увлеченно он изучал и животный мир. В основном волков, но особенно — медведей. Виталий говорил о медведях, как о своих детях, подробно описывая их нравы, привычки, повадки. Очень переживал, что медведи-шатуны зимой и ближе к весне часто гибнут в долине гейзеров. В это время они подтягиваются сюда, а снега в долине выпадает до четырех метров. Из-за перепадов температуры в атмосфере на поверхности снегового покрова образуется плотная корка-наст, и медведи, вес которых колеблется от 100 до 300 килограммов (а у некоторых и

больше), свободно расхаживают по долине. Но многих подстерегала и беда. Дело в том, что мощные гейзеры с высоким выбросом кипятка и пара никого не подпускают к себе ни зимой, ни летом. Однако совсем маленькие гейзеры покрываются снегом и под ним продолжают жить. Поэтому в огромной толще снега образуется «купол» — пустота, наполненная газами, в основном сероводородом, в смертельных концентрациях. И когда тяжелый медведь топает по снежному покрову над этим «куполом», то проваливается в гейзер. А поскольку глубина большая, то его старания выбраться бесполезны, и он в считанные минуты кончается. Летом, когда весь снег сходит, Виталий находил туши погибших медведей и закапывал их.

Я смотрел в голубые глаза хозяина долины гейзеров и видел, как он переживает даже сейчас. И в то же время он с возмущением рассказывал о «художествах» браконьеров. Здесь заповедник, и все об этом знают, но есть охотники нарушить закон. Виталий, естественно, вступает с ними в борьбу, рискуя собой. В одной из таких схваток браконьеры подстрелили Виталия в пятку. И хотя с тех пор прошло уже несколько лет, он все еще хромает.

У Виталия высокий двухэтажный деревянный дом (мне показалось, что он из досок). Стоит он на возвышенности так, как будто «прилип» к склону горы. Отсюда открывается широкая панорама долины и кажется, будто находишься на мостике большого корабля.

Виталий обитал здесь не один. Его огромный, лохматый, с длинной бело-коричневой шерстью пес встретил нас, как родных, и мы вначале подумали, что он такой простодушный ко всем. Однако, по рассказам хозяина, это доброе существо зверело, когда появлялся медведь или волк. Он даже нападал на них, такая же реакция была и на браконьеров.

Красоты долины гейзеров не исчерпывались только этим чудом природы. У входа в долину — на относительно широком плато, поросшем низким кустарником и буйной травой, — разместилось множество мини-озер в основном круглой формы, которые были наполнены не водой, а сметанообразной жижей сероватого цвета. И эта масса, шевелясь и вздыхая, то и дело выпускала в разных местах большие пузыри, будто она снизу подогревалась огнем. И таких «живых» воронок здесь превеликое множество. Если температура воды в гейзерах была в пределах 100 градусов тепла, то на поверхности воронок она была на 20–30 градусов меньше. А в самой толще массы температура, возможно, превышала 100 градусов. Вся эта окружающая нас красота одновременно таила в себе опасность и загадочность.

После частичного (а по заключению Виталия, сотой доли того, что надо было бы посмотреть) знакомства с отдельными элементами этого чуда, мы забрались в дом хозяина на второй этаж и долго стояли у окон, любуясь тем, что нас окружало. Потом рассматривали фотографии, различные поделки. И вообще, от одного пребывания в этом удивительном строении мы почему-то получали удовольствие. Я, как и многие другие, был крайне удивлен тем, что дом на вид был весьма сомнительной прочности, и было совершенно непонятно, каким образом он сохранял в себе тепло в зимнее время и почему до сих пор не развалился от ветров, которые здесь свирепствуют.

Нам не хотелось улетать от гостеприимного хозяина еще и потому, что чувствовали себя перед ним неловко: мы отправляемся в большой цивилизованный мир, а его оставляем в одиночестве — в окружении вулканов, гейзеров, медведей, волков и возможных браконьеров. Хорошо, что хоть у него появилась жена и есть верный друг — собака. И все же по-человечески было просто неудобно. Однако время требовало, чтобы мы прощались, — в темноте в этих местах летать запрещено.

Пожелав Виталию удачи и всяческих благ, мы улетели. Дорогой молчали, хотя в обычном транспортном вертолете особенно и не поговоришь — шум работающего двигателя забивал все. Но молчали по другой причине — перебирали в памяти всё увиденное, думали, конечно, о хозяине этого уникального уголка земли, о его работе и жизни. Мне почему-то пришла мысль о том, что со временем, когда нам позволят наши финансы и экономика, долину гейзеров надо сделать местом широкого посещения, как это сделано в заповедных парках многих стран Африки.

Прилетев на Сахалин (Чукотка закрылась, поэтому терять время было нельзя), мы приземлились на аэродроме Леонидово, приблизительно в центральной части острова. Надо отметить, что центральные и северные районы Сахалина по своим природно-климатическим особенностям были ближе к заполярным условиям со всеми характерными для севера капризами (среди лета может наступить резкое похолодание вплоть до снежных «зарядов»). А вот Южный Сахалин — это ближе к раю субтропиков. Здесь растет всё и всегда тепло, а летом жарко (хотя бывают и исключения).

В Леонидове нас поджидал посланец Ивана Моисеевича Третьяка — начальник охотхозяйства округа в звании майора. Вместе с ним гражданский товарищ из Хабаровского крайисполкома, тоже охотовед. Майора звали Николай Иванович, а охотоведа — Иван Иванович. Офицер рассказал мне, что

добрались они сюда сегодня, в субботу, попутным военным самолетом. С ним из Хабаровска прибыла группа офицеров округа, в основном технического состава, которым предстоит капитально, согласно плану, посмотреть вооружение и технику местной дивизии. В понедельник они полетят обратно. Поэтому есть возможность и было бы желательно завтра слетать на охоту на медведя. С этой целью можно использовать вертолет, который в субботу и воскресенье совершает разведывательный облет лесных массивов на предмет своевременного обнаружения и принятия мер к тушению пожаров. Они, к сожалению, возникают от неосторожного обращения с огнем рыбаков и охотников.

— Этот вертолет, — заметил офицер, — мог бы нас забросить на север к безымянной речушке — это километров сто, а после обеда залететь за нами и доставить в Леонидово. Оснастка вся для вас есть — охотничий костюм, сапоги, головной убор, карабины, патроны, охотничий нож. В том месте, куда мы полетим, нам гарантируют, что медведь будет. Время благоприятствует — по реке как раз идет рыба, и медведи приходят порыбачить. Лицензия для отстрела есть.

Я согласился. Мы составили план действий: вылет — в 7.00, начало охоты в 8.00, конец в 14.00, возвращение в Леонидово — в 15.00. Примерил охотничий костюм и сапоги — все было как по заказу. В общих чертах договорились о координации наших действий на охоте и об участниках. Решили, что пойдем только втроем: майор, Иван Иванович и я.

Время приближалось к отбою. Можно было бы уже пойти на отдых, тем более что завтра рано вставать, да еще идти на непростую охоту. Но пришел командир дивизии и пригласил меня посмотреть, как они живут. Конечно, предложение было принято.

В целом части дивизии, которые мне показал командир, выглядели прилично — везде было чисто, аккуратно, соблюдался устав. Но что меня крайне удивило, так это фанзы. Да, да, китайские фанзы — жилые дома. Они здесь появились, на мой взгляд, в 20-х или 30-х (последнее будет точнее). В связи с этим немного истории. В результате поражения России в русско-японской войне 1904–1905 годов Японии отошла южная половина острова Сахалин. По Портсмутскому мирному договору 1905 года линия разделения проходила по 50-й параллели, т. е. в том числе и через Леонидово. В 1931 году Япония грубо нарушила указанный договор и оккупировала в Китае всю территорию Маньчжурии. И не только выкачивала для себя из этой китайской житницы все, что ей надо было, но и вывозила китайцев в качестве рабочей силы на Сахалин, где проводила большие

работы по освоению богатств острова (к сожалению, у России это было лишь местом ссылки и каторги).

Вот и в 70-е годы мне в значительном количестве попадались фанзы. Это различной формы (квадратные, вытянутые, прямоугольные, круглые) одноэтажные помещения, построенные из самана или камня, с деревянными прожилками, составляющими каркас. В них размещались различные склады, классы для занятий и даже личный состав некоторых подразделений (т. е. фанзы служили казармой). Жили в них прапорщики и даже офицеры, хотя жилые дома для большей части офицерского состава уже были построены и выглядели современно.

Разумеется, за два года своего пребывания в Дальневосточном военном округе Иван Моисеевич Третьяк не мог революционно изменить ситуацию с обустройством всех войск, в том числе на Сахалине. Но даже здесь его линия уже проявлялась (в частности, в решении проблемы жилищного строительства).

Хочу сделать небольшое отступление. По иронии судьбы этой мотострелковой дивизией в Леонидове в начале 90-х годов командовал мой сын Владимир (попал туда после Афганистана и службы в 201-й мотострелковой дивизии в Душанбе). Так он рассказывал, что еще несколько фанз сохранилось и в его бытность. Хотя в целом генерал Третьяк решительно изменил обстановку с обустройством округа, за что в 1983 году заслуженно был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Я поблагодарил хозяев за предоставленную возможность познакомиться с жизнью и бытом дивизии.

В воскресенье утром в намеченное время мы отправились с аэродрома Леонидово дежурным вертолетом на север. Погода была пасмурная, но видимость — хорошая. Однако при подлете к нашей площадке начал моросить дождь. Вертолет приземлился у самого устья небольшой речушки, шириной метров 50–60 и глубиной до метра. Мы высыпали из вертолета и — к воде. Перед нами открылось удивительное зрелище. Рыба шла сплошным слоем. Это была горбуша — тихоокеанский лосось (у самца вырастает перед нерестом горб — отсюда и название). Первое впечатление — будто рыбы в реке больше, чем воды. На севере я не раз наблюдал, как океанские особи заходили на нерест в реки, но вот такое встретил впервые. Это была ярко выраженная борьба за продолжение жизни. Без преувеличения трагическая картина. Устье реки не имело свободного входа в океан потому, что на самой границе, между окончанием реки и началом морской воды, был довольно высокий и широкий (метров 5–7), намытый волной

песчаный валик. Очередная масса рыбы попадала из океана в реку с каждым последующим накатом волны. Океан хоть и назывался Тихим, но здесь накат волны в нормальную погоду достигал 1,5–2 метров высоты. Волна выхватывала из всей огромной стаи рыб определенную «порцию» и перебрасывала ее через преграду. «Счастливчики» сразу попадали в реку и мчались в ее верховья. Но часть оставалась на высокой песчаной косе, отделяющей реку от океана. Здесь рыбины тоже продолжали борьбу — быстро-быстро работая хвостом и плавниками, они потихоньку перемещались к цели. И многим удавалось добраться до пресной воды. А те, что были далеки от нее, подхватывались очередной волной и все равно забрасывались в реку. Обычно эта эпопея длилась два месяца. А когда рыба отнерестится и обеспечит выживание потомства, особи расставались с миром — жизнь их прекращалась. На берегу реки мы заметили множество таких рыбьих тушек. Икринки превращались в мальков, а те в мае следующего года скатывались по течению в океан, набирали там силу, созревали и тоже направлялись, так сказать, к своему отчему дому — в свою реку, где им была дана жизнь. Они приходили сюда, чтобы породить новую жизнь взамен своей. Картина трагичная и в то же время исполненная высокого, если хотите, даже философского смысла, как и вся жизнь на планете.

Завороженный всем увиденным, я долго стоял на берегу, наблюдая удивительное явление природы и размышляя над мудростью и красотой мироздания. Мои думы прервал майор-медвежатник:

— Товарищ генерал, надо идти. Хотя погода нам не способствует.

Вертолет высадил «десант» и сразу улетел. Вместе с нами, охотниками, остались два из четырех оперативников-ликвидаторов, закрепленных за вертолетом с целью локализовать или тушить очаги пожаров в случае их обнаружения. Для этого на вертолете имелись определенные средства. А эти двое, наоборот, сгрузив с вертолета мешок дров, канистру солярки и старую шину с грузовика, развели костер. «Это и погреться, и как маяк для вертолета в случае плохой погоды», — пояснили мне.

Наша «троица» собралась в кружок. Проверили оружие, боеприпасы, оснастку. У каждого на ремне был патронташ, фляга со сладким чаем и нож. Надели легкие непромокаемые куртки, загнали патроны в патронники, поставили оружие на предохранители, забросили карабины (стволом вниз) за плечо и — в путь! Шли гуськом — впереди Иван Иванович, за ним майор, шествие замыкал я. Тропа змеилась параллельно реке, метрах в 400–500 от берега по поросшему высокой травой склону горы, мы

шли-карабкались вперед и вверх — небольшой подъем явно чувствовался. Шли мягко и бесшумно. Все «обмундирование» было подогнано отлично. Двигались в среднем темпе, осторожно ступая, чтобы раньше времени не вспугнуть какую-нибудь живность и не наделать переполоху. Ветра не было совершенно, а дождик продолжал нудно моросить. Трава вымахала выше человеческого роста. Поэтому мы пробирались, как в туннеле, который то расширялся до двух метров, то сужался до полуметра так, что не было видно ни неба, ни впереди идущего майора, хотя между нами было не больше трех-четырех метров.

Минут через тридцать я заметил, что нашу тропу периодически пересекают поперечные, не очень выраженные тропки. Догадались, что их проложили звери. Выйдя на небольшую полянку, я остановил своих напарников и спросил:

— Вы заметили, что дорогу, по которой мы идем, все время пересекают звериные тропы?

— Конечно. Между прочим, это медведи спускаются по ним к реке за рыбой, — «успокоил» меня Иван Иванович.

— Выходит, мы можем встретиться с медведем, так сказать, лицом к лицу в любой момент прямо здесь, на тропе?

— Конечно, — спокойно продолжил Иван Иванович.

— Какая же может быть охота и борьба со зверем в этой высоченной траве? Мы же с ним в неравных условиях — у меня вроде повязка на глазах, а он все «видит» своим нюхом за десятки метров в любых условиях. Мы же можем попасть в западню?!

— Ну, не в западню, а столкнуться с медведем можем в любой момент, — «подбодрил» меня Иван Иванович.

— Ты же сказал, что медведи будут выше! — включился майор.

— Да, в основном — выше, но могут быть и здесь.

— Наш путь идет все время вдоль реки? — продолжал я напирать.

— Кое-где мы к ней приближаемся, а кое-где — отклоняемся. Но в целом — вдоль реки, и тропа выводит в места, где всегда бывают медведи.

— Объявляю решение: идем по берегу реки, а не по тропе. И выходим в намеченный район, — решительно сказал я.

— Но там тяжело идти — камни, — запротестовали было мои спутники.

— Ничего, потрудимся, — успокоил их теперь я. — Во всяком случае, гарантируем себя от внезапного нападения. Конечно, в эту пору зверь менее всего агрессивный. Он сыт и продолжает нагуливать себе жирок на зиму. Но зверь — есть зверь. Если мы встали поперек его пути к цели, то он может задрать любого из

нас.

И я рассказал о тяжелейшем случае на охоте с генералом армии Вадимом Александровичем Матросовым, когда он в таких же условиях столкнулся с медведем и тот лапой оскальпировал генерала. И хоть Матросов убил зверя до того, как пришла помощь, пришлось изрядно поваляться в госпитале, чтобы привести себя в порядок.

Мы спустились к реке и пошли вдоль берега. Здесь была совершенно другая картина! Хороший обзор — вверх и вниз по реке просматривался участок около километра. Уже отсюда можно видеть, есть на реке звери или нет (как это было на Камчатке). Оба берега были пустынными. Мы прошли еще около семи километров, но никаких признаков медведей и в помине нет. И это понятно: в дождь медведя и медом не вытащишь из его укрытия. Поэтому встал вопрос — идти ли нам дальше, тем более что мы достигли уже района наибольшего обитания медведей.

Вдруг Иван Иванович остановился и, показывая на реку, тихо сказал:

— Смотрите, что это стоит в яме?

— Так это же таймень, — прошептал майор.

Иван Иванович сбросил карабин, намереваясь выстрелить в рыбину. Я запретил стрелять, в надежде, что все-таки встретим медведя, а выстрел разнесется далеко и всех спугнет. Тогда медвежатник срезал двухметровую ровную лозу, прикрепил на один конец металлический трезубец и сделал копье. Он подошел к самой воде. У противоположной стороны большой ямы неподвижно «стояли» два тайменя. Каждая рыбина — словно небольшое бревно: более метра длиной и сантиметров тридцать в диаметре. Иван Иванович метнул свое копье в рыбину, что была поближе, и явно промахнулся. Избранный на роль жертвы таймень махнул хвостом и исчез. Но удивительное дело — второй таймень даже не пошевелился. Иван Иванович вытащил копье, поправил наконечник, зашел в воду на глубину сапог и, долго прицеливаясь и что-то бормоча, наконец метнул. Таймень, как торпеда, выскочил из воды, потом плюхнулся в яму и, взбив пену, тоже исчез. Видно, в него попали, но не прямо, а по касательной. Мои друзья-медвежатники погоревали, что ушла такая добыча, но я их успокоил: все-таки удалось увидеть такую рыбу живьем. Мне они рассказали, что мясо тайменя и особенно его жир очень полезны тем, кто страдает нарушением обмена веществ, склерозом и понижением тонуса иммунной системы. А парой они стояли в яме потому, что стерегли уже отложенную и оплодотворенную икру.

Посоветовавшись о дальнейших наших действиях, мы решили

пройти еще немного вверх — до поворота реки и, если там никого не встретим, вернуться на базу. За поворотом была такая же картина, как и до этого, — всё будто вымерло. Монотонный мелкий дождик нагонял уныние. Мы присели на камни, достали фляги с чаем, галеты, подкрепились и уже более скорым шагом отправились обратно. Под горку идти было значительно легче. И если путь в гору мы проделали за три с половиной часа, то обратный — на час меньше.

Приближаясь к костру, заметили, что там многовато народа. Действительно, кроме двух наших товарищей там сидело еще трое чужих, и все с карабинами. А вертолета не было. Откуда они? Начали знакомиться. Оказывается, это рыбнадзор. Их хижины стоят по обе стороны реки на горе. Инспекторы ведут наблюдение от устья и вверх по реке на участке протяженностью пять километров. Имеют между собой и со своим «центром» в Паронайске радиосвязь. Когда увидели наш вертолет и высаженный десант, то подумали, что это прилетели за икрой. То есть прилетела группа браконьеров. Но, просидев в своей засаде час и не заметив у «десанта» никаких браконьерских признаков, решили спуститься. И сейчас сидели в своих задубевших от дождя брезентовых плащах у костра, грелись и рассказывали различные байки.

Вскоре прилетел вертолет. Мы распрощались с блюстителями закона и вернулись в Леонидово. Экипаж вертолета был рад, что нигде не обнаружил даже малейшего очага пожара, возможно, повлиял дождь, а нам, увы, радоваться было нечему — ведь даже издалека не увидели и медвежонка. Видимо, виновником был все тот же дождь.

После обеда я с двумя офицерами дивизии отправился в районный центр Паронайск. Из всего, что я увидел в городе, самое сильное впечатление на меня произвел рынок. Он был небольшой, как и город, но весьма насыщен и своеобразен. И хотя шла уже вторая половина дня — рынок бурлил. Оказывается, сюда приезжали из многих населенных пунктов. Главными действующими лицами среди торговцев были корейцы. Они прекрасно представляли на многих прилавках всю свою продукцию — главным образом, дары моря и своих огородов.

Я провел на базаре больше часа. Поскольку я ничего не покупал, а только рассматривал и спрашивал продавцов, как им удалось это вырастить или поймать, то, видимо, своим любопытством и привлек внимание «дельцов» рынка. Ко мне дважды, с интервалом в 15–20 минут, подходили молодые мужчины и предлагали приобрести свежепосоленную икру и красную рыбу. Низкая цена и полное исключение каких-либо

недоразумений гарантировались. Я оба раза поблагодарил за любезность, но отказался, что вызвало у моих несостоявшихся «партнеров» явно выраженное недоумение — видать, таких странных посетителей они еще не встречали. Смотрел я на корейцев-торговцев и вспоминал «наших» корейцев на Украине, которые своим умением и трудом преподносили интересные уроки в земледелии.

Уезжая из Паронайска, я решил, что всем, кто будет на Сахалине, надо обязательно рекомендовать побывать на Паронайском рынке. Пройдут годы, и в этом городе появится на свет в 1991 году моя внучка Олечка. Так что для меня Паронайск интересен и памятен вдвойне.

В этих краях есть удивительной красоты озеро — почему-то по имени Невское. Небольшое, но глубокое. В него впадает несколько рек, из них три — довольно приличные. Цвет воды — бирюзово-зеленовато-голубой. Красота озера еще ярче оттеняется буйной растительностью. Кажется, будто дивное ожерелье охватило со всех сторон его сверкающую на солнце изумрудно-аквамариновую гладь.

На следующий день мы прилетели в Южно-Сахалинск и, осмотрев мощные трамплины, отправились на двух машинах на самую южную оконечность острова — мыс Крильон. По сравнению с центральной частью, на юге Сахалина был совершенно другой мир. Расстояние в каких-то несколько сот километров, но природно-климатические условия разнятся резко — здесь они ближе к субтропикам. Погода солнечная, ясная. Да и народ здесь «помягче», поприветливей.

Непосредственно на мысе Крильон гражданского населения не было. Там располагался зенитно-ракетный дивизион, входящий в систему войск ПВО страны. Километрах в двух от него — пограничная застава, занимавшая несколько домиков. И, наконец, на самом выступе, в нескольких десятках метров от заставы, — ультрасовременный маяк со звукосветовой сигнализацией и отличной электронной автоматизированной аппаратурой. А рядом стоял старый маяк, как память о прошлом. Он представлял собою П-образное сооружение из мощных, кажется, дубовых бревен. Оба стояка подпирались с двух сторон такими же мощными подпорками. На массивной цепи, переброшенной через горизонтальную перекладину, висел большой колокол с «языком» — металлическим стержнем с набалдашником. К нему был прикреплен канат. Стоило сильно дернуть за канат, как «язык» ударял по стенкам колокола, и он начинал петь.

На колоколе, по нижнему его пояску, крупными буквами

значилось, что колокол отлит в Российской империи в городе Туле в 1900 году. Для большего впечатления мы тоже раскачали язык и легонько ударили в колокол. Звук был впечатляющий. А главное — он долго «висел» в воздухе. Начальник погранзаставы, ставший в этом деле уже настоящим профессором, рассказал нам, что в прежние времена, когда на море ложился туман, то колокол звонил днем и ночью, кроме того, на берегу жгли огромный костер, для чего делался соответствующий запас дров. И это во многом мореплавателям помогало. Во всяком случае именно в этом районе история не помнит крупных катастроф.

Мыс Крильон круто обрывался к морю, точнее, к проливу Лаперуза. Лишь у самой воды тянулась узкая полоска пляжа. Я мысленно нарисовал себе картину, каким Крильон представлялся морякам и пассажирам, следующим на судах мимо этого мыса. Наверное, они видели нос сказочно огромного корабля, перед которым все находящееся на плаву казалось щепками. Кто-то из нашей группы вспомнил песенку про парня, который бросал камешки с крутого бережка в пролив Лаперуза, и мы тоже исполнили эту процедуру.

От южной оконечности Сахалина, т. е. от Крильона до мыса Соя, что на северном берегу японского острова Хоккайдо, было всего около 30–35 километров. У нас был хороший морской бинокль десятикратного увеличения. И действительно, как нам и рассказывали, мы хоть и с трудом, но рассмотрели контуры японской земли.

Перед возвращением в Южно-Сахалинск мы предварительно через погранзаставу позвонили в штаб армии — узнать погоду на Итурупе и Кунашире — наших островах южной оконечности Курильской гряды. Нам ответили, что аэродром Буревестник еще закрыт, так что в этот день наш визит туда не состоится. Я заехал в поселок Ильинское — на западном берегу Сахалина и оттуда по полевой дороге поехал строго на восток в направлении поселка Взморье, т. е. к восточному берегу. Это было самое узкое место острова — около 25 километров, если, конечно, не считать 6-километровое сужение в районе Охинского перешейка.

Разумеется, это была отнюдь не туристическая развлекательная поездка. Мне было важно изучить возможный театр военных действий с позиций тех взглядов, которые формировал Генеральный штаб и проповедовала военная академия. В частности, рассматривался вопрос о возможном строительстве (конечно, со временем) канала на участке Ильинское — Взморье. Это имело бы большое стратегическое и экономическое значение. Даже из весьма общего подсчета в Госплане было ясно, что все затраты по строительству окупятся

полностью уже через 10–12 лет. А с точки зрения военных аспектов, здесь открывались еще более привлекательные перспективы. Дело в том, что наш громадный Тихоокеанский флот той своей частью, которая базировалась во Владивостоке и прилегающих к нему портах типа Находки, получал независимый гарантированный прямой выход из своих баз в Тихий океан. А по существующему регламенту, чтобы попасть в воды океана, надо было идти или через пролив общего пользования Лаперуза (а он может быть заминирован) или подниматься вверх, обходя Сахалин с севера, что тоже создавало неудобства. А канал все эти проблемы снимал. Условия же строительства были, на мой взгляд, весьма благоприятны.

Приехав в Южно-Сахалинск в штаб армии, я связался с Хабаровском и через него навел справки относительно моего полета на Кунашир и Итуруп. Летную погоду не обещали ни завтра, ни послезавтра. Конечно, можно было бы остаться еще на пару дней, но если бы знать наверняка, что поездка состоится! А когда говорят, что завтра погоды не будет, а послезавтра — неизвестно, и когда эта неизвестность переносится изо дня в день, то лучше уж не рисковать и заняться другими районами. Так и решили — я объявил, что завтра вылетаем во Владивосток.

О Сахалине у меня осталось довольно обширное представление. Что касается Владивостока, то первое, что бросилось в глаза, так это здания в виде «этажерок», плотное размещение кораблей у пирсов и относительно сложный выход из бухты в море. А в целом город современный, приморский. К исходу дня я встретился с Иваном Моисеевичем Третьяком в санатории, неподалеку от Владивостока, где он проводил свой отпуск. Иван Моисеевич любезно показал мне санаторий и особенно объекты, которыми пользовались главы государств СССР и США во время владивостокской встречи. За ужином у Третьяка в домике, познакомившись с его женой Марией Петровной (добрый, культурный человек), я подробно рассказал о своих «похождениях» на Камчатке и Сахалине. По ходу рассказа Иван Моисеевич комментировал его, дополняя картину моих впечатлений.

Еще сутки были посвящены Приморью. Повидался и с командующим Тихоокеанским флотом адмиралом В.П.Масловым и его первым заместителем, в то время вице-адмиралом Э. Н. Спиридоновым, который вскоре сменил Маслова на этом посту. В непринужденной товарищеской беседе они много рассказали мне о стратегической обстановке в районе Тихого океана, о действиях здесь 7-го американского флота и тенденциях США, о тяжелых проблемах нашего Тихоокеанского флота, о взаимодействии с

Дальневосточным военным округом, пограничными войсками и войсками ПВО при несении боевого дежурства.

Позже, вспоминая эту беседу, я сожалел, что ни Главком ВМФ адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков, ни министр обороны маршал Советского Союза Д.Ф.Устинов не приняли должных мер по оказанию помощи флоту при расконсервации группы кораблей. Поэтому не все получилось, как задумывалось в планах. Вместо помощи флоту адмирала Маслова сняли и отправили советником в ГДР. Через некоторое время он заболел и умер (думаю, от переживаний).

…Из Владивостока я улетел в Хабаровск, где меня встретил первый заместитель командующего войсками округа Дмитрий Тимофеевич Язов и уделил мне много внимания, за что я искренне ему благодарен. Мне все было очень интересно и в Хабаровске, и за его пределами. В округе вообще создано много нового, и со вкусом, по-современному. Но особое впечатление на меня произвел укрепленный район, построенный в устье реки Амур. И сам военный городок, и все оборонительные сооружения были образцовыми. Да и командарм генерал-лейтенант Копылов, которому подчинялся этот укрепленный район, — тоже был образцовым. Скажу откровенно: когда мы с Дмитрием Тимофеевичем сели в открытый военный катер и вышли на середину реки, то я совершенно не думал, что встречу здесь, в такой глубинке, ультрасовременные военные сооружения.

Катер шел быстро, поднимая за кормой бурун. Наблюдая широченную реку, мы разговорились об учениях, об условиях форсирования такой водной преграды. Дмитрий Тимофеевич рассказал, что войска округа имеют очень хорошую практику в этой области. Но подготовка и особенно меры обеспечения безопасности таких действий занимают много времени и отрабатываются скрупулезно.

По ходу мы прихватили на одном из островов командарма Копылова и пошли дальше — на главный остров, где и располагаются основные силы УРа, то есть укрепленного района. Копылов мастерски доложил, что из себя представляет этот УР, его задачи, состав, порядок действий. Показал, что фактически никакими силами агрессор не сможет ни захватить УР, ни прорваться по реке. Причалив, мы на «газиках» проехали несколько подразделений, где ознакомились с боевой техникой, вооружением, системой огня и заграждений, а также с управлением и живучестью каждого элемента укрепленного района. Все это впечатляло. Особенно эффективно выглядели огневые точки из танковых башен. Они устанавливались на бетонное основание, подгонялись почти на один уровень с

местностью и имели прекрасный обзор на 360 градусов. Естественно, фарватер на реке полностью простреливался. А так как башни были установлены в шахматном порядке и создавали большую глубину, образуя три линии, то, конечно, можно было представить положение противника, который бы рискнул напасть. Несомненно, он был обречен.

Не меньшее впечатление произвел и военный городок, где в казармах располагалась та часть личного состава, которая не несла боевого дежурства, а занималась боевой подготовкой. Офицеры были устроены отлично. Прекрасные жилые дома, магазины, полные всякой всячины, бытовой комбинат, офицерский клуб (он же клуб для солдат) с библиотекой, читальным залом и различными кружками, спортивный зал, спортивные площадки, летний открытый кинотеатр, ясли, детский садик, школа и даже своя радиостудия (помышляли уже о телестудии). Сюда с Большой земли привозили все и в первую очередь. Словом, условия для образцового выполнения службы здесь были созданы идеальные.

Командарм Копылов сказал, что к офицерам-уровцам особое внимание, делается всё, чтобы они «не засыхали», а имели бы перспективу. Не скрою, я получил исключительное удовольствие да и обогатился опытом. УРы на Рыбачьем (Кольский полуостров) и УРы на Амуре — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Улетая с Дальнего Востока на десятый день своего здесь пребывания, т. е. как и планировалось, я испытывал чувство глубокого удовлетворения всем тем, что довелось увидеть и услышать. Конечно, в первую очередь я был благодарен Ивану Моисеевичу Третьяку и Дмитрию Тимофеевичу Язову, которые предоставили мне такую возможность. А за «путешествие» по Камчатке — разумеется, мои глубокие признания и благодарность Ивану Матвеевичу Капитанцу. В моей программе не было выполнено только два пункта из почти тридцати: я не попал из-за погоды на Чукотку и не посмотрел бухту Провидения, где я должен был служить еще в 1954 году, но это за меня позднее восполнил сын Владимир, и второе — тоже из-за погоды не слетал на острова Шикотан и Итуруп — и это тоже сделал Владимир, когда его перевели уже с Камчатки опять на Сахалин. Улетая, я вспомнил слова А. А. Гречко — не вечно же Ивана Моисеевича Третьяка будут держать на Дальневосточном военном округе! Тем более что он на должности командующего войсками округа был к тому времени уже 11 лет. Конечно, он будет выдвинут и, глядишь, для меня откроется возможность послужить в этих краях. Но фортуна ко мне повернулась другой стороной,

что покажут последующие события.

Добравшись до Львова за один день, с пересадкой в Москве, я в течение следующих двух дней «подтянул» некоторые вопросы по службе и, оставив за себя генерал-полковника Абашина, доложил телеграммой министру обороны и Главнокомандующему Сухопутными войсками о том, что, вернувшись с Дальнего Востока, убываю в отпуск по путевке в санаторий «Крым». Через день мы уже барахтались в бархатном Черном море.

Нам полюбилось это местечко — Фрунзенское, где вначале был санаторий Ракетных войск стратегического назначения, а затем рядом Гречко построил санаторий-исполин «Крым». Четыре башни — спальные корпуса, столовые, прекрасный лечебный корпус, кинотеатры, кафе, танцплощадки, молодой парк для прогулок и т. д. Все благоухает. Санаторий за один заезд принимает 800 человек. И в то же время везде все свободно, спокойно, уютно. На пляже каждый имеет место. Я вспоминал, как министр обороны А. А. Гречко открывал этот санаторий. В то время я как раз отдыхал у ракетчиков. По случаю «новоселья» ближе к вечеру собрались многие отдыхающие. Андрей Антонович пришел в костюме, при галстуке, как, кстати, и многие мужчины. Министр обороны пожелал всем хорошего отдыха в новом санатории, отдыхающие с начальником санатория благодарили за заботу.

Вот и сейчас, думал я в то время, мы пользуемся этими благами, которые оставил нам Гречко и которого уже третий год нет. Его нет, но все напоминает о нем. Новый министр Устинов в этих краях не появлялся. Мы, конечно, предполагали почему, но это было не главное.

Прошла неделя нашего отдыха. Как и всегда, я уже начал подумывать о завершении отпуска. Обычно мы ездили по путевке на 15, редко на 20 дней (если вообще ездили), хотя она рассчитана на 24 дня, а в этот раз мне «помог» Иван Николаевич Шкадов — начальник Главного управления кадров Министерства обороны. Он уже несколько лет руководил этим важным органом, получив еще при Гречко звание генерала армии.

Как-то в первой половине дня подходит ко мне на пляже врач и говорит, что его прислал начальник санатория. Он просил передать мне, что по аппарату ЗАС (засекреченная связь Министерства обороны), который установлен у начальника санатория, меня просит позвонить Шкадов. Я отправился в административный корпус. Мысли мелькали разные, в том числе и о Дальнем Востоке. Во всяком случае, начальник Главного управления кадров просто так звонить не будет, тем более находящемуся в отпуске генералу. Видно, обстановка не терпит.

Но не скрою — у меня почему-то появилось нехорошее предчувствие.

Начальник санатория ждал меня в своем кабинете. Доложил, что генерал Шкадов просил меня позвонить ему до обеда, так как после обеда ему надо докладывать вопрос руководству. Сообщив это, начальник санатория извинился и ушел, чтобы «не мешать моим переговорам», хотя я его и просил остаться.

Звоню в Москву. Сразу соединяют со Шкадовым:

— Иван Николаевич, здравствуйте. Звоню по вашей просьбе.

— Здравствуйте, Валентин Иванович, здравствуйте. Как отдыхается, как погода, море?..

— Да ничего, все нормально. Погода отличная, море теплое, отдыхается хорошо.

— Кого там встречали?..

— Из руководства Министерства обороны видел главкома Военно-Морского Флота Горшкова и начальника тыла Вооруженных Сил Куркоткина. Командующих округами не видно, — отвечаю я, а сам думаю: ему же известно, кто где сейчас отдыхает. Видно, не соберется с силами сказать мне главное. Тогда я ему решил помочь: — Иван Николаевич, может, нам лучше перейти к главному?

— Конечно, конечно. Дело в том, что у нас возник вопрос о назначении на должность командующего войсками Забайкальского военного округа. Мы тут посоветовались и решили предложить вам.

Для меня это было неожиданностью. Все-таки я длительное время служил на севере, — и кадровые органы должны это учитывать! Кроме того, мне не безразлично, в чьи руки отдадут Прикарпатский округ, в который я вложил и душу, и сердце. Однако, подавив горечь, ответил сдержанно:

— Спасибо за доверие. А кому планируется передать Прикарпатский военный округ?

— Генерал-полковнику Беликову. Он уже два года как командует Северо-Кавказским военным округом и набрался опыта для того, чтобы руководить большим округом.

— Так если он уже готов для такой роли, вы его и назначайте на Забайкальский. Тем более что у него сложной географии в службе не было.

— Валентин Иванович, насколько мне известно, у тебя, — Иван Николаевич перешел на «ты», чтобы придать разговору более доверительный, товарищеский характер, — в свое время был разговор с Андреем Антоновичем по поводу Дальнего Востока.

— Верно, был. Но речь шла о Дальневосточном военном

округе.

— Но Дальневосточный — закрыт, а Забайкальский — открылся. Это тоже Дальний Восток, и это тоже большой округ, и у него тоже много проблем, которые сможет решить только опытный и способный командующий.

— Вот опытный и способный, коль вы выдвигаете, и есть Валерий Александрович Беликов. Но я готов поехать и в Забайкалье, однако при условии, что Прикарпатским военным округом будет командовать генерал-полковник Николай Борисович Абашин, который знает этот округ не хуже меня и руководить им будет успешно. Конечно, я буду благодарен, если мне когда-нибудь окажут доверие командовать Дальневосточным округом.

— Это окончательное решение или надо еще подумать? Я же буду докладывать министру обороны. А потом, это предложение поддерживается и Николаем Васильевичем Огарковым, и Сергеем Леонидовичем Соколовым…

— Решение окончательное.

Мы с Иваном Николаевичем распрощались. Настроение упало ниже нуля. Конечно, с позиций руководства Министерства обороны, на Забайкальский округ надо ставить нового командующего. Генерал армии Петр Алексеевич Белик всего себя отдал, чтобы обустроить этот самый тяжелый в Вооруженных Силах округ. Но за 12 лет командования Петр Алексеевич, конечно, исчерпал весь свой потенциал. Мало того, последние два-три года он тяжело болел и не мог действовать так, как 10 лет назад. Верно, надо иметь совесть и дать человеку спокойно пожить хоть несколько лет. Ведь болеет! Забегая вперед, могу сказать, что Белика в 1978 году освободили все-таки от этой тяжелой ноши, но и он пожил после этого еще всего лишь два года.

А тогда, на мой взгляд, Белика надо было заменить Беликовым, который после Группы войск в Германии, Одесского и Северо-Кавказского военных округов с большим удовольствием проявил бы себя в условиях Забайкалья. А давать ему лучший округ в Вооруженных Силах, чтобы он мог почивать на лаврах? Наверное, это несправедливо.

Настроение вконец испортилось, когда часа через три по этому же поводу мне позвонил Сергей Федорович Ахромеев:

— Валентин Иванович, это точно?

— Точно.

— Почему я спрашиваю? Потому что у нас, ты же знаешь, как-то не принято торговаться.

— А я и не торгуюсь. Я сказал Шкадову, что коль Беликова

выдвигают и он имеет практику командования округом, но не имеет практики работы в суровых условиях, то это самая подходящая кандидатура для Забайкалья. Что касается Дальневосточного военного округа, то я готов туда ехать хоть сегодня.

— Тогда, наверное, пойдет Григорий Иванович Салманов. Получит генерала армии.

— Это дело хозяйское.

Через неделю мы уехали из Крыма к себе во Львов. Никто поначалу по этому поводу меня не трогал. Где-то осенью приехал командующий Одесским военным округом Иван Макарович Волошин — посмотреть наши учебные центры. Прилетел он с группой своих офицеров. Мы, конечно, все для них организовали. Как-то наедине мы разговорились с Иваном Макаровичем о службе и я поведал ему о предложениях Главного управления кадров. Иван Макарович, как всегда, улыбнулся и заметил:

— Валентин Иванович, попомнишь мои слова. Если однажды кадровики начали тебя «щупать», то они доведут свое дело до конца. Вот раз они задались целью убрать тебя с округа, чтобы поставить сюда Беликова, — они это сделают. Сейчас не получилось, получится позже.

— Ну, посмотрим, — сказал я, не веря в такое коварство, — время покажет.

— Вот именно. Время покажет.

И время показало. Пророческие слова Ивана Макаровича сбылись. Ровно через год звонит тот же Иван Николаевич Шкадов:

— Валентин Иванович, уж больно ты засиделся на округе — седьмой год пошел. Может, в Москву переедешь?

— Иван Николаевич, да не трогайте вы меня! Это же на пользу всем — и Главному управлению кадров, и в целом Вооруженным Силам: округ готовит для армии хорошие офицерские кадры. Офицеры у нас получают, без преувеличения, отличную подготовку. Я наладил уже эту систему. Вам надо только поддерживать меня, а не дергать.

— Но я же еще не сказал — куда в Москву. Речь идет о Генеральном штабе, о должности начальника Главного оперативного управления. Раньше эта должность считалась как заместитель начальника Генштаба, а сейчас для вас это будет первый заместитель начальника Генерального штаба.

До этого я слышал, что бывший первый заместитель начальника Генштаба Михаил Михайлович Козлов, отработавший в нем длительное время и фактически всю жизнь проведший на штабной работе, был в 1979 году назначен начальником Военной академии Генерального штаба. А его должность занял Сергей

Федорович Ахромеев. Это произошло еще весной. Поэтому все лето должность была вакантной. Рассчитывали, что эту нишу можно будет быстро заполнить. Однако просчитались. Начальник Генштаба Н.В.Огарков хотел бы на этой должности иметь командующего войсками военного округа. Кое-кому предложили, но все категорически отказались. Тогда начали зондировать среди начальников штабов крупных военных округов, но и они отказались наотрез. Наконец, выбор опять пал на меня. Однако я никак не мог понять, каким принципом руководствовался Огарков, называя мою фамилию министру обороны. Ведь последний (как это мне стало известно позже) был категорически против моего прихода в Генштаб. Причина: Варенников — сторонник школы Гречко и его поклонник. В общем, факт остается фактом — добрались и до меня.

— Иван Николаевич, — начал я свое сопротивление, — ну какой из меня генштабист? Всю жизнь на командных должностях: командир полка, командир дивизии, командир армейского корпуса, командующий армией, командующий войсками округа. Я же просил в свое время кадровиков, — продолжал я наступать, — при выпуске из Военной академии Генерального штаба, чтобы назначили на штабную работу, но тогда этого не сделали. А сейчас мне уже поздно перестраиваться. Оставьте меня на округе, и я буду добросовестно выполнять свои обязанности.

— Валентин Иванович, так вопрос уже предрешен. Да и для вас открываются такие масштабы.

— Кем может быть предрешен вопрос без моего согласия? Это даже странно. Я прошу доложить, что у меня совершенно нет желания работать в Генеральном штабе и жить в Москве.

— Конечно, я все это доложу, но и вы имейте в виду, что иногда приходится не считаться с пожеланиями тех, кто рассматривается на какую-то крупную должность. Часто в этом случае доминируют интересы дела, государства.

Мы распрощались, а вечером в этот же день мне звонит Николай Васильевич Огарков:

— Валентин Иванович, начальник Главного управления кадров доложил мне ваш с ним разговор. Я считаю, что такие вопросы должны решаться не по телефону. Поэтому прошу вас прилететь завтра в Москву с расчетом, чтобы мы с вами встретились в первой половине дня. Министр обороны об этом знает. Когда приедете в Генштаб, сразу заходите ко мне. До нашей с вами встречи какие-нибудь консультации или разговоры с кем-то еще не желательны. Договорились?

— Завтра в первой половине дня я буду у вас, — обреченно сказал я.

— Вот и хорошо. До встречи!

Это была уже реальная открытая «угроза» расстаться с округом. Что же делать? Я начал «вооружаться» аргументами. Но все крутилось только вокруг того, что нет опыта (но он будет приобретен). Нет желания (но требует дело), целесообразнее меня держать на ПрикВО, который будет давать хорошие кадры офицеров и блюсти боевую готовность (но это может делать и другой). Ничего другого придумать не мог.

Дома обсудили эту угрозу переезда в Москву. Жена полностью разделяла мое мнение, что нам совершенно не нужно ехать в Москву. После долгих лет мыкания по Северу, конечно, хотелось бы пожить и поработать в вольготных районах — на Украине, в Белоруссии, в центре России, на Дальнем Востоке.

На следующий день в 11 часов утра я предстал пред ясны очи начальника Генштаба. Он, конечно, проявил полное радушие. Встретил меня у порога, провел и усадил за приставной столик, сам сел напротив, заказал чай и, заметив, что ему известен мой разговор со Шкадовым, перешел к изложению своих мыслей по поводу военно-политической обстановки в мире в целом и особенно вокруг Советского Союза. Далее долго говорил о наших Вооруженных Силах, о роли и месте Генштаба в вопросах их строительства, развития, поддержания высокой боеготовности. Весьма четко изложил задачи главного оперативного управления в общей системе Генштаба. О том, что этим важнейшим управлением должен руководить только тот, кто имеет богатую войсковую практику.

— И склонность к этой работе, — добавил я, — а у меня ни склонности, ни желания.

— В отношении желания мы еще поговорим, а что касается склонности, то любой военный, который покомандовал корпусом, армией и тем более округом, да еще окончив Военную академию Генерального штаба, конечно, имеет склонность и к командной, и к штабной работе, может быть и не замечая этого. Эти две способности должны у него гармонично сочетаться. Тогда он будет отвечать своему предназначению. Теперь о желании. На мой взгляд, желание у офицера угасает, если он видит тупиковое свое положение и тем более нулевую перспективу. Я же считаю, что, побыв первым заместителем начальника Генерального штаба, тем более после округа, конечно, можно рассчитывать на самостоятельный участок в нашей общей иерархии.

— Товарищ маршал, я вполне удовлетворен своим служебным положением, совершенно не представляю себя в другой должности и буду стараться то доверие, которое мне оказано, оправдать, командуя Прикарпатским военным округом.

Как я понимаю, сейчас особых претензий к округу нет. Если позволят командовать и дальше, то я постараюсь, чтобы обстановка в округе была еще лучше. Но я готов пойти и на Дальневосточный военный округ.

— Вы понимаете, Валентин Иванович, — Огарков встал и начал ходить по кабинету. Я тоже встал. — Да вы сидите! Я похожу. Конечно, к округу претензий нет. У вас там все налажено. И, естественно, таким слаженным механизмом может теперь успешно управлять другой. У нас в Генштабе тоже все налажено, но мы взялись за проведение реформ, которые должны обеспечить максимальное совершенствование наших Вооруженных Сил. У нас с вами по большинству принципов реформы — полное единство. Есть и разногласия, о чем мы уже говорили в прошлом году во время проведения опытных учений. В этих условиях для Генштаба очень важно, чтобы его руководство мыслило одними категориями. Вот почему я считаю, что ваше место на этом этапе должно быть в Генеральном штабе.

И далее Николай Васильевич стал по полочкам разбирать все элементы реформ. Вначале виды Вооруженных Сил, затем рода войск, потом систему военных комиссариатов и мобилизацию, а в конце — гражданскую оборону. Мы и здесь с ним поспорили. В том числе и о гражданской обороне, которую он, во-первых, хотел объединить с военными комиссариатами и, во-вторых, сводил функции гражданской обороны к защите объектов и недопущению аварий. А если они произошли — к быстрой ликвидации последствий (особенно во время войны). Я же доказывал, что военкоматы и органы гражданской обороны совершенно несовместимы, хотя у них и есть общие вопросы по проблемам мобилизации, где они должны тесно взаимодействовать. Что касается задач гражданской обороны, то я был убежден в том, что они не должны ограничиваться только перечисленными выше функциями (хотя это имело исключительное значение, что подтвердила Чернобыльская трагедия). На мой взгляд, руководство гражданской обороны должно отвечать и за глобальные проблемы, поэтому обязано выступать в государстве органом, который мог бы входить в правительство с предложениями. Например, о принятии мер по недопущению катастроф в районах, постоянно подвергающихся наводнениям, сходам селевых потоков, землетрясениям. В условиях дальнобойного и высокоточного мощного обычного оружия, конечно, неприемлемо, что различные виды оружия и боевой техники (например самолеты) создаются на многих заводах, которые разбросаны по всей стране (а строительство кораблей — тем более). Наконец, гражданская оборона, на мой

взгляд, должна всячески оберегать природу, заботиться о том, например, чтобы не «умирал» Арал, не переполнялся Каспий, «не задыхалось» Черное море от подпора со дна мертвого слоя и т. д. Поэтому к гражданской обороне можно было бы добавить и слова: «и защите природы».

Такие вот были в то время рассуждения. Николай Васильевич посмеялся над последней идеей, но сказал, что «это на далекую перспективу».

А в целом мне импонировало, что Огарков допускал свободную дискуссию и делал это с увлечением. Я не мог подозревать его в том, что это были хитроумно расставленные сети, в которые я угодил, и он затащил меня с их помощью в Генштаб. Нет! И во время многих лет пребывания в Генеральном штабе у нас часто бывали непринужденные долгие разговоры по различным проблемам.

Но сейчас все невольно получилось так, что я действительно выступал как работник Генштаба, и Николай Васильевич сказал:

— Валентин Иванович, вы чувствует, что уже погрузились в генштабовскую жизнь?

— Да нет, я этого не чувствую. Мне кажется, что на моем месте любой командующий войсками высказался бы так же, как и я. Но ход мыслей, разумеется, у него был бы свой.

Николай Васильевич сел к столу и, глядя мне в глаза, откровенно сказал:

— Валентин Иванович, я очень прошу вас согласиться с нашим предложением. Это имеет исключительное значение для Генштаба и для меня лично.

Произнеся эту фразу, он продолжал смотреть мне в глаза. Меня тронула его откровенность, но еще больше — какая-то недосказанность. И я «дрогнул»…

— Товарищ маршал, конечно, если требует дело и у вас все варианты исчерпаны, я вынужден согласиться. Но прошу вас иметь в виду, что мне не хочется расставаться с округом — живой и интересной работой. Если я буду назначен в Генеральный штаб, то позвольте надеяться, что со временем вы отпустите меня в войска, — сказал я.

Николай Васильевич сразу оживился. Молча пожал мне руку и тут же, в моем присутствии, позвонил министру обороны, доложил, что вопрос решен. Тот что-то ему сказал, на что Огарков ответил, что прямо сейчас переговорит со Шкадовым и с Савинкиным (заведующим отделом ЦК по административным органам). С Иваном Николаевичем Шкадовым они условились, что через час последний доставит на подпись министру обороны представление в ЦК КПСС и затем отвезет его Савинкину. А с

Савинкиным договорился, что он организует завтра мою встречу с секретарем ЦК КПСС.

Дальше мы разобрали план моих действий. Договорились, что я остаюсь на завтра, а затем, после представления, улетаю в округ. Вслед за этим придет шифровка о моем назначении в Генеральный штаб на должность начальника Главного оперативного управления — первого заместителя начальника Генерального штаба, а на мое место будет назначен генерал-полковник В. А. Беликов (все-таки Беликов!). Учитывая, что свободных квартир в Москве не было, было решено, что временно я остановлюсь на одной из квартир Главного разведывательного управления, о чем Николай Васильевич сразу же переговорил с его начальником генералом армии П. И. Ивашутиным.

Ровно в 15.00 следующего дня Савинкин представил меня секретарю ЦК члену Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романову. Он расспросил о положении дел в округе и на Западной Украине. Поинтересовался, как я понимаю свои задачи в Генштабе. Обрисовал в целом военно-политическую картину, рассказал подробно о нашей оборонной и военной промышленности, «с которой Генштабу надо заниматься очень плотно», — подчеркнул он.

Вечером я был уже во Львове. У трапа меня встречал фактически весь Военный совет — они уже знали, что всё кончилось, и стояли, как темная туча.

Итак, меня с болью и страданиями вырывали из ставшего мне родным Прикарпатского военного округа и насильственно внедряли в Генеральный штаб. Хотя против своей воли и желаний формально я дал согласие на такое назначение.

Конечно, расставание с округом — это не прощание навечно. Но отрывать от того, что было создано с личным твоим участием, от того, что выросло у тебя на глазах и радовало всех, а самое главное — расставаться с коллективом, с которым прекрасно работалось и служилось многие годы и с кем делились все горести и радости, удерживалось лидерство в Вооруженных Силах, — было тяжело, больно и горько. Радовало лишь то, что меня нельзя было сравнить с капитаном, который бежит с тонущего корабля. Наоборот, «корабль» отлично выглядел и был на полном ходу. Но все равно на душе было тяжко.

На следующий день пришла шифротелеграмма о моем назначении в Генштаб и о назначении генерала В. А. Беликова командующим ПрикВО. А еще через день пришел письменный приказ министра обороны о моем назначении и постановление Политбюро ЦК и Совмина, а также приказ министра обороны о назначении В. А. Беликова. Было видно, что руководство явно

торопится. Несколько месяцев на должности начальника Главного оперативного управления никого не было — эти обязанности исполнял первый заместитель начальника ГОУ генерал-полковник И. Г. Николаев. Кстати, прекрасно со всем справлялся. Это был классический генштабист, каких за всю историю Генштаба было всего несколько человек. И мне было совершенно непонятно, почему его не назначают начальником. Ведь это же чистейший формализм, когда говорят, что надо, чтобы командовал армией, округом. Надо, чтобы была «свеча» в голове, а не ступеньки этой служебной лестницы! Конечно, командование крупными соединениями войск, несомненно, обогащает знания, дает опыт, а это сказывается и на определенных масштабных решениях в области строительства и развития Вооруженных Сил. Но не это главное. Главное — это ум. А этого у Ивана Георгиевича Николаева было значительно больше, чем у некоторых других.

Но, как говорил Юлий Цезарь, — жребий брошен!

Прилетел принимать округ Валерий Александрович Беликов. Близко я его не знал. Служили на разных флангах: я — на севере, он — на юге, в Одесском военном округе. Но были знакомы и кланялись друг другу при встрече. Человек он опытный, тоже участник Великой Отечественной войны. Уже не один год командовал Северо-Кавказским военным округом.

Вместе с членами Военного совета я встретил его на аэродроме. Познакомились. Затем в штабе округа я предложил ему план действий по передаче дел и должности, с чем он полностью согласился. Я решил в войска не ездить, лишь ограничиться телефонными разговорами с командирами дивизий и командармами, но провести совещание с управлением округа — штабом и службами.

На этом совещании я вначале сообщил о решении руководства о назначении, затем напомнил хронику событий в округе, все, что было пережито вместе, поблагодарил коллектив за высокие свершения, пожелал блюсти традиции и совершенствоваться, достигать новых высоких показателей. В заключение представил слово новому командующему. Валерий Александрович рассказал о себе и выразил надежду, что совместная активная работа позволит округу удерживать лидерство.

Совещание, а точнее, встреча бывшего командующего и назначенного на эту должность нового с коллективом управления прошла в хорошей, доброй обстановке.

Наступил день моего вылета в Москву. Договорились, что при этом на аэродроме будет только В. А. Беликов и члены Военного совета. Однако наехало несколько сот человек — из нашего

управления, из областного и городского руководства (хотя накануне я всех объехал и попрощался). Было трогательно и приятно, много цветов. В то же время я испытывал определенную неловкость перед Валерием Александровичем — новым командующим. Особо меня трогали слезы. Ну к чему они? Будто я лечу на фронт или жизнь кончается. Поэтому я начал форсировать процесс прощания — надо быстрее улетать. Наконец, я поднялся по трапу и стал на верхней ступеньке при входе в самолет (начальник Генштаба прислал за мной самолет, поэтому часть вещей я мог уже забрать с собой). Передо мной стояли и приветливо махали руками сотни людей, которые стали мне дорогими, я видел приятные знакомые, даже родные лица. Возможно, кому-то в свое время и не уделял должного внимания, но так случалось не потому, что не хотел, а потому, что физически недоставало времени, хотя и работал, как правило, без выходных. Но сейчас и эти, обделенные мной вниманием, лица тоже пришли. Все они прекрасно понимали и видели, что я всего себя отдавал нашему общему делу.

Сдерживая слезы, я последний раз широко помахал руками, сцепил ладони над головой и наконец, поклонившись всем, вошел в самолет. Сев в кресло, еще долго смотрел в иллюминатор. И все это время мои друзья махали мне руками, цветами. Наконец воздушный корабль двинулся, все стоявшие внизу, на бетонке аэродрома, «забурлили», я тоже…

Последнее прощание, и самолет, вырулив на взлетную полосу, начал разгоняться. За бортом мелькали знакомые объекты. А вот и наш военный перрон — площадка на центральном Львовском аэродроме. Все машут, бросают вверх букеты, чтобы я увидел их — дорогих и незабываемых…

Какие это были счастливые годы! Они позволили мне, несмотря на многие препятствия (Пельше и т. п.), проявить себя всесторонне и сделать много доброго для людей. Это и личное счастье, но и польза всему обществу.

Еще один этап в жизни позади. Что уготовила мне судьба в перспективе, чего ждать дальше? Начинается новая служба — незнакомая обстановка, практически незнакомые люди, совершенно неизвестные методы. Как оно все сложится? Я тосковал, но не унывал. Тосковал по округу, коллективу, однако совершенно не думал «вешать нос» в связи с новой обстановкой. Мы еще поборемся.

Фотографии

В центре — маршал П.К. Кошевой, командовавший ГСВГ до 1969 года. Слева — П.Г. Лушев

Нелицеприятная беседа с командующим войсками 5-го военного округа армии ГДР генералом Ланке. На совместных учениях не всегда было все гладко

Петр Миронович Машеров посетил одну из танковых дивизий 3-й Ударной армии Группы Советских войск в Германии

У нас в гостях Валентина Терешкова

С генералом армии С.М. Штеменко

На вручении дипломов об окончании Школы прапорщиков. ГСВГ

Научно-практическая конференция.Справа налево: Х. Амбарян, А. Грибков, И. Мальцев, Д. Драгунский, В. Варенников, П. Лащенко

На совместных учениях с армией ГДР. Маршал И. И. Якубовский обратил внимание на особо интересный момент

Военный совет и руководство ГСВГ на церемонии возложения венков к памятнику Советского солдата в Трептов-парке

На сборах в ГСВГ. Рядом слева — командующий 2-й Гвардейской танковой армией Герой Советского Союза И.И. Тенищев

Командир 207-й мотострелковой дивизии генерал В.Н. Веревкин-Рохальский (слева)

С А.Н. Катричем — командующим знаменитой 16-й Воздушной армией

С генералом И.С. Медниковым

После строевого смотра. С командиром 12-й Гвардейской танковой дивизии генералом С.А. Стычинским

С генералами Лушевым и Бородиным.
«Я вам должен открыть один секрет...»

С командующим 20-й армией генералом Н.И. Лапыгиным

С парашютистами ВВС ГСВГ. Аэродром в Шперенберге. Лето 1973 г.

На учения прибыл маршал И.И. Якубовский

С министром обороны А.А. Гречко я всегда говорил откровенно

Культурный десант в ГСВГ.
Слева направо: Медников, Расул Гамзатов, Ивановский, Ян Френкель, Варенников, Лизичев

С генералом армии Г. Гофманом

В День Победы. Слева направо, первый ряд: Герасимов, Катрич, Куликов, Варенников, Говоров; второй ряд: Мальцев, Викторов, Тенищев, Шептуха. 1970 г.

Дружба солдат Советской Армии и армии ГДР была искренней, как и дружба наших народов

Политбюро ЦК СЕПГ и Военный совет ГСВГ на базе 10-й Гвардейской танковой дивизии в Потсдаме

Магдебургский полигон (ГСВГ). Командующий армией. 1969 г.

У немецких школьников. ГДР, 1969 г.

Выдающийся советский военачальник, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко

С генеральным конструктором МБР, дважды Героем Социалистического Труда Владимиром Сергеевичем Челомеем

Вот такие происходили неформальные встречи с избирателями Буковины

С Л.И. Брежневым и В.В. Щербицким. Львов, 1974 г.

Беседа В.В. Щербицкого с молодыми солдатами. Острые вопросы и блестящие ответы верных сынов Отечества

С Главкомом РВСН В.Ф. Толубко

Главное «замечание» министра обороны — «Почему солдаты такого же роста, как и министр?»

Беседа на деликатную тему. ГСВГ, 1970 г.

С министром обороны ЧССР генералом армии Мартином Джуровым

В центре — министр обороны СССР Гречко и министр обороны Венгрии Цинге. Венгрия, 1975 г.

Торжественное собрание в Львовском оперном театре в связи с награждением ПрикВО орденом Красного Знамени. Награду прикрепляет маршал В.Г. Куликов

На XXV съезде партии. Слева от меня В.Л. Говоров и К.С. Грушевой

В.Ф. Добрик и Д.Т. Телешевский — руководители Львовской области. 1973 г.

С И.М. Волошиным

Министр обороны Д.Ф. Устинов в «Железной» дивизии

На сессии Верховного Совета СССР. Слева направо: В.Г. Куликов, В.И. Варенников, В.Н. Чернавин, Н.И. Ховрин

Вручение «Железной» дивизии вымпела министра обороны СССР. Награду получает командир дивизии полковник К.А. Кочетов

С адмиралом И. Капитанцем в Долине гейзеров (Камчатка). Справа — единственные жители этой долины

Учения в ГСВГ. На командном пункте. 1971 г.

С Яношем Кадаром во Львове

С И.Г. Павловским

Депутата всегда встречали хлебом и солью.
Буковина, Черновицкая область, 1974 г.

С моими избирателями.
Черновцы, 1975 г.

Поздравляю полковника Л.Е. Генералова с назначением на должность командира дивизии. Львов, 1976 г.

С генералом Г.В. Срединым и первым секретарем Львовского обкома КПСС В.Ф. Добриком. Львов, 1973 г.

Очередной выпуск в Львовском военно-политическом училище. Львов, 1978 г.

С чехословацкими друзьями по оружию.
Львов, 1974 г.

С Г.С. Павловым. Москва, 1973 г.

С чекистами ПрикВО и их руководителем генералом Ф.И. Рыбенцевым

ГСВГ. Высадка морского десанта с танками во время учений. 1972 г.

С маршалом А.А. Гречко на открытии санатория «Крым». 1974 г.

С И.Н. Родионовым среди солдат и офицеров «Железной» дивизии

Разговор по душам

С Константином Симоновым

С Главнокомандующим ГСВГ Е.Ф. Ивановским. Вюнсдорф, 1972 г.